

84(59)7
H-83

Нодир Норматов

*Последнее завещание
художника*

Рузы Чарыева

8415977
H-83

Нодир Норматов

*Последнее завещание
художника*

Рузы Чарыева

Ташкент
«Узбекистан»
2016

TerDU ARIM
№ 3 98081

УДК: 821.512.133-4
ББК 84.(5У)7
Н 83

Норматов, Нодир

Н 83 Последнее завещание художника Рузы Чарыева [Текст]: роман-эссе/Н.Норматов. – Ташкент: «Узбекистан», 2016. – 168 с.+32 с. (вклейки)

ISBN 978-9943-28-508-8

УДК: 821.512.133-4
ББК 84.(5У)7

Литературно-художественное издание

НОДИР НОРМАТОВ

ПОСЛЕДНЕЕ ЗАВЕЩАНИЕ ХУДОЖНИКА РУЗЫ ЧАРЫЕВА

РОМАН-ЭССЕ

Перевод с узбекского *Гавхар Норматовой*

Редактор *Л. Бабаева*; художник-дизайнер *Р. Маликов*;
технический редактор *Т. Харитонов*; младшие редакторы *Д. Холматова*,
Г. Ералиева; компьютерная верстка *Ф. Батырова*

Издательская лицензия АІ № 158, 14.08.09. Подписано в печать 18 января 2016 года. Формат 70x100 $\frac{1}{16}$. Бумага офсетная. Гарнитура «Peterburg Uz». Печать офсетная. Условно-печатных листов 13,65+2,6. Учетно-издательских листов 12,86+2,50 вкл. Тираж 2000 экз. Заказ № 15-922.

Издательско-полиграфический творческий дом «Узбекистан»
Узбекского агентства по печати и информации. 100129, г.Ташкент, ул.Навон, 30.
Телефон: (371) 244-87-55, 244-87-20. Факс: (371) 244-37-81, 244-38-10.

e-mail: uzbekistan@iptd-uzbekistan.uz
www.iptd-uzbekistan.uz

ISBN 978-9943-28-508-8

© Н.Норматов. 2016.
© ИПТД «Узбекистан». 2016.

«ПАМЯТЬ ДАЕТ ЗНАТЬ ВРЕМЕНИ О ЕГО БЕСПРАВИИ...»

Эти строки известного поэта выразительно и точно передают пафос и направленность представленной русскоязычному читателю книги о жизни и творчестве известного узбекского живописца, народного художника Узбекистана, академика Академии художеств Узбекистана Рузы Чарыева. Это книга о человеке, жизнь и творчество которого были наполнены яркими, замечательными достижениями, и в то же время – драматическими, доходящими до трагического звучания, событиями. Древние греки говорили: «Все, что не происходит со мной, похоже на меня». Этот афоризм как нельзя лучше иллюстрирует жизнь Рузы Чарыева.

Писать о такой неординарной творческой личности и ярком человеке, как Рузы Чарыев, – задача чрезвычайно трудная, хотя, безусловно, благодарная и благородная. Трудность заключается в том, что Чарыев был человеком харизматичным, его экспрессивность и манера жизни были столь ярки, что в памяти творческой общественности и сознании знавших художника людей нередко заслоняли собой его качества живописца. Несмотря на то, что профессия художника не предполагает широкой известности, а художник по роду своей деятельности – персона более камерная, чем актеры или певцы, Рузы Чарыев поистине был широко популярным и являлся неким символом национальной творческой богемы. Эта фантастическая популярность в народе порой мешала более внимательно отнестись к сути его уникального живописного мастерства. На самом деле картины Р. Чарыева – это исключительно пронзительная мелодия в общем симфоническом звучании национального изобразительного искусства нашего времени. Найти золотое сечение в представлении образа Рузы Чарыева в такой неразрывной многогранности его человеческого и профессионального таланта – задача поистине сложная. В этом случае автору повествования о нем необходимо обладать полифоническим набором качеств – не понаслышке знать его жизнь, быть сведущим в тонкостях творчества, иметь незаурядную литературную пластику изложения. Все это сочетает в себе автор книги, посвященной Рузы Чарыеву, его близкий друг и соотечественник, талантливый писатель Нодир Норматов, долгое время профессионально изучающий художественную жизнь Узбекистана.

Книга была написана на узбекском языке и издана в 2009 году, а сейчас она переведена на русский язык. Это логично. И не только

потому, что судьба самого художника была связана с Россией, но и потому, что творчество Рузы Чарыева давно перешагнуло национальные границы и вошло в реестр мирового искусства.

Язык книги, даже в переводном варианте, представляет собой некий симбиоз литературного и искусствоведческого стиля, очень точно воплощающего образ уникального живописца во всех проявлениях его жизненного и творческого кредо.

Мне как искусствоведу, которому была оказана честь написать предисловие к этой книге, было бы непростительно не коснуться своего собственного отношения к Рузы Чарыеву. И ценность этой рукописи я ощутил, когда внимательно просматривал ее текст при подготовке этого вступительного слова. Перелистывая рукопись, знакомясь с не известными мне эпизодами из жизни художника и его глубокими высказываниями об искусстве, я вдруг еще раз обратился к своим оценкам, которые формировались у меня в отношении Рузы Чарыева на протяжении моего общения с ним и как с художником, и как с человеком. Я вновь осознал, какая невообразимая сила духа и фанатическая любовь к созиданию вела по жизни этого душевно тонкого и талантливого человека. Мне не приходилось писать о его творчестве специальных текстов, хотя я и упоминал имя Чарыева в общих характеристиках искусства второй половины XX века. Должен признаться, что до конца 1980-х годов о Рузы у меня было весьма поверхностное представление, я знал его работы, часто слышал его выступления на открытиях выставок и других мероприятиях, но непосредственного общения с ним не было. И если как художник он вызывал уважительные чувства, то о нем как о человеке к тому времени у меня сложилось несколько странное и большей частью негативное впечатление. Он мне казался несколько поверхностным, играющим на публику, фанфаронствующим человеком, сакраментальное «гениально!» которого вызывало у меня внутреннюю усмешку и иронию. И хотя я ни с кем не делился своими мыслями, все же впоследствии мне было стыдно за эти ошибочные суждения...

Смена оценок произошла неожиданно для меня самого после творческой командировки в 1987 году во Вьетнам. Такой замечательной поездки, полной фантастических ощущений и ярких эмоций, у меня не было ни до, ни после нее, хотя я объездил достаточно много стран. Во многом этому изумительному впечатлению я обязан компании с Рузы Чарыевым. И вправду сказано мудрецами: человек познается в далеких поездках и странствиях. Именно в поездке во Вьетнам я почувствовал те его человеческие качества – щедрость, доброту, заботливость, – которые не были видны при официозных встречах в Ташкенте. Во Вьетнаме он проявил себя великолепно – был веселым, фееричным, тонким, умным собеседником. Его выступления перед вьетнамскими художниками, искусствоведами поразили меня точностью и глубиной оценок. Каждый раз после его слов публика просила Рузы

вновь и вновь выступить. Он буквально очаровал вьетнамцев. Предомной предстал совершенно другой человек. Да, это был Рузы Чарьев, который пел, восторгался, громко говорил, но все наносное, внешнее словно растаяло. Это был глубокий, сложный по логике рассуждений и виртуозно мыслящий художник, тонко чувствующий боль, проблемы и радость окружающих. Наброски-импровизации буквально искрились из его рук, он раздавал их направо и налево, радуя и ошеломляя вьетнамских друзей высоким профессионализмом и точностью наблюдений. В конце концов он растопил во мне всю прежнюю настороженность и полностью расположил к себе.

В своей книге Н. Норматов пишет, что Рузы Чарьев не привез из поездки во Вьетнам ни одной портретной работы. Должен здесь возразить автору и рассказать об одном эпизоде. Как-то вечером во время пребывания в Хайлонге (заливе «тысячи островов» на берегу великого Тихого океана, о котором упоминает Норматов), Рузы устроился за этюдником и стал делать акварельные наброски. Он быстрыми, порывистыми движениями минут за двадцать набросал мой портрет под лампой в вечерних сумерках и показал мне. Портрет потряс меня не только тонкостью лессировочной проработки и великолепной пластичкой вибрирующего сине-голубого колорита, но и каким-то мистическим характером образа. По утонченной тающей цветовой пластике портрет можно было бы сравнить с работами Ренуара, но по силе звучания он напомнил поразившего меня когда-то «Сайробского старика» самого Рузы Чарьева. Физиономически это был я, и в то же время с листа на меня смотрел некий странный персонаж, в котором не психологическая, а сиюминутная экспрессия передавала таинственную неповторимость застывшего вечера. С трудом сдерживая эмоции, я попросил Рузы подарить мне этот портрет, но он решительно отказался, спрятав лист с моим портретом в папку рисунков. Он не жадничал, потому что подарил мне потом в Ташкенте огромную красивую картину, написанную маслом, – портрет женщины-арабки, который хранится у меня дома, но мой портрет он мне так больше и не показал... Может, он хранил его как талисман или сакральный символ неожиданно озарившего его творческого вдохновения?..

Возвращаясь к содержанию книги Н. Норматова, следует подчеркнуть: ее значение в том, что она раскрывает человеческие качества Рузы Чарьева на конкретных примерах и событиях, показывая неординарность характера художника, истоки которого – в сложных перипетиях его жизненного пути. Структура книги, ее содержание построены на незримом диалоге автора книги и самого художника. Жизнь художника, его работа в драматическом сплетении событий мастерски описываются Н. Норматовым. Делает он это ненавязчиво, с изысканным литературным мастерством. Пластически точно внимание читателя акцентируется па ярких эпизодах из жизни художника. Именно они

придают особую выразительность повествованию и показывают причины появления такого феномена, как Рузы Чарыев.

Судьба национального искусства XX века – тема, еще художественным сознанием и критикой не осмысленная в должной мере. На фоне интенсивно проникающих новых тенденций мирового искусства, изменивших картину изобразительного искусства молодого независимого государства на рубеже нового тысячелетия, наследие национальной живописи порой представляется несколько архаизированным, теряющим свою художественную актуальность феноменом. Умная и тонкая книга Нодира Норматова позволяет нам избежать столь поспешных историко-культурных оценок, взглянуть на это духовное наследие более пристально, в контексте важных человеческих и эстетических ценностей. Такие шедевры, как «Материнское раздумье» Р. Ахмедова, «Потрет А. Хидоятова» работы А. Абдуллаева, эпические пейзажи У. Тансыкбаева и, конечно же, «Сайробский старик» Рузы Чарыева заставляют нас вновь и вновь обратиться к этому золотому фонду узбекского искусства, увидеть в них истоки современного национального возрождения искусства.

Как признается автор книги, ее пафос нацелен на привлечение главного – читателя: «...книга стала результатом двух точек зрения – автора и художника. Самая главная ее цель – появление третьей точки зрения – читателя – на искусство, новый взгляд на жизнь, новые мысли». Читая книгу Нодира Норматова, убеждаешься в том, что эта цель достигнута. Во всяком случае, я с интересом включился в этот неспешный и мудрый разговор о судьбе художника.

*Акбар ХАКИМОВ,
доктор искусствоведения, профессор, академик
Академии художеств Узбекистана, заведующий
отделом изобразительного и прикладного
искусства Института искусствознания
Академии наук Республики Узбекистан.*

ПАМЯТИ РУЗЫ ЧАРЫЕВА

Народный художник Узбекистана Рузы Чарыев имел огромное число поклонников. Я – один из них. Но лишь немногие, как я, были свидетелями сокровенных мгновений – работы художника над автопортретом. Рузы-ака каждый год рисовал автопортреты. Лишь в 2003 году, за год до кончины, в мастерской торжественно, перед собравшейся публикой, объявил, что отныне не будет делать этого. Внешне тогда он был чем-то удручен, а точнее – подавлен, и выглядел как футболист, навсегда оставляющий поле. Я не знаю, почему художник пришел к такому решению, возможно, интуитивно чувствовал приближение кончины. Его последний портрет выполнен на белом фоне – грустный, потухший взгляд, какая-то невероятная усталость во всем облике.

Двери мастерской художника в часы творческого подъема были открыты для почитателей и поклонников его таланта. Начну рассказ издалека – хочу рассказать об одном случае. Это было в 1973 г. Я уже окончил университет. Жил в арендованной однокомнатной маленькой комнатке. Однажды, видимо, накопилось, я начал жаловаться Рузы Чарыеву: «Совсем тесно жить, часто бывают гости, не могу писать...». «Пиши на улице», – ответил художник. – «Но я же не работаю с мольбертом, как Вы, а на бумаге пишу, – парировал я. – Что я буду делать зимой?». Рузы-ака, как бы подтрунивая над моими словами, усмехнулся: «Хочешь работать? Работай везде. Эрнест Хемингуэй сочинял сидя на тротуарах, на чердаках, в кафе. Никогда не жаловался». (Это была моя первая и последняя жалоба, а после, заинтригованный, я стал изучать творчество упомянутого писателя.) Рузы-ака, как бы уточняя, добавил: «На остановке, в автобусе, где хочешь, – только пиши. Пиши там, где тебе пишется, где удобно. Писать только дома необязательно». «А вдруг придется писать ночью?» – спросил я. – «Ночью, если что вспомнишь, мой тебе совет: черкни на бумаге. Утро, как говорится, вечера мудренее, решение придет само собой», – добавил он.

Тогда целью моего к нему прихода было napроситься работать в его мастерскую, которая всегда была переполнена поклонниками и просто празднующими людьми. Здесь запросто останавливались те, кто был без ночлега или почему-то остался на улице. В такой шумной обстановке художник работал. Он писал всюду: дома, в метро, на улице, в самолете, на земле или в море – писал и рисовал. В 1970-х годах, кажется, из Швеции, Рузы-ака привез огромную кожаную, как у почтальона, сумку. Его друзьям и близким она была хорошо знакома, сумка стала на много лет его неразлучной спутницей. В ней хранились всегда готовые к работе разной величины тюбики красок, блокноты, фломастеры, цветные карандаши, уголь и много-много разной мелочи,

необходимой для работы. Здесь же лежал и черствый хлеб – специально высушенные местные лепешки, которые не раз, случалось, вместе с деньгами и красками он отдавал нуждающемуся художнику. Да, именно в такой шумной обстановке ему нравилось заниматься творчеством и вести беседу, при этом ни на миг не отвлекаясь от основного занятия.

Помню, в Термезе мы были на поминках жены Абдурахмана Рахматова – актера театра, народного артиста Узбекистана. Р. Чарыева всегда привлекали необычные поза, внешний вид, мимика, передающие психологическое состояние, в данном случае – глубокую скорбь. Его заинтересовало, как люди цепочкой в ряд расположились во дворе, позже сели в полукруг. Тихо, стараясь не привлечь внимания собравшихся, он протянул руку к своей заветной сумке. Делая вид, что беседует, нашел причину, чтобы вытащить блокнот, и тут же сделал наброски очертаний предметов, силуэтов людей. Эскизы позже стали основой цикла портретов «Люди Сурхандарьи». Знаменитую сумку художника украли в аэропорту. Я не помню другого такого случая, чтобы художник так сильно горевал.

С исчезновением сумки живописец чертил и рисовал на всем, что попадало под руку – на салфетках, бумаге, картоне. Наброски, эскизы легли в основу его больших полотен.

Художник утверждал: «Картины – отражение моей биографии, моей истории». Для Р. Чарыева характерны разнообразные в эпическом плане образы. Изображенные мастером на картине, они завораживают своей естественностью и неповторимостью. Он был всегда готов к работе, где бы то ни было – в мастерской ли, в командировке ли – у него всегда наготове был мольберт. Резерва хватало максимум на неделю. В последние годы нелегко было покупать необходимое для работы полотно, поэтому художник начал работать на картоне, бумаге. Различные виды техники – акварель, гуашь, карандаш – были подвластны ему, хотя сам мастер любил кисть и масляные краски.

«Почерк» Рузы Чарыева виден даже издали. Сегодня в мире образительного искусства нечасто встретишь художника, узнаваемого по индивидуальному почерку, свойственному лишь ему. Много плагиата. Личность неповторима, таким должно быть и творчество. Это приоритетный, нерушимый закон творчества.

О Рузы Чарыеве можно сказать, что он видел мир и человека с точки зрения художника. Он все пропускал через себя, через свое сердце. Использование фотографии считал видением предмета чужим взглядом. Всегда стремился иметь максимум красок. Творчество было делом его жизни.

Естествен вопрос, где и как формировался почерк художника Рузы Чарыева. Процесс начался в годы учебы в Ленинградском институте живописи, скульптуры, архитектуры имени И. Репина, куда он поехал, окончив Республиканское художественное училище имени П. Бенькова.

Он собирал материал для дипломной работы «Крушение Бухарского эмирата».

До этой картины проявления традиционного реализма видны в его предыдущей выпускной работе 1959 г. – «Базар Бухары». В Москве картина выставлялась в Дни декады узбекской литературы и искусства. «Крушение Бухарского эмирата» – фундаментальная, эпическая картина, показавшая, что почерк Рузы Чарыева как зрелого художника уже сформирован. Заслуживает внимания и небольшой период до появления картин «Мой друг», «Мой современник» – период поиска, накопления опыта. Произведения создавались в стиле европейского и русского традиционного направления, но насыщенные солнцем радужные тона показывали истинный духовный мир и стиль автора.

На первый план выдвигались самобытность, неординарность мазка и цвета, высокий уровень культуры изображения – свидетельство постоянного поиска, профессионализма художника, особое внимание уделяющего композиционному построению, колориту цвета, пропорциям, грации, академическому подкреплению каждой детали, выверенности графической работы или эстетически обворожительному изображению.

После 1965 г. – пора расцвета творчества Р. Чарыева. Этот бушующий, экспрессивный метод в его творчестве продолжался до 1980–1985 годов. Именно с 1965 года он подписывает свои работы. Он нашел свой стиль. Я не ошибусь, если скажу, что его становлению как профессионального художника послужила также поездка с Абдулхаком Абдуллаевым в страны Африки и Средиземноморья. Он активно путешествовал, исходил много мест, многое увидел, побывал в разных странах – Швеции, Румынии, Турции, Афганистане, государствах Африки.

После поездки за рубеж Р. Чарыев неустанно ходил по родной земле, по ее полям и горам. Его вдохновляло все, даже цветок янтака – степной верблюжьей колючки – радовал его и являлся причиной, чтобы взять в руку кисть. Он часто повторял: «Земля наша – золотая. У нас нет некрасивых пейзажей, живописец должен через сердце пропустить и увидеть ее краски».

Картины «Рождение девушки», «Передовая. 1941 год», «Кумкур-ганские яблоки», «Крушение Бухарского эмирата», «Вечер в Сурхандарье», «Свадьба в Сайробе», «Джизакское восстание» – результат неустанных поисков, наблюдений. В разряд крупнейших произведений можно отнести и портреты «Олим Ходжаев», «Икрам Акбаров», «Актер и кинохудожник Шавкат Абдусаломов», «Г. Пугаченкова», «Рафаил Такташ», «Барно», «Доярка», «Семья Тошевых» и др.

Картины Р. Чарыева «Сюзане», «Невеста» выставлялись на многих международных выставках, получили высокое признание и не раз были отмечены на страницах центральной печати.

Картина «Семья Тошевых» – результат долгого поиска. Художник часто останавливался в семье простого труженика Тошева в кишлаке

«Авлод», что в Байсунском районе. Из маленьких этюдов, сделанных в разное время, получился шедевр. Сейчас картина хранится в Государственном музее искусств Узбекистана.

Р. Чарыев – один из первых художников, кто в 90-е годы создал крупным планом на полотне образ Амира Темура. Картина-плакат была издана большим тиражом. Коллегами по кисти цветное решение было встречено с одобрением. Помню, копию плаката купил художник Чингиз Ахмаров и подарил Рузы Чарыеву. Чингиз Ахмаров с большим пониманием отнесся к этой работе и выразил свою признательность художнику. Некоторые отметили, что глаза у полководца сужены сверх меры. Все проясняется, если учитывать, что Амир Темура сидит на троне, в боевом положении и доспехах, и, сузив глаза, пристально вглядывается во что-то. Надо учитывать, что это была первая проба, и Рузы-ака писал этот портрет с миниатюр древних рукописей.

Местонахождение выполненного в очень интересном композиционном решении портрета на сегодняшний день неизвестно. В последующие годы в творчестве Рузы Чарыева нет той широты в использовании густых мазков и ярких тонов, как раньше. Как будто оборвалась традиция – ушли теплые тона, густота красок. Переход на холодные тона, свойственные Санкт-Петербуржскому пейзажу, возможно, произошел потому, что в самом характере живописца что-то кардинально изменилось.

Был в этот период и светлый луч – после поездки в Турцию в его картинах вновь появились радужные тона.

В годы независимости Р. Чарыев создал много произведений, и они, я думаю, должны быть отдельно проанализированы, изучены, поскольку новые веяния времени отображены на них по-новому. «Наступила пора работы, я родился вновь», – говорил он, и каждый раз, когда я бывал у него, показывал новую картину. Не все картины при жизни успел выставить художник на суд зрителей.

Искусство, лучшие порывы души отражают картины Рузы Чарыева. В одном из интервью он сказал: «Я люблю ходить среди народа, чтобы мое творчество было еще реальнее и проще».

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

КРАСОЧНЫЕ ДВЕРИ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

*Искусство – шаг из видимого и
понятного в скрытое и непостижимое.*

* * *

Воспоминание – одна из форм встречи.

Джебран Халиль ДЖЕБРАН

Кишлак Вандоб расположился у самого подножия гор, лето сюда запаздывает. Вернее, весна не торопится убирать приданое, выставленное всем напоказ. Удивительное это зрелище, когда и весна еще не отцвела, а уже в свои права входит лето.

Наступила та пора, когда созрел урюк и на деревьях стали появляться первые желтые листья. Однако рядом, в двух шагах от нашего дома – на склонах гор – все еще буйствовали цветы и травы, их высота на некошенных лугах достигала колен, а над ними кружили белые, оранжевые, желтые бабочки. Если пойти в сторону водопада – многоцветие красок ослепит вас. И вспомнится детство. Какое это счастье – спрятаться в непроходимых зарослях и о чем-то мечтать! От аромата цветов займется дыхание. Слух будет ласкать пение птиц.

Я был один в комнате и наслаждался зрелищем таких вот пейзажей, сделанных накануне. Рузы-ака с самого утра рисовал на фоне далеких гор мальчишку, раскладывавшего на крыше глинобитного сарая урюк для сушки.

Я открыл дверь и вышел на улицу. И сразу почувствовал тонкий аромат полевых цветов. Их оставила возле дома девчушка лет десяти, живущая рядом с пионерлагерем. Имени ее мы не знали. Когда заговаривали с ней, она молчала, лишь сверкала глазами-бусинами и убегала. Цветы даже не привяли, они были все еще свежи и нежны. Для этой девочки Рузы-ака написал картину, где изобразил ее на фоне рощицы. С тех пор она и привязалась к Рузы-аке. Для художника даже самый обыкновенный цветок – «замечательный», вот и носит девочка нам охапками эти цветы.

Назавтра, под вечер, Рузы-ака исчез. Разыскивая его, я обошел окрестности лагеря. Оказывается, у дочки сторожа потерялись бараны. Рузы-ака отправился с ребятами на их поиски. В ту ночь он вернулся

промокшим до ниточки. «Знаешь, я видел камни, которые сияют даже в темноте. С таким явлением мне раньше не приходилось сталкиваться», – говорил он вне себя от счастья. Проснувшись утром, я не обнаружил Рузы-ака. Он вернулся ближе к обеду с новым этюдом. «Если бы бараны не потерялись, я бы никогда не увидел тех удивительных мест», – сказал он.

Накануне осени мы покинули эти места. Рощи на склонах гор понемногу обретали желтоватую окраску, реки становились полноводнее день ото дня. На улицах кишлака, давшего нам временный приют, начинался листопад, многое в природе стало незаметно меняться. Костер, разожженный детьми, дочку сторожа, приносящую каждое утро цветы, картину туманной ночи, когда они искали пропавших баранов,

позднее я находил в его произведениях, – все эти картины получили творческое преломление под пронизательным взглядом художника, стали яснее и ярче.

Со времени нашего первого совместного с Рузы Чарыевым путешествия прошло уже без малого пятнадцать лет. Где мы только ни побывали за эти годы, о чем только ни говорили и не спорили, порой далеко за полночь!

Однажды мы услышали по узбекскому радио интервью художника Чарыева, на тот момент заместителя председателя Союза художников Узбекистана, Заслуженного деятеля искусств республики:

«... Расскажу о себе. Я из далекого кишлака Пашхурд – есть такой в Сурхандарье. Мне было несколько месяцев, когда мы с братом лишились родителей. Мы не знали материнской ласки. Воспитывался я в Шерабадском детском доме, потом в Термезском. С самого раннего возраста очень любил рисовать, никогда не расставался с цветными карандашами.

При Термезском краеведческом музее организовали кружок юных археологов. С увлечением я начал в нем заниматься. Мы совершали интересные походы. Нам поручали зарисовывать природу, и в моем альбоме появились и голубые Бабатагские горы, и волны капризной Амударьи, и зыбь песков под раскаленным солнцем...

В музее работала художница Наталия Николаевна Попова. Она обратила внимание на мои зарисовки, стала учить меня рисовать. Часто

рассказывала о творчестве великих мастеров кисти. Советовала мне посвятить свою жизнь искусству.

Вскоре я закончил школу и по ее совету поехал в Ташкент – держать экзамены в художественное училище имени Бенькова. Представьте себе, меня приняли! Но не прошло и года, как меня призвали в армию. Яркие пейзажи родного Узбекистана сменили живописные Карпатские горы – там я обучался воинскому делу. Однако каждую свободную минутку использовал для зарисовок. И когда через четыре года я вернулся в училище, то привез с собой множество этюдов. Меня сразу перевели на второй курс. Закончил училище, и меня направили в далекий Ленинград – продолжать учебу в Академии художеств. Этот дивный город с его дворцами, картинными галереями, скульптурами Летнего сада, с его «в гранит одетой Невой» неповторим! Казалось, сама атмосфера Петровского града насыщена высоким искусством, духом великого Пушкина. Там я учился живописи, знакомился с творчеством многих мировых гениев.

Наконец окончил и академию, получил диплом с отличием, вернулся в Ташкент. Жизнь моя богата и плодотворна. Возможность отдаваться живописи – великая радость и счастье. У меня своя художественная мастерская. Участвую в выставках. Мои произведения удостоены показа на республиканской выставке «Наш современник». Была организована и персональная выставка – это мой творческий отчет перед родным городом.

Путешествие по странам мира раздвигает горизонты творчества. С новыми впечатлениями возникают и новые темы. Я много видел во время поездок, познакомился с искусством народов Африки, любовался в подлинниках шедеврами итальянских гениев, созерцал в Греции классические образцы эллинской архитектуры и ваяния. Был в Швеции, Румынии, на Мальте...

И все же история моей жизни, пожалуй, ничем не примечательна для условий нашей страны. Ведь каждый может избрать себе любимое дело. И если простой кишлячный мальчонка смог стать художником, значит, и любой может добиться такого же успеха. Поэтому никогда не следует отступать от задуманного.»

После такого интервью Рузы-ака признался мне:

– На встречах многие – чаще всего это дети – спрашивают меня: как вы стали художником? Я отвечаю им, что стал художником благодаря тому, что постоянно учился и достиг успехов в живописи неустанным трудом, что рисовал без усталости. Говорю, что сама жизнь воспитала меня как художника... И все же нутром чувствую, что сказанного мною мало. Если бы мы вдвоем затеяли книгу, то уж она стала бы ответом на все их вопросы...

Эти слова послужили для меня отправной точкой для работы – я стал записывать высказывания художника об искусстве, о жизни. Вначале я хотел написать книгу от имени Рузы-ака. Позже увидел,

что в канву повествования стало вплетаться то, что я знал, слышал о художнике, мои личные наблюдения. Так книга стала результатом двух точек зрения – автора и художника. Самая главная ее цель – появление третьей точки зрения: читателя – на искусство, новый взгляд на жизнь, новые мысли.

Художник часто получал из Сурхандарьи, Бухары, Кашкадарьи письма такого примерно содержания: «Был у нас родственник по имени Рузы. В голодные годы он жил в детском доме. После следы его затерялись. Напишите свою биографию. Может, Вы тот человек, которого мы ищем...»

Ознакомившись с письмами, Рузы-ака сказал мне:

– Чтобы ответить на все эти письма разом, хорошо бы дать мою биографию. А то, что они идут из этих трех областей, это не случайность. В те годы мальчикам, родившимся накануне поста, давали имена Рузы или Рузыбай...

ВОСПОМИНАНИЯ ДЕТСТВА

«Маму я не помню. Мне едва исполнилось восемь месяцев, когда она заболела тифом и умерла. А вслед за ней вскоре умер и отец. Об этом мне рассказывала тетя, дожившая до глубокой старости и умершая в девяностолетнем возрасте. Я родился в беспокойное, голодное время. «Множество людей по чьему-то оговору, по навету, без суда и следствия оказывалось в тюрьме, – рассказывала тетя. – Их осиротевшие дети пухли с голоду и умирали». Это были времена, когда люди жили в постоянном страхе, не верили друг другу. Вот из-за таких ошибок, из-за того, что торжествовала несправедливость, распались многие семьи, братья и сестры, родственники разлучались и разъезжались по свету. Волею судеб, как говорила моя тетя, на мою долю выпало немало испытаний.»

Из дневника художника

В тот памятный вечер он наполнил ковш водой и уселся на большой валун, смотрел на все и старался запомнить. Напротив него, прямо посреди хауза, росла джида. Ствол ее наполовину скрывался в зеленоватой воде. Ветер срывал ее белесые прошлогодние листья. На широкой площадке ребяташки играли в чилляк – игру, напоминающую «чижика». Потом дети пошли навстречу стаду, лениво бредущему по степной дороге. Девчонки встретились на узкой улочке, посекретничали и разбежались.

Рузы же думал о том, как встретит его завтра далекий город. С малых лет он любил горизонт, воображал, что в нем есть что-то такое,

что может наполнить его сердце радостью. Но он любил не только горизонт, но и свой кишлак. В особенности самозабвенно любовался громадами гор, окружавших кишлак. Неугасимая краса гор, их вершины, зовущие ввысь, очаровывали его. При взгляде на них различные чувства переполняли его. Последние красноватые лучи закатного солнца трепетали на верхушках тополей, растущих в горных ложбинах. Под тополями пробудились родники. Кеклики, лягушки, дождавшиеся весеннего вечера, оглашали округу таинственными звуками.

Да, он все это любил, только что-то манило его в неведомые дали.

Назавтра Рузы увезут за горы, откуда по утрам встает солнце. В памяти осталось только это.

...Когда осеннее солнце осветило сады, Рузы пришел к своему наставнику Гавриилу Васильевичу Парфенову. По профессии он археолог, а в свободное время вел кружок юных краеведов. Однажды он рассказал ребятам о красной пещере. «Я слышал об этой пещере в Зараутсае, Кухитанге, Байсуне», – сказал Рузы. «Мы обязательно исследуем ее, начинайте готовиться в поход», – сказал археолог. Рузы пришел к нему за советом: где можно найти какой-нибудь альбом, цветные карандаши? В здешних краях не так-то просто было что-либо найти. До того как он оказался в Термезе, Рузы побывал в детских домах Байсуна, Шерабада, Кумкурмана, ему очень хотелось нарисовать портреты друзей, с которыми он так неожиданно расстался.

Рузы постеснялся попросить у археолога альбом, потому что какая-то девушка, установив этюдник, писала его портрет.

– Эта девушка – художница, – представил ее археолог. – Зовут Елена. Она будет теперь вести у вас уроки рисования.

Елена спросила, сколько ему лет.

– Мне исполнилось двенадцать, – ответил Рузы.

Елена, подумав, сказала, что начинать заниматься живописью в этом возрасте уже поздно. Рузы возразил ей, что он все равно будет художником.

Девушка улыбнулась и сказала:

– Для тебя не поздно. Только нужно будет много трудиться.

Рузы стал смотреть этюды, видимо, совсем свежие, от них еще исходил запах краски. Девушка поставила пластинку, и во дворе зазвучала незнакомая мелодия.

Рузы засмотрелся на ее стройную фигурку, и на душе у него потеплело. Захотелось нарисовать ее портрет. Но он постеснялся. Попросил позволения уйти.

– Ладно, иди. Проводи заодно и Елену, – сказал Парфенов.

Когда они вышли на улицу, их опьянила свежесть воздуха, еще влажного от недавно прошедшего дождя. Налетавший временами ветер будоражил душу. Мокрый асфальт дороги блестел и отливал желтоватым светом – отражением неоновых фонарей.

Елена подарила ему красный карандаш. Улицы города, освещенные множеством огней, были в этот час, когда Рузы провожал Елену, безлюдны и тихи. Все его воображение было захвачено красным карандашом, которым он уже рисовал алую зарю.

В сказках, которые он читал, часто встречались такие слова: «Есть, говорят, на белом свете прекрасный город, ключ от ворот этого города, говорят, хранится у одной пери». Красный карандаш стал для него чем-то вроде этого ключа, ему казалось, что все тайны мира он откроет благодаря карандашу, подаренному Еленой.

Рисую этим карандашом все, что ему хотелось, те вещи, которые радовали его сердце, он получал большое удовольствие. В его альбоме появился кинотеатр, вечерние аллеи, цветники, радующие глаз обилием цветов, берега Сурхана, базарные ряды, канал Карасу, ночные странствия – все это теперь жило в его альбоме.

Однажды вечером директор детского дома Владимир Винокуров сказал, что они едут в Ташкент. Директор потерял зрение, и чтобы отвезти его к доктору Филатову, ему обязательно нужен был сопровождающий.

Назавтра они прибыли в Ташкент. Оказавшись в этом городе впервые, он был поражен. Трамваи, большие красивые здания, многолюдные улицы...

На прием к врачу собралось много людей. Записались к нему и зашли в ресторан. Здесь тоже было шумно и многолюдно. На эстраде какой-то пожилой растрепанный человек выводил на гитаре грустную мелодию, а молодой безрукий артист что-то пел под эту мелодию. Военная форма на артисте говорила о том, что он недавно вернулся с фронта.

Еда здесь была вкусная. И Рузы подумал: вот бы всю жизнь возить директора из города в город!

На прием к Филатову они не смогли попасть. Утренним поездом они вернулись в Термез. Туман, опустившийся после дождя, затемнил и без того сизые окна вагона. Видя, как пал духом директор, Рузы стал жалеть его. Ах, если бы у него была волшебная лампа Аладдина, он смог бы вернуть зрение этому человеку!

Когда они приехали в Термез, Рузы рассказал об этом и своей учительнице. Елена растрогалась: «У тебя доброе сердце, теперь я не сомневаюсь: из тебя получится художник».

Однажды Елена взяла с собой Рузы на реку. Она была заправской пловчихой. Она накупалась и наплавалась вволю. Рузы целый день рисовал, наслаждаясь прохладой, собирал корни тамариска, сломанные ветки. Вечером разжег костер. Елена рассказывала ему об Айвазовском, который «превратил бумагу в море», об Эрмитаже.

– Ты знаешь, Айвазовский очень любил родину. Жена любила Петербург, высшее общество. Художник не мог изменить себе. И по этой причине он оставил жену и четверых детей...

Они говорили еще долго. Когда наступила ночь, стали наблюдать, как играли на волнах реки звезды. Мигающие вдалеке огоньки, пение речных лягушек, пронзительный крик ночной птицы в камышах придавали ночи таинственность. Когда лучи прожектора стали обшаривать южную сторону горизонта, они забрались в палатку.

В тот день Рузы удалось сделать неплохие рисунки с видами реки. Ему теперь постоянно снился Эрмитаж.

– В Эрмитаже ты еще успеешь побывать. Изучи вначале хорошенько родимый край, – говорил ему Парфенов.

Однажды археолог повел юных краеведов к горам Кухитанга.

– Мы осмотрим вначале эту красивую местность, а потом исследуем пещеры с красными рисунками, – сказал Парфенов ребятам. Удивительные места. Мы их обязательно зарисуем.

Они пошли в сторону пещер.

Рузы, подстраховавшись, стал срисовывать древние наскальные рисунки, сцены охоты. Это был первый творческий шаг молодого художника.

В детдоме всегда найдется, чем занять себя: уборка территории, помощь на кухне, заготовка дров... В свободное время ребята, разбившись на «белых» и «красных», играют в «войну». Ему эта игра не очень нравится, поэтому он старательно выполняет порученную ему работу. Однажды Рузы было велено пробежать по тонкой доске над большим хаузом, который был у них во дворе. «Почему это я не пробегу, конечно, пробегу», – подбадривал он себя. Подбодрил и побежал. Но когда добежал до середины моста, споткнулся обо что-то и полетел в воду. Ему было тогда двенадцать лет, но плавать он не умел. Стал тонуть.

Кто-то вытащил его из хауза. Посмотрел на своего спасителя – и глазам не поверил. Это был первый задира и хулиган. Рузы раньше недолюбливал его. Но с этого дня тот стал ему как родной.

Рузы опять взялся за рисование. Когда он садился за альбом, у него сразу поднималось настроение. У того мальчишки, который вытащил его из воды, была кличка «Мишка», хотя он был узбеком. Увидев рисунки Рузы, он сказал ему:

– Смотри, у тебя такие умелые руки, что ты подбираешь здесь детдомовские куски? Устройся на работу. Вот я таскаю на вокзале вещи и беру за это деньги. Если захочешь, я и тебе найду что-нибудь подходящее.

Рузы согласился. Конечно, лучше жить самостоятельно. Никто тебя не ругает. Заработаешь деньги, можешь потратить их как захочешь.

С этими мыслями он сбежал из детдома. Они сняли с Мишкой одну комнату и стали жить. Рузы стал помощником сапожника. Через какое-то время он понял, что совершил ошибку. Тех денег, которые ему давал мастер, едва хватало на пропитание.

Однажды он так проголодался, что ему стало дурно. В кармане ни гроша, но он слонялся по базару. Три раза заходил в хлебный магазин. Под конец не удержался и незаметно стянул у продавщицы буханку. Но даже отойдя от магазина на приличное расстояние, не смог отважиться отломить хоть кусочек. Он вернулся в магазин.

– Тетя, я украл у вас хлеб. Но я его не съел. Вот, возьмите, – сказал он продавщице.

И тихонько положил буханку на прилавок.

От этих слов женщина прослезилась. Видимо, она догадалась, что он сирота, тут же отрезала и протянула ему кусок хлеба.

– Будь проклята это война, – с горечью сказала она.

После этого Рузы стал помогать ей, и она давала ему за работу кусок хлеба.

И все же такая жизнь была не для Рузы. «Нужно возвращаться в детдом. Но вот примут ли они меня?»

К счастью, его не прогнали. Возвратившись, он услышал новость. Детский дом переезжал из Термеза в поселок Сурхан.

УСТРЕМЛЕННОСТЬ К МЕЧТЕ

«В 1966 году я встретил своего друга Рауфа Вахабова, с которым вместе рос в детском доме. Он в то время делал хорошие скульптуры. Но художником не стал. «Не было возможности получить образование», – попытался он оправдаться. Я четыре часа трудился в тот день над его портретом и мысленно спорил с ним: «Как это не было возможности... у меня тоже никого из близких не было, однако я добился своего – получил образование художника». Вслух я этих мыслей не высказал.»

Из дневника художника

Рузы понравился чистый воздух Сурхандарьи, ее необъятные горизонты, запах ее земли. Хотя их жилые комнаты не были такими светлыми и уютными, как в городе, важно то, что чувствовалась большая свобода. Можно было совершать дальние и ближние походы, рисовать все, что твоей душе угодно.

Продержав Рузы в детдоме два года, решили направить его в ФЗО (фабрично-заводское обучение) № 7. Рузы должен был выучиться какой-нибудь рабочей профессии на одном из ташкентских заводов. Оставался год до окончания войны, на заводах и фабриках катастрофически не хватало рабочих рук.

Рузы был готов трудиться. Но монотонная работа на заводе была ему не по душе. А когда работа не нравится, человек быстро устает.

Он сбежал из общежития. Он знал, что стоит ему появиться на вокзале, как его тут же схватят и вернут на прежнее место. Поэтому он отправился пешком по железной дороге, надеясь вскочить на подножку какого-нибудь товарного состава, едущего в Сурхандарью.

Идя вдоль железной дороги, он пытался запомнить все необычное, систематизировал свои наблюдения.

Когда он все же забрался в товарный вагон, его довольно быстро изловили. На дорогах тогда было очень много беспризорников, похожих на него. Рузы с группой таких ребят отправили в детский дом в Ленинабад. Небо над городом было красивое. Особую прелесть придавали ему видневшиеся вдаль горы в пелене облаков. Но через два дня ему стало тоскливо. Он скучал по родным местам, по своим друзьям. На третий день сбежал из детского дома. И опять пустился в дорогу. Кормился тем, что ему давали местные жители: кислым молоком, куском лепешки. Чтобы не заблудиться, держался железной дороги. На какой-то маленькой станции опять вскочил на подножку товарного поезда.

Когда он доехал до Термеза, на вокзале увидел русского художника, который продавал красивые женские портреты. Какое-то время Рузы наблюдал за ним. Возвращающиеся с фронта солдаты с удовольствием покупали эти портреты, другой человек доставлял продавцу все новые и новые работы. «Я бы тоже мог рисовать такие портреты и продавать их», – подумал Рузы.

В тот же день он познакомился с этими художниками. Они дали Рузы большущий картон, положили перед ним фотографию какой-то женщины и велели срисовать ее. Рузы сделал копию, его работа понравилась им.

Уже через полгода он так набил руку, что делал очень хорошие копии. В это время он снимал квартиру у сотрудницы музея художницы Натальи Михайловны Поповой. Он теперь зарабатывал деньги, рисуя картины в мастерских. Наталья Попова посоветовала ему ехать в Ташкент, поступать в художественное училище.

И он поехал в Ташкент.

– Я не боюсь экзамена по рисованию, а вот с языком у меня плохи дела, – честно признался он Саше Боцману, с которым познакомился во дворе училища.

– Ну, сдавай тогда экзамен на родном языке, – посоветовал Саша.

– Вся беда в том, что я не знаю толком ни русского, ни узбекского, – сокрушался Рузы.

Он был прав. Все экзамены он сдал успешно, а русский завалил. Но то ли преподавательница сжалилась над ним, то ли картины его понравились, – она назначила пересдачу экзамена и поставила ему тройку.

Рузы приняли в училище. Каждую новую работу он показывал той мягкосердечной преподавательнице и говорил:

– Когда-нибудь я оправдаю ваше доверие.

После окончания первого курса он получил повестку в военкомат. Когда стал прощаться с однокурсниками, они дали ему шутовское обещание:

– До твоего возвращения мы тоже не будем переходить на другой курс.

Для паренька, выросшего в детском доме, тяготы воинской службы не кажутся столь тяжелыми. Несмотря на то, что было много учебных занятий и занятий на плацу, Рузы выкраивал время для рисования, и альбом его пополнялся изо дня в день. Слух о молодом художнике дошел и до генерала. Как-то раз он вызвал Рузы и спросил:

– Ты сможешь снять копии вот с этих картин?

– Постараюсь, товарищ генерал, – ответил Рузы.

Через несколько дней он представил генералу копию с картины Виктора Васнецова «Аленушка». Эта работа понравилась не только генералу, но и его жене и детям. А когда Рузы сделал копии с таких работ, как «Грачи прилетели» Саврасова, «Корабельные сосны» Шишкина, «Золотая осень» Левитана, «Девушка, освещенная солнцем», генерал проникся к нему симпатией и создал ему все условия для работы.

По причине своей занятости генерал отправлял Рузы вместе с домашними на оперные спектакли. Жена генерала была большой поклонницей оперы.

Вначале он не воспринимал оперу, но был вынужден слушать. А потом привык. Даже мог воспроизводить по памяти отдельные арии из итальянских и русских опер.

Когда он выкраивал свободную минутку, то садился за портреты своих товарищей по службе, писал и городские пейзажи.

– Нарисуй мне вид Ташкента, – попросил как-то генерал.

Рузы задумался. До сих пор ему не приходилось писать что-то по памяти. В этот момент он особенно почувствовал, как сильно стосковался по широким улицам Ташкента, по его красочным базарам, по глинобитным домикам, крыши которых пламенеют по весне маками.

Наконец он остановил свой выбор на домике на берегу Буржара, где он снимал комнату, учась в художественном училище. Он вспомнил милую, добрую хозяйку дома, ее симпатичную дочь. Не всплыви в его памяти их образы, может, он не справился бы так блестяще со стоящей перед ним задачей. В его представлении пейзаж канала Буржар и глинобитный дом на его берегу должны были являть собой что-то цельное, наподобие единства образов матери и дочери. Он приступил к работе. Маленький дом. Таинственный канал, в водах которого отражается небо. В произведении преобладали переливы золотых и свинцовых тонов.

– Замечательно, – восхитился генерал, разглядывая уже готовую работу. – Только, мне кажется, она получилась несколько печальной.

Он этого не ощущал, когда писал. Его тоска по родному краю, вся та грусть, что была на сердце, отразились в его произведении и зазвучали, как печальная мелодия.

– Художник, не испытывающий ни чувства любви, ни чувства печали, не может быть художником, – сказала жена генерала. – Спасибо тебе, Рузы! Дай Бог тебе здоровья!

Слова этой женщины воодушевили Рузы. Первый раз в жизни он подарил чужому человеку свою авторскую работу. Всем сердцем он чувствовал, как день ото дня крепнет его талант, вера в свои собственные силы, он знал, что теперь будет писать самостоятельные художественные произведения.

Из армии Рузы писал письма родственникам в Денау, от них он узнал, что его брат живет в Ташкенте. Он сообщил брату о дне приезда. На вокзале состоялась их первая встреча.

Его брат Очил купил небольшой двор. Перетаскивая вещи Рузы, он все удивлялся:

– Что это ты везешь из армии? Столько у тебя груза!

– Секрет. Вот приедем домой, тогда и узнаешь, – ответил ему Рузы.

Когда дома распаковали груз и брат увидел, что это все работы Рузы, он от удивления потерял дар речи.

– Как ты нашел на это время? – наконец спросил он.

– Если человек захочет рисовать, то время найдется, – ответил Рузы, смеясь.

В училище эти работы сослужили ему добрую службу. Он был переведен сразу на третий курс. Когда начались каникулы, он решил объездить те края, по которым ему пришлось скитаться в детстве и юности. Он побывал в Алмалыке, Хавасе, Ленинабаде, Бухаре, Сурхандарье.

Эти поездки и путешествия дали ему большой материал. А главное – он нашел тему для своей дипломной работы. Он решил написать произведение «На бухарском базаре».

– Но почему ты вдруг решил писать базар? – удивился преподаватель Владимир Митрофанович Петров.

Рузы не мог ему этого объяснить. Потому сказал только:

– Почему-то захотелось написать базар...

А если задуматься, о чем может мечтать человек, который сиротствовал, голодал, бродяжничая? Что может радовать его глаз? Конечно же, изобилие.

Когда он, закончив в 1957 году художественное училище, решил ехать учиться в Ленинград, на вокзале, перед отъездом, ему сообщили, что его произведение «На бухарском базаре» отобрали для выставки, проводимой в рамках «Декады узбекской литературы и искусства» в Москве.

Верно говорят: когда человек воспарит духом, ему ничего не стоит распушить крылья.

В то лето он стал студентом Академии художеств. Художник Юрий Непринцев, оценивая его работы, сказал:

– Мы встретимся с тобой через двадцать лет. Ты к этому времени станешь известным художником. Откроешь в Ленинграде персональную выставку.

– А вы к этому времени станете Народным художником, – поддержал Рузы его шутку.

Через двадцать лет сказанное наставником и учеником в шутку стало явью. Рузы-ака открыл в Ленинграде персональную выставку, встретился со своим наставником. К этому времени его наставник, помимо того, что стал Народным художником, имел и многие другие почетные звания и награды.

РАЗГОВОР ВОЗЛЕ ЭРМИТАЖА

«Когда-то в своих работах я был близок к творчеству Ван Гога, Ренуара. А теперь для меня самый главный творец – это моя душа, моя стихия. Если со временем я подчиню эту стихию определенной цели, буду считать, что добьюсь успеха.»

Из записной книжки художника

Тысяча девятьсот восемьдесят седьмой год. Двадцать четвертое июля. Ленинград. Сумерки. Легонько дрожишь от дождя, от ветерка. Что ж, такова природа северного города – даже в самый разгар лета меняется погода. А я только что вышел из выставочного зала, смотрел пейзажи Узбекистана, стараюсь мысленно оживить их в своей памяти. Сразу начинаю ощущать теплоту климата Сурхандарьи, изображенной в работах живописца. Как ни странно, как только я начинаю удаляться от этого зала, еще больше начинаю чувствовать тепло своего солнечного края.

На набережной Невы, возле Эрмитажа, я встретил Рузы Чарыева. Он стоял и смотрел в сторону реки. Пересекая тротуар, мимо него прошла молодая женщина. «Ну, посмотри же на нее – настоящая Мадонна Рафаэля!» – воскликнул художник. И это стало темой нашего разговора.

– Рафаэль стал профессиональным художником, когда ему было двенадцать лет. Писал непосредственно с натуры. А я в таком возрасте только начал держать в руке карандаш. А знаешь, почему? У нас же были прерваны традиции нашего искусства. Почему мы, оставив традиции Восточной школы изобразительного искусства, перешли к традициям Европейской школы? Почему мы до сих пор не можем

наслаждаться наследием национального традиционного искусства? К примеру, фрески и настенные рисунки, живопись древнего Афрасиаба, Пенджикента, Варахши и Балалыктепе... А миниатюра как расцвела в исламский период! Это, кстати, относится больше к книжной рукописи. Настенные же рисунки ближе к станковой живописи. Я об этом думаю очень много.

Художник на какое-то мгновение замолчал. После беседа продолжилась.

Разговор с Рузы-ака непосредственно переходит на время учебы в Ленинграде.

— У нас была педагог Галеркина. Однажды она повела нас в библиотеку института имени Салтыкова-Щедрина. Там мы ознакомились с шедеврами восточных художников-миниатюристов, в частности, Бехзода, Мир Саида Али, Мурада Самарканди и других. Восхищениям не было предела. «Сможете ли вы сделать копии с этих миниатюр?» — спросила преподаватель. Где нам? Хотя мы были уже студентами престижного высшего учебного заведения, но это было не так легко. Я до сих пор благодарен ей. Мне не понятно, почему не проводят передвижные выставки по восточным миниатюрам?

В связи с этим Рузы-ака вспомнил о великолепных экспонатах в Эрмитаже, посвященных Средней Азии, об их огромном значении для нынешнего поколения, продолжающего традиции предков. В Эрмитаже обязательно надо посмотреть фрески Пенджикента, Афрасиаба, Варахши, чтобы убедиться, что культура в Средней Азии была на очень высоком уровне. На фресках изображены, согласно сюжетам того времени, обряды, обычаи людей той эпохи. Одним словом, я во время учебы все свое время проводил в залах Эрмитажа, изучал первобытное искусство, древний Восток, античное искусство, искусство эпохи средневековья, Возрождения, уникальные памятники западноевропейского искусства XVII – XVIII веков...

Я спросил художника о его первых впечатлениях при посещении Эрмитажа.

— Это было очень интересно, — начал рассказывать Чарыев, улыбаясь. — Когда я бывал в одном из залов, то как будто попадал в Сурхандарью. А там висели картины светлые, как бы согреты солнечными лучами. Их теплота, игра цветов очаровали меня. Это были работы Ренуара, Матисса, Сезанна, Поля Гогена, Ван Гога... Творчество этих художников меня сильно увлекло. Поэтому, когда я учился на первом курсе, в Эрмитаж приходил лишь посмотреть на их работы. Мои первые работы были созданы не в академическом стиле, а под влиянием школы этих художников-импрессионистов. Зачем скрывать, эта школа была ближе мне по духу. В работах Ренуара меня привлекало сочетание цветов. В Эрмитаж я часто приходил посмотреть на одну его работу — это портрет девушки, лицо которой освещено солнечными

лучами. Голова ее написана великолепно... Я сохранил этот портрет в памяти. Придя домой, я мог рассказать до мельчайших подробностей все детали, цвета этого портрета, который стал для меня великолепной школой. Все это происходило, когда я заканчивал первый курс. До этого я писал то, что видел, не размышляя. Потом мне стало очень трудно, потому что было нелегко отказаться от навыков и традиций прежних школ, от которых позже я с трудом отошел. Известно, что в Институте скульптуры, архитектуры и живописи имени Репина, где я учился, обучали в академическом стиле. Если помнишь, я тебе рассказывал, как написал письмо по этому поводу ректору института.

– Да, помню, – ответил я.

Несколько лет тому назад я это письмо читал в архиве художника. «Я не знаю, где истина..., – писал в своем письме студент Рузы Чарыев ректору. – Разве в нашем огромном государстве, большой стране могут существовать одинаковые течения, школы, похожие друг на друга? Возможно, вы скажете, что единая социалистическая реалистическая школа обязательно должна существовать. Но я хотел бы спросить у вас: «Кого воспитывает наша школа – художника или ремесленника? Если ремесленника, тогда какому ремеслу его учат? Сможет ли студент делать ту работу, которая ему по душе? Сможет ли учитель преподавать свободно, не заставляя учеников? Сможет ли он найти дорогу к душе студентов? Раньше большие мастера искусств со студентами мало считались. Хочешь – учись, не хочешь – не надо. Но сравнивать их с нашими педагогами нельзя. Сейчас надо преподавать совсем по-другому. Пусть это педагоги решают вместе со студентами. Если каждый наставник и студент будут идти своей дорогой – это здорово! На занятиях, на уроках надо учитывать и национальные особенности. Педагоги же учат своих студентов рисовать только так, как они сами умеют. Например, студент хочет сделать композицию на национальную тему. Но педагог не может понять, почему он выбрал именно эту тему. В большинстве случаев студент должен выполнять то, что скажет педагог, а это очень сложно для студента. Я бы очень хотел, чтобы поменяли эту систему. Да, может быть, я и противоречу самому себе. Поэтому и беспокоюсь, что я на неправильном пути. Культура развивается, но художник не формируется».

Ректор института, прочитав это письмо, сказал будущему художнику: «Это все сразу не решается. Всеу свое время». Молодой Рузы долго не знал, что делать, традиции какого народа продолжать. Эти переживания и размышления были отражены в его картине «Раздумье». В центре композиции около мольберта стоит молодой задумчивый художник. На фоне за его спиной на стене висят произведения искусств – настенные росписи Афрасиаба, русская икона, портрет Шейбанихана, образцы народного прикладного искусства. Что же из них ближе душе художника? Еще сколько лет должен трудиться над собой

художник, закончивший школу по системе Чистякова, если выберет другую школу?

Несмотря на то, что он написал картину «Падение Бухарского эмирата» под влиянием Европейской школы, тем не менее там заметна школа афрасиабской настенной живописи.

– Но я эту технику полностью не принял, – продолжил свою беду художник. – В живописи импрессионистов можно увидеть легкое касание краской, от этой легкости рождается артистизм и воздушность. Эти особенности живописи созвучны моим чувствам... Каждый раз, проходя мимо Эрмитажа, хочется сказать: каждый, кто желает знать свою историю, обязательно должен посетить его.

Когда художник говорил об этом, я почувствовал в его словах немного печали и грусти. По-моему, он имел в виду, что в области искусства многие проблемы оставались еще не решенными. Хотя Рузыхана в тот день мог сказать с гордостью: «Вот пришли мои наставники на мою выставку и высоко оценили мои работы. Я – единственный художник из Узбекистана, который за 70 лет впервые организовал персональную выставку в Ленинграде».

ВСТРЕЧА ОДНОКЛАССНИКОВ

«Осенью 1972 года мы встречали известного итальянского художника Ренато Гуттузо в Доме архитекторов в Ташкенте. В поездке его сопровождал график О. Верейский. Встреча была посвящена проблемам современного изобразительного искусства. Художник оказался интересным собеседником. Указывая на виноград, гранаты и груши, стоявшие на столе, он заметил, что только на его родине – на юге Италии, на острове Сицилия – все это традиционная пища, тогда как в Риме считается лакомством и стоит очень дорого. Не скрыл от нас и того, что в юности ему лишь раз в неделю доводилось наедаться досыта, а в остальные дни он перебивался бутербродами. Такой вот нелегкой была его молодость. Невольно припомнил и я те деньки, когда приходилось голодать.»

Из дневника художника

Работая над триптихом «Реквием», Чарыев неоднократно переписывал вторую часть – картину «Проводы». Однако ни один вариант его не устроил. Композиция картины такова: парень, собравшийся в поход, и провожающая его девушка изображены на фоне далеких волнообразных возвышенностей. Он не мог найти ключ к теме. Неясно, что переживает девушка, провожая парня в дальний путь, что выражает ее облик, абстрактным получалось и лицо. Художник приложил не-

мало усилий, чтобы закончить картину, но... работу невозможно было сдвинуть с мертвой точки. В один из таких дней он решил переменить обстановку и съездить в Душанбе. А так как поезд следовал через городок Кумкурган, он решил задержаться там на несколько дней.

... В годы войны художник нашел приют в детском доме Кумкургана. Перед глазами художника стояло здание детского дома, лица воспитателей, друзей. У директора хлебзавода была дочка. Звали ее Раиса, она была младше. Она все время уносила хлеб из дома и приносила его сиротам. Чарыев собственными глазами видел, как ее за это били родители. Перед его внутренним взором появилась кудрявая девчушка, сама невинность, которая промолвила: «Брат, я принесла Вам хлеба. Возьмите».

... Художник написал портрет Раисы по памяти. Он нашел и ключ к своей картине «Проводы». У девушки, провожающей в дальнюю дорогу своего парня, лицо было списано с портрета Раисы. На прощанье девушка протягивала ему в дорогу узелок с хлебом. Парень принимает ее дар с поклоном... В таком решении переплелись высокая символика и народная традиция.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В КИШЛАК

«В жизни каждого художника бывают такие мгновения, когда в сердце что-то заново рождается. Это – любовь к родине, к земле. С этой минуты художник должен стремиться заново постичь, открыть для себя родину, стать единомышленником своих земляков, проникнуться их сокровенными чаяниями. Художник не имеет права быть сторонним наблюдателем. Художник, у которого нет родной земли, нет своего края, не может состояться как художник. Где бы я ни был, Пашхурд всегда со мной, мысленно я постоянно нахожусь там.»

Из дневника художника

Художник вернулся в родной кишлак Пашхурд лишь через тридцать три года. Я был свидетелем этого события. Учился я тогда в шестом классе. Было лето. Я поехал за тридцать километров, в район-центр Шерабад, сейчас уже не помню, что мне там было нужно. Закончив дела, вышел на дорогу, в надежде на попутную машину или арбу. Автобусного сообщения с нашим кишлаком еще не было, горная дорога узкая и опасная, местами зависала над пропастью, грузовики и те ездили по ней с трудом. В кишлак меня привез наш односельчанин Жума Хофиз. У него был трактор с прицепом. Кроме меня, в прицепе оказались еще двое – парень в шахрисабзской тубетейке и светлого-

лосая русская девушка. В то время у каждой местности была своя тибетейка с характерным орнаментом или узором. По головному убору определяли, откуда родом человек. Взять, к примеру, десятки небольших кишлаков, разбросанных в горах и ущельях Кухитанга. Они также имели свои традиционные тибетейки. Мне, подростку, не составило труда определить, что попутчик не из наших мест. А парень между тем знай себе расхваливал русской девушке наши красоты: «Смотри, какая красивая река Шерабад!» Когда примечал живописные холмы, опять восклицал: «Как красиво!» Он радовался всему, что видел вокруг. Затем стал рассказывать что-то своей спутнице, но я этого уже не понял. В нашем кишлаке русский язык знали только фронтовики да ребята, служившие в армии.

Мои спутники сошли на дороге, а я, вернувшись домой, забыл о них. Но я долго помнил восторг парня. После его слов знакомые с детства горы, ущелья, речки и ручьи воспринимались по-другому. Теперь они стали таинственными и прекрасными. В кишлаке было принято говорить о горах иначе. Никто бы не сказал «красивые горы», вместо этого обронил бы замечание: «лежат под толстым слоем снега», или, наоборот, – что в горах не выпало ни капли дождя или снега, – такова была традиция.

Впоследствии Рузы-ака рассказал об этом путешествии:

– Заканчивая институт, я еще толком не знал, куда мне ехать, где мне жить. А вернее, выросший в детском доме, я не имел привязанности к какому-то городу или местности, и мне было безразлично, где жить. При всем том хорошем, что дают детские дома детям, они не могут заменить им отца и мать. Дети растут без корней, им неведомы семейные традиции, национальные и народные традиции и обычаи, о какой любви к родине может идти речь? Я напому вам одну индийскую сказку на эту тему. У одной вороны было два птенца. Однажды она решила перенести их на противоположный берег реки – в тех местах было много падали. Перелетая реку с первым вороненком, мать спросила у него: «Дитя мое, как ты отблагодаришь меня за это доброе дело?» Птенец ей ответил: «Матушка, я буду заботиться о тебе всю жизнь, кормить самым вкусным на свете». Ворона-мать сбросила вороненка в бушующие волны реки и вернулась за вторым. Перелетая реку со вторым, она задала ему тот же вопрос. «Матушка, я не могу тебе ничего обещать, но ту любовь, которую ты проявила к своим детям, я постараюсь вернуть своим детям». Ворона-мать была довольна своим птенцом. Таковы и человеческие дети. Заканчивая институт, я собирался остаться в Ленинграде. Но моя жена Марина стала настаивать: «Поедем к тебе, на родину».

И вот через тридцать три года художник поехал в родной кишлак Пашхурд. Во время этого долгого путешествия делал зарисовки в альбом, а последние десять верст до кишлака они прошли пешком.

В то время, когда Рузы писал этюды в Зарабаге, в Пашхурде его разыскивал человек, прозванный в народе Курбан-хромец. Сам родом он был тоже из Пашхурда, но в 30-е годы в числе других сельчан был выслан в Денау. Человек незаурядный, противоречивый. Был крупным дельцом от торговли, всегда при деньгах, имел авторитет и влияние на людей. Однако значительную часть доходов тратил на благотворительные цели. Женил безродных парней, справлял свадьбы, помогал обустроить свое хозяйство. Детей, оставшихся без родителей, старался выучить. Рузы было лет десять, когда за ним в термезский детдом приехал Курбан-хромец. Он забрал мальчика на не-

сколько дней в кишлак и устроил там той по случаю его обрезания. Когда Рузы учился в институте, Курбан-хромец высылал ему деньги. И вот этот человек услышал о возвращении Чарыева в кишлак. Он поехал повидаться с ним и при большом скоплении народа заявил: «Эй, люди, запомните, кто обидит этого парня, будет иметь дело со мной. Перед вами художник, который прославит наш край».

Рузы стал приезжать в кишлак на этюды. В один из приездов ему сообщили горестную весть о том, что Курбан-хромец отравился. Чарыев тяжело переживал его смерть. Именно этот человек сказал то главное, что Чарыев запомнил на всю жизнь: «Рузыбай, никогда не забывай этот край и свой родной кишлак!»

– Ты где родился? – как-то спросил его писатель Шукур Холмирзаев, – говорят, вроде бы в Байсуне.

– Нет, в Байсуне я воспитывался в детском доме, а вот родился я в кишлаке, который называется Пашхурд, – ответил с гордостью Рузы-ака.

Пашхурд является олицетворением Сурхандарьи для Рузы-ака. Этот край, эта земля стали святыней для него. Дело в том, что по воле судьбы он до 16 лет воспитывался во многих детских домах области. Еще и поэтому он хорошо изучил этот край и любил его. Но Пашхурд занимает в его душе совершенно особое место. С каждым годом он открывается для художника все новыми и новыми гранями. Новое видение своей родины нашло выражение в таких его работах, как «Поступок», «Это мой дом», «Степная мелодия» и в замечательном полотне «Пашхурд. Перед дождем». «Пастушок» и «Степная мелодия»

писались художником по памяти. В «Пастушке» изображен подросток, сидящий на холме и играющий на свирели. Его одежда – это традиционная в 60-е годы белая рубаша – яктак, на голове – тибетейка. Чуть дальше, в нежных, желтовато-сизых тонах, дан пейзаж кишлака. Это Пашхурд. В переводе с персидского это слово означает «маленькое княжество». Действительно, в древности эти земли относились к маленькому княжеству Зарнигор. Любой холм этих предгорий, если начать на нем археологические раскопки, может дать ценный материал: начиная от эпохи Бактрийского государства, существовавшего до нашей эры, и до 13 века н. э. Это глиняные кувшины и предметы домашней утвари. О том, что городища Тангидевор и Довулкургон возникли в эпоху Бактрийского государства, рассказывает в своей книге «Древняя Бактрия» археолог Э. Ртвеладзе. Свидетельства о том, что эти края часто были полем сражений, можно встретить в «Убайдулла-номе», а также в книге «История правителей» Вафои-Шухрата. Здесь проживало племя древних тюрков, которое само называлось «чигатаями». Кстати, в речи местных жителей до сих пор встречаются слова из словаря Алишера Навои. В древности здесь был город ремесленников. В кишлаке гасили известь нескольких видов, из которой мастера изготавливали ганч, было много мастеров, занимающихся резьбой по ганчу, а также гончаров. В 30-е годы прошлого века большинство ремесленников среднего достатка стали жертвами доносов и клеветы. Какая-то часть снялась с родных мест и ушла в Афганистан, другие держали путь на Бадахшан. Прославленные мастера братья Ашуровы, которые известны всей Средней Азии своими изумительными кувшинами, тоже уроженцы Пашхурда, они теперь живут в Шерабаде.

Земляки рассказали Рузы-ака, что его отец был мастером, строившим глинобитные дома. Показали и уцелевшее строение, которое его отец возвел своими руками. Художник очень быстро нарисовал это древнее строение, которое служило амбаром для зерна. Это послужило поводом для поиска родительского дома. Мой отец – Нормат Алимардонов – рассказывает следующее:

«Собрались у нас дома. Рузы затынул народную песню: «Камень, откройся, камень, откройся, дай мне взглянуть на мать, наглядеться на ее лицо».

Потом он взмолился: «Хочу увидеть наш дом, двор, покажите мне, где они». И мы повели его. По мере того как приближался к дому, он все больше замедлял шаг, ноги не повиновались ему. Понимая, как ему сейчас тяжело, я держался чуть поодаль, чтобы дать побыть ему одному. Но, смотрю, он еле передвигает ноги, нашего энергичного, стремительного Рузы будто подменили. Я взял его под руку, мы вошли в этот дом вместе. Хозяева встретили нас радушно, накрыли стол. Рузы, как только увидел этот маленький однокомнатный дом, который теперь служил сараем для сена, так не захотел отходить от него. При

мысли, что он родился в этом доме, Рузы так разволновался, что не мог ничего есть. Он сел в сторонке и стал рисовать этот дом. Когда он закончил работу, хозяин дома сказал, что от его отца остался виноградник, и он все еще плодоносит. «Сейчас я принесу вам винограда», – сказал он. Рузы прослезился. Он поднялся с места, прошел в сад и стал гладить ствол виноградника.

После этого случая Рузы взялся за пейзажи кишлака по настоящему. Вскоре им было написано произведение «Пашхурд. Перед дождем». Я был свидетелем рождения этого пейзажа. Мы возвращались в кишлак из Байсуна. Пашхурд напоминает котел, может, из-за того, что расположен в горной котловине. Археологу Зафару Хакимову он больше напоминает Герат. Он часто бывает и в Герате, и в Пашхурде. Рузы-ака остановил машину перед въездом в кишлак и сказал: «Я мечтаю, чтобы в будущем вот на этом самом месте был музей искусств».

Осень только начиналась, по небу тянулся журавлиный клин. Небо хмурилось, вот-вот должен был начаться дождь. Мы проголодались, измучились в дороге. Несмотря на это, Рузы-ака решил писать пейзаж. С холма, на котором мы остановились, виднелась часть кишлака. Пашхурд так таинственно расположен, что ни с одной точки его невозможно обозреть целиком. С одного места он видится большим, с другого – маленьким, с третьего – вытянутым, как кишка.

Рузы-ака взял холст, укрепил его на этюднике и стал писать масляными красками.

Я спустился вниз – к роднику. Из садов повеяло ароматом цветов. Как правило, перед дождем цветы пахнут сильнее. В это время листья деревьев поворачиваются лицевой стороной к земле. Ветра не было, но с хрустом обломившаяся ветка почему-то пробудила в моей памяти строки Бабура о родине.

Почему я вспомнил эти строки? Может, они перекликались с годами скитаний Рузы-ака? Нет, видимо, это было мое личное переживание, раскаяние, что я так редко приезжаю в этот кишлак. Ведь Пашхурд не только родина Рузы-ака, но и моя! Так сложилось, что после окончания школы я уехал учиться, да так и остался вдали от родины. Видно, очень сильно я истосковался по родному Пашхурду, что мою душу обожгли строки Бабура!

Когда я поднялся наверх, Рузы-ака уже закончил пейзаж. И я увидел, что это произведение вообрало в себя все: и строки стихов, и терпкий аромат садов, и журавлиный клин, уносящий на своих крыльях солнце...

РОЖДЕНИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

«Недавно я был вынужден написать портрет одного человека. Меня просто уговорили. Я писал, преодолевая себя. Когда я закончил портрет, все говорили о необычайном сходстве портрета с этим человеком. Он был мне совершенно чужд по духу. Поэтому я запечатлел его бесстрастно, как фотограф. Если между художником и портретируемым не возникает чувства общности, то работа обречена на провал. В чем же выражается это родство душ? Художник чувствует его сразу. С первого взгляда он определяет будущего героя своего произведения. В 1974 году я написал портрет философа. В плане цветовой гаммы портрет получился впечатляющим, а по форме – не совсем. Почему так случилось? Я всегда стараюсь докопаться до причин моих неудач.»

Из дневника художника

Воздух над склонами холмов, которые окружали кишлак, был густым и ароматным из-за обильно цветущего шпорника. Особенно много его возле кладбища, что виднеется за мельницей. Кусты подходят вплотную к тропинке и кое-где даже скрывают ее. Кажется, что и горизонт окрашен в желтоватый цвет, окрашен шпорником. По этой тропе шел усталый художник.

Он жил здесь, в кишлаке, уже неделю. Жила в душе Рузы-ака. выросшего вдали от родного кишлака, мечта: устроить выставку своих произведений на родине. Преодолев немало трудностей, ему, наконец, удалось воплотить свою мечту в жизнь. Выставку развернули в школьном клубе. Однако волнение и радость, переполнявшие его душу, померкли и угасли в течение полчаса. Картины, которые он писал годами, люди успели осмотреть за полчаса, а может, и того меньше, и разошлись. Переживая тяжелейшую депрессию, художник хотел побыстрее уехать из кишлака. Удерживало лишь то, что он не мог отыскать могилу отца, а люди, знавшие, где он похоронен, тоже все поумирали. Поэтому он и шел по тропе – грустный и несчастный. Какие-то колючие кусты цеплялись за полы его одежды и как бы говорили: «не уходи». Поднявшийся перед дождем ветер растрепал его волосы, пригнул до земли кусты шпорника. Однако цветам он не страшен, как не страшен им ни дождь, ни снег – они держатся до самой весны. Под палящими лучами солнца они сохнут. Но и тогда не теряют своей прелести. Художник ценил достоинства этого цветка. Но сейчас, удрученный, он даже на шпорник не обратил внимания, он смотрел увлажнившимися из-за злого ветра глазами куда-то вдаль. Он прошел еще несколько шагов, и в ложбине показалась мельница. Шагах в ста от нее начинались дворы. Они стояли плотно, бок о бок. В сторонке, под чинарой, всегдашняя возня ребятишек. Художник и

этому зрелищу не уделил внимания, а пошел улицей, которую пересекал звонкий арык. Краем глаза он заметил, что один мальчишка отделился от ребячьей гурьбы и увязался за ним. Здешние дети, заведя незнакомца, следят за ним. Однако этот оказался притким, он пустился вдогонку за Чарьевым. Видя, что художник не собирается останавливаться, мальчишка окликнул его:

– Эй, дядя!

Художник остановился.

– Чего тебе? – лениво спросил он у мальчишки.

– Ассалом алейкум.

– Ваалейкум.

Мальчишка пинком отшвырнул камень, оказавшийся у него под ногами, и повел неторопливую беседу:

– Вы ведь рисуете, да? – выяснив самое главное, он продолжал: – А я весь день Вас искал. Мама сказала мне: иди, найди дядю художника.

– Что нужно от меня твоей матери?

– Матери? – мальчишка на минуту задумался, потом нахмурился: – Дело, наверное, есть к Вам. Идемте.

– А где ты живешь? – теперь уже с любопытством спросил художник, разглядывая этого лопухого мальчишку.

– Внизу, за мельницей. Пойдете?

– Ну что ж, идем.

Дорогой они молчали. Когда дошли до ворот в начале узкой улицы, мальчишка остановился и, серьезно глядя на художника, сказал:

– Пришли.

И тут только художник вспомнил про обычай – прежде чем войти в чужой дом, спрашивают о хозяине, дома ли он.

– Отец дома?

Несмотря на то, что мальчишке было семь-восемь, держался он как взрослый. Глядя прямо в глаза художнику, он сказал:

– Мой отец умер. Иначе я давно провел бы вас в дом. Вам придется здесь подождать. Я сейчас позову маму.

– Хорошо, позови.

Художник проводил мальчишку взглядом. И вдруг услышал позади себя крадчивое: «Почему здесь стоим, сынок?»

– Дело есть, дед, – ответил художник.

Старик, забыв о своих делах, вдруг юркнул в те же ворота, что и мальчишка.

– Бибигуль! – закричал он с порога.

Из глубины двора откликнулась женщина.

Немного погодя в воротах появилась сама Бибигуль. Она была в красном платье.

– Заставляешь гостя ждать, – сказал старик, улыбаясь.

– Ассалом алейкум, – приветствовала их женщина и пожала руку старику, а следом художнику (в кишлаке Пашхурд мужчины и женщины при встрече обмениваются рукопожатием). И он почувствовал, как горяча ее почерневшая на солнце рука.

– Заходите, – стала приглашать она гостей в дом, а стоявшему рядом сыну поручила: – Норкул, иди, позови дядю. Пусть придет. Скажи ему, что у нас художник.

– О чем речь? – спросил у нее старик.

– Я слышала, что этот человек рисует, – ответила Бибигуль. Раскрыв ладонь, она показала фотокарточку, – может, он ее увеличит.

Старик взял ее у нее из рук, повертел, но ничего разглядеть не смог.

– Кто это?

– Да это же отец, – ответил Норкул, которому так не хотелось уходить.

– А ты все еще здесь? Ну, ступай же. Позови дядю, – стала уговаривать Бибигуль.

– Значит, ты хочешь сделать большой портрет покойного? Да, хорошо. Ну, я, пожалуй, пойду.

Когда старик ушел, Бибигуль заговорила, не осмеливаясь поднять на художника глаз.

– В прошлом году к нам тоже приезжал один художник, я так его просила сделать портрет. А он так и не согласился, все просил найти фотографию побольше, а где же я ее возьму?

Только теперь художник взглянул на стоявшую рядом женщину. На нее у нее была нитка темных бус. При каждом слове бусины тихонько подрагивали. Большой кисейный платок окутывал ее голову и плечи, как частица белоснежного облака, и трепетал на ветру.

– Я ведь не фотограф, – сказал он и чуть было не прибавил «сестра», но увидев ее лицо, отказался от этой мысли. Ее спокойный и неискушенный взгляд пришелся ему по душе.

«Э-э, сделаю-ка я доброе дело для простой сельской женщины», – подумал он про себя и сказал вслух:

– Хорошо, я попробую нарисовать.

Бибигуль обрадовалась. Она пригласила его выпить чаю.

– Я должен работать, – сказал художник и ушел в маленькую гостиницу на окраине кишлака.

На следующий день художник принес ей портрет.

– Вот взгляните, похож? – спросил он у хозяйки дома.

Бибигуль, закусив губами кончик платка, робко взглянула на портрет и кивнула.

– Кем он был? – спросил художник.

– Чабаном.

От угощения художник отказался и вышел из дома. Его догнал Норкул. Он стал протягивать деньги.

– Возьмите, мама передала.

Но художник отказался.

В тот же день он отправился в сторону соляной горы, которая издали напоминала айсберг. Едва он нарисовал этюд, как кончилась вода, и ему пришлось спуститься к речушке. Здесь он опять встретил вчерашнего старика. От него он узнал, что муж Бибигуль – Холик в тот год, когда была суровая зима, неожиданно сорвался с вершины и разбился, что все эти годы Бибигуль живет одна, на судьбу не ропщет и растит единственного сына.

Когда старик сказал, что перед смертью чабан попросил вынести его на пастбище, в воображении художника зародилась одна идея.

И он, уже никуда не сворачивая, направился прямо в гостиницу, которая находилась посреди пастбища. Он оставил в своей комнате этюдник, а сам поспешил в школьный клуб, где была размещена выставка его картин. Он хотел сегодня же приступить к пейзажу «Вечер на пастбище». В клубе было на удивление многолюдно. Директор школы обрадовался ему:

– Ты хорошо нарисовал мужа Бибигуль, – похвалил он.

– А Вы откуда знаете? – удивился он.

– Бибигуль показала портрет женщинам. Они, увидев, что ты так хорошо рисуешь, пришли посмотреть на другие твои картины, – сказал директор.

«Искусство никогда не бывает понято сразу», – пришли на память ему слова одного художника, и вспомнилась трагическая судьба Гогена.

На другой день художник сидел на доске, приспособленной под скамью возле гостиницы, и наслаждался теплым днем. Солнце спряталось за облако, вдали отчетливо виднелись горы. У самого края поля, возле сломанного моста, играли ребяташки. Сторож гостиницы вел со стороны зарослей джиды корову, он прервал раздумья художника.

– Не сидите так, идемте, попьем чаю.

Художник почувствовал, что для его пейзажа прямо-таки необходима такая вот корова. Поэтому он, подойдя к ней поближе, стал рисовать ее.

Он потом прилег в своей комнате и, глядя на гнездо ласточки под потолком, почему-то вспомнил свою жизнь в городе, свои картины, и стал досконально анализировать свое творчество.

Художник остался в кишлаке еще на несколько недель. В светлые долгие летние вечера он сидел в комнате и рисовал портрет Бибигуль и ее мужа. И эта работа доставляла ему удовольствие. За это время к нему несколько раз приходил Норкул. Художник сразу убирал портрет или поворачивал холст изображением к стене, а мальчишку занимал рассказами или давал посмотреть книжку с картинками.

Работа уже близилась к концу, как вдруг его свалила простуда.

В тот памятный вечер не переставая шумели деревья, они словно чувствовали, что должно произойти что-то необыкновенное. Художник лежал на кровати и листал книгу. Дверь тихонько отворилась, и он увидел Бибигуль с чашкой горячего супа в руках.

Поправив рукой платок – у нее были красивые длинные пальцы, – Бибигуль подошла к картинам. Поняв, что больше всего ее волновало в этот момент, художник поставил перед ней картину, на которой была изображена она. Она встречала мужа взглядом, полным любви, нежности и какой-то девичьей стыдливости.

На миг Бибигуль застыла. После, приблизившись к картине, она стала гладить руками лицо и волосы мужа, она относилась к изображению, как к живому человеку. Художник стоял тут же, рядом, и, глядя то на картину, то на Бибигуль, смеялся, его переполняла какая-то неведомая радость. Бибигуль отняла, наконец, от картины дрожащую руку и стремительно выбежала из комнаты. Полная луна изливала на округу золотые лучи, по тропе через пастбище уходила Бибигуль.

У дверей гостиницы стоял художник. Он смотрел вслед женщине, и ему казалось, что он видит это во сне. Видение вдохновило его, и в душе зародилось новое произведение.

ЭТЮД

«Открытие разом не делается. Мне кажется, все начинается с крупинок, с самых малых качественных изменений, которые и предваряют это открытие. Речь идет не только о новизне формы – очень важен образ мышления. Постигнув искусство познавать мир, я в каждой вещи и через нее научился видеть новое. Рисуя, я каждый раз что-то открываю для себя. Только для себя и в себе. Если мое открытие будет признано временем, то оно действительно станет открытием. Чтобы этим открытием опередить свое время, нужно обладать большим дарованием. Ибо и сам мир, и человек, и искусство, и Земля постоянно меняются. Окружающая среда оставляет свою печать на произведении, которое ты создаешь. Это естественно. Мне кажется, открытия нужно делать не в области формы, а исходя из внутренней потребности в пространственных связях с жизнью. Нужно бороться за право осознавать себя, за право изображать все, что ты любишь, чем ты дорожишь, такими, какими ты их видишь.»

Из дневника художника

Ранняя весна. Берег реки. Тропа, по которой мы шли, поросла тamarиском. Художник почему-то пошел медленнее и стал озираясь по сторонам. Из-под ног с шумом вылетели птицы и сели на ветку развесистого дерева, растущего возле речки.

– Сколько же здесь деревьев! Тридцать лет назад я прошел по этим местам пешком, – сказал художник и, словно пытаясь что-то вспомнить, задержал свой взгляд на дереве.

Когда красноватые лучи солнца коснулись вершин Кухитанга, мы продолжили свой путь. Кривые ветви низкорослого дерева преградили нам дорогу. По левую сторону – глубокая пропасть. С этого места отчетливо просматривается ее противоположный край.

Художник понюхал ветку, прихваченную морозом.

– Она пахнет яблоком, незрелым, погубленным уже в завязи яблоком, – промолвил он тихонько.

Мы долго смотрели на небольшую, затерянную среди холмов, красноватую гробницу диковинной формы, на девушку в красном платке, которая вела на поводу лошадь по переливающимся на солнце изумрудным лугам.

– Замечательный вид! – воскликнул Рузы-ака. – Вот уже пятнадцать лет подряд я приезжаю сюда, в окрестности Шерабада, чтобы писать пейзажи. Но в каждый мой новый приезд я вижу другой пейзаж. Мне нравится, любуюсь здешней природой, делать этюды. Работа спорится. Этюд – душа будущей картины, ее сердце. В нем нужно определить цветовую гамму будущей картины, найти композицию; помимо того, что нужно выбрать передний и задний планы, здесь должна найти отражение гармония между душой человека и природой. Это очень важно. Но это сложная работа, хотя на первый взгляд это незаметно. Спросите, почему? Да потому, что кажется, что художник просто копирует природу.

По правде говоря, я и сам считал создание этюдов легкой работой: определить в пейзаже свет и тени, перенести все это на холст и писать каждый день в одно и то же время...

В ложбине между отрогами гор текла река, мы вошли в небольшой двор, расположенный на ее берегу. Эта дача принадлежит совхозу «Шерабад». Вот уже несколько месяцев здесь живет и работает Чарыев. Рядом с садом – древняя крепость. На противоположном берегу реки виднеются дворы, холмы, адыры, древняя гробница. Несколько лет назад эти края покорили и мое сердце. Еще и поэтому я завел обычай часто приезжать сюда, быть первым зрителем новых работ художника. В каждый свой приезд я заставлял Рузы-ака за какими-то новыми хлопотами. Кишлак Куштегирмон – в пяти верстах от Шерабада. По этим дорогам летом-то не пройдешь, а уж про зиму и говорить-то не стоит. Только художник ни разу не посетовал по этому поводу.

В тот день мы пошли с ним в местечко, называемое Чаманкул. Одолев большую гору, мы очутились в долине, покрытой дерном. Был день народного гуляния. По горизонту тянулась горная гряда, зеленые холмы. А на народном празднике – жаркие бои палванов, танцы, песни, беготня и суматоха. Повара хлопочут над котлами, готовя

праздничные блюда. Словом, картина, радующая глаз и услаждающая душу. Художник долго кружил в праздничной толпе, пока не увидел компанию людей, восседающих по-турецки на разостланном паласе. Он замер: «Восемнадцать лет я не мог найти ключ к одной своей картине. Вот он – этот ключ. Теперь мне нужно сделать этюд с этой компании». Сказав это, он примостил холст на камне и приступил к работе. К полудню этюд был готов.

Вскоре мы вернулись на дачу. Кое-что в этюде он переписал заново. Я мысленно восстановил давешнюю картину. На этюд художник перенес все самое выразительное, что было в бытовой сценке, самый дух этого застолья, прорисовал планы, основные цвета.

– Я бы посоветовал начинающему художнику в первую очередь писать этюды.

Я спросил у Рузы-ака, как выбирать место для этюдов.

Он не спешил с ответом.

– Когда мы дойдем с тобой во-он до того кишлака на перевале, тогда я тебе и скажу, – пообещал он.

Мы побывали в названном месте – Хатки и Танги. Увидев заброшенные, и в самом деле беспредельные сады, я был поражен.

– Сады Кухитанга пришли в упадок, – говорил с горечью художник, – люди перебрались в степь. Я читал книгу царского офицера Лагофета, где он пишет, что до революции в этих краях шумели сады и большие леса. Вот все, что осталось от былых садов и лесов. Правда, леса еще встречаются на склонах вон той горы, но и там изрядно поредели.

Теперь в голосе художника было отчаяние.

– Эти сады сейчас заброшены. Посмотри на эти пейзажи.

Он поставил передо мной пейзажи, которые написал здесь. Когда среди полотен, где были изображены картины природы, я стал встречать деревья, с которых ободрана кора, сломаны ветви, у меня заныло сердце. Все это дело рук «дикарей», которые ставят в лесу палатки и живут, нисколько не считаясь с окружающей природой. Многие из них оставляют на стволах деревьев свои инициалы. Кто-то варварски, безжалостно содрал с дерева кору. Теперь, наверное, и вам стали понятны жалобы художника.

– Вот видишь, этюд просто так не пишется. На нем должно быть запечатлено такое, что может повергнуть сердце художника в трепет.

Говоря это, он предложил мне посмотреть еще один этюд. На нем была изображена гробница Ходжи Исо Мударриса Термези, поклониться которой мы ходили на днях. Дело в том, что мечеть, находящаяся рядом с гробницей, созданная, подобно мавзолею Исмаила Самани, в неповторимом архитектурном стиле, по причине своей беспризорности и заброшенности стала разрушаться. Однако никому нет дела до этого замечательного памятника архитектуры. Когда мы встретились с пред-

седателем райисполкома, он ответил, что если соответствующие организации разрешат провести реставрационные работы, мы справимся с этой задачей.

На этюде был изображен как раз этот памятник. Древнее строение, по стенам которого пошли трещины, где птицы выют гнезда, было написано с любовью и печалью.

День был ясный, воздух был пропитан запахом меда. Мы долго беседовали, сидя на веранде. Наш разговор касался картин природы, животного мира, – о том, какую роль они играют в жизни человека. Как тут было не вспомнить книгу доктора биологии Н. Реймарса о заповедных зонах! Известный ученый отстаивает в своем труде идею возрождения заповедных зон природным путем. Он провозглашает такой лозунг: если дерево сломалось – не прикасайся к нему, если чересчур расплодилось насекомые – молчи. Сильно увеличилось поголовье животных – не торопись. Все потихоньку, само собой, придет в состояние равновесия. Потому что вмешательство человека в эти процессы, независимо от того, хорошее оно или плохое, в большинстве своем приводит к нарушению этого равновесия. Таково мнение ученого. Заслуживают внимания и работы И.К. Пачоского, основателя замечательного народного сада, который считается одновременно ученым России и Польши.

– Скажите, ну почему у нас эти законы не воплощаются в жизнь?! – воскликнул художник.

Чтобы хоть немного ободрить его, я рассказал о том, что в крупнейшем заповеднике Таджикистана – Полвонтукае сейчас руководствуются положениями профессора Реймарса.

С ближнего дерева донеслось воркование горлинки. Художник издал в ответ похожие звуки. И горлинка ему ответила. Они так «переговаривались» минут десять. Я был удивлен.

– Неужто Вы и язык птиц знаете?

Он рассмеялся:

– Я люблю слушать пение птиц. Случается, что на природе обостряется чувство одиночества. Тогда начинаешь прислушиваться к пению птиц и голосам зверей... Но стоит прозвучать выстрелам – и устанавливается мертвая тишина. Это нагоняет тоску. Для меня это невыносимо.

Он рассказал случай, как отнял у одного своего приятеля винтовку.

– Этот бесстыжий собирался охотиться на кекликов в пору их брачного сезона, – разволновался художник. – Ах, если бы в каждом кишлаке открыть картинную галерею! Может быть, тогда люди, глядя на себя, на пейзажи, смогли бы прийти к каким-то очень правильным решениям. Самая замечательная вещь на свете – это самообразование. Школьники не должны упускать эту возможность. Начинающим художникам я бы советовал читать книги по ботанике, зоологии, медицине,

философии, классическую литературу. Все это выразится в рождающемся произведении.

Он встал и, как всегда радостно, распахнул настежь створки окна и стал смотреть вдаль.

– Окно – это мой телевизор, – сказал он.

Установив картон, художник стал зарисовывать тень, которая упала от горы на бескрайнюю холмистую степь.

– Эюд передает состояние души человека, его переживания, – сказал он. – Это спрятано в каждой краске. Найти это и понять зависит от зрителя.

КАРТИНА

«Картина, по-моему, – это симфония. Или представьте себе цветущую яблоню в разгар весны. Ее цветы, листья, ветки, кора не похожи между собой. Запах тоже особый. Все это воплощено в одном дереве. В картине тоже образы, краски, свет и тени разные, их держит какая-то идея. Это отражается и в намеченной художником цели.»

Из блокнота художника

Очередная беседа с художником состоялась о картине. Беседовали мы в мастерской знакомого мне художника. Для меня эта мастерская очень дорога. В ней мы часто беседовали в 70-е годы прошлого века с очень талантливым, безвременно погибшим художником Шухратом Абдурашидовым. Итак, наш разговор с Чарыевым на этот раз не сразу получился. Дело в том, что один человек, далекий от культуры и духовно бедный, придя в мастерскую художника, не дал нам возможности поработать над книгой. Оставив его в мастерской Рузы Чарыева, мы зашли к знакомому художнику: «Пожалуйста, можете беседовать в этой мастерской сколько угодно», – сказал хозяин с радостью.

«Я начал работать над созданием картины, когда учился на первом курсе, – сказал Рузы-ака, отвечая на мой вопрос. – Эта картина называлась «Музыку слушают». На ней изображены слушающие произведения Баха в театре. Почему слушают произведение Баха, говорите? Многие западные оперы остались в моей памяти. В детстве я слушал национальную музыку только на народных гуляниях и свадьбах. Но очень мало. Европейскую же музыку часто слушал и в детдоме, и в армии, и в Ленинграде. Над произведением «Музыку слушают» работал очень быстро. Затем начал работу над второй картиной, курсовой работой, которая называлась «Строители». Она стала основой картины «Строители Чиланзара». В 1967 году на выставке Ташкента

ее купили для Министерства культуры. Вот так я начал работать над картиной. Так что такое картина? Как она создается? В этом жанре свои законы, свои требования... Я хочу рассказать об этом на своем примере. Естественно, в картине должны быть пространство, воздух, изображены природа, много фигур людей. Картины бывают разные. В некоторых реальная действительность изображается на основе литературного сюжета, в виде иллюстрации. Это меня не удовлетворяет. Мне в основном нравятся картины, созданные не одним изображением реальной действительности, а как бы пропущенные сквозь призму чувств. Конечно, сразу понять такое произведение зрителю трудно. Почему? Во-первых, потому, что настоящее картинное произведение – не плакат, открыто излагающий идею. Во-вторых, в понимании картины важную роль играет художественный вкус зрителя. Допустим, художник создал полотно, посвященное легендам, сказаниям или историческим событиям. Как бы мастерски художник ни изображал, но если зритель не знаком с теми легендами, историческими событиями, он не сможет понять цель художника. Или же если художник создает произведения, отображающие события сегодняшнего дня, то и зритель должен быть духовно готовым уловить это. Поэтому, по возможности, наши современники должны знать не только виды искусства, но и жизнь народа. Только в этом случае они смогут понимать изобразительное искусство. Естественно, для понимания картины нужно соблюдать определенные правила. При этом зритель должен найти центр картины и человека, изображенного в ее центре.

– Рузы-ака, известно, что в картинах широко используются условные приемы. Какие приемы используете лично Вы?

– Естественно, в каждом произведении бывает условность. Поэтому произведение искусства отличается от фотографии. Условные цвета, условные линии, – то есть в жизни не встречающиеся вещи, формы, цвета, – все это служит для передачи цели художника, его мыслей и идей. Объясню это на примере моей картины «Первые добровольцы». Как обычно, здесь мы тоже ищем центральный образ. «Центр произведения» – это не центр холста или какой другой фактуры произведения, а место расположения центрального образа. В этом произведении центральный образ – образ матери – расположен в левой части произведения. Он написан яркими красками. Мать провожает на войну первых воинов-добровольцев, держа в руках хлеб и горсть земли. Добровольцы изображены в пастельных тонах. Это говорит о том, что они – светлые люди, их совесть чиста перед родиной. Провожаящие их женщины, старики и старушки, подростки написаны в условно темных тонах. Это образы людей, полных печали, переживаний и тоски.

Изображенные на заднем плане большое дерево, опустошенные дома производят на человека грустное впечатление. Только образ матери строг и одухотворен. Это свидетельствует о том, что художник олице-

творяет в образе матери вечность и бессмертие. На картине мы видим двух беззаботных и безразличных ко всему детишек, сидящих на глиняной крыше и не воспринимающих трагедию событий. Я использовал условность в цвете: в жизни одежда провожающих не была черной, деревья не стояли согнутыми, наводящими грусть. Но я использовал такие краски как средство выражения замысла автора. Мне хотелось передать зрителю чувства, которые я пережил во время войны, показать пейзажи, которые видел в детстве. Картину нужно рассматривать с определенного расстояния, потому что краска, густо нанесенная в некоторых местах, дает эффект только с определенного расстояния. Здесь тонко чувствующий зритель замечает это. Каждая картина требует особого подхода к изучению.

– Картина «Падение эмирата» стала причиной многих споров. На ней изображены события, происходившие в беспокойные для Бухары дни (время переворота). Но почему Вы написали бедного парня, прогоняющего эмирских чиновников, с винтовкой в руках, робким? – спросил я художника.

– Почему так? А как ты думаешь? – спросил Рузы-ака.

– По-моему, этот парень, еще вчера находящийся в подчинении и служивший чиновнику, все еще не осознал своей полной свободы.

– Да, вы совершенно правильно заметили, – обрадовался художник. – Такими линиями и чертами в своем произведении художник осуществляет свой замысел. Поэтому зритель не должен пропустить ни одной детали и ни одного штриха картины.

ВТОРАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА

«В 1968 году мы с Бурмакиным стали одновременно писать портрет одного человека. Бурмакин тогда писал очень свободно. Он больше увлекался формой и пытался отыскать через этот тип свою излюбленную форму. Я же стремился создать образ этого человека, потому что он пришелся мне по душе.»

Из дневника художника

Считается, что художнику трудно рассказывать о своем произведении. Только Рузы Чарыев не разделяет этого расхожего мнения. «Наверное, никому не дано до конца понять произведения, кроме самого художника», – говорит он.

Беседуя в тот день об одном из жанров живописи – портрете, мы обращались за примерами к отдельным произведениям художника.

– Рузы-ака, вы плодовитый художник. У вас великое множество полотен. Несомненно, все они дороги своему создателю. Но одно из них –

портрет «Мой современник» – имело в свое время большой успех и не потеряло своего значения и по сей день. Искусствоведы, художники не перестают говорить об этом полотне самые добрые слова. В одной из бесед Баходыр Жалалов охарактеризовал его так: «Это произведение было большой победой в начале творческого пути художника». Мне бы хотелось услышать ваше мнение по этому поводу.

– У этого портрета очень интересная история. Он был написан ровно 22 года назад. Я в это время работал над своей дипломной картиной «Крушение Бухарского эмирата». Неожиданно в мастерской института появился длиннющий, норовистый, как стригунок, парень. «Стой! – воскликнул я, не в силах скрыть своей радости. – Нужно запечатлеть именно твой образ. Выйдет замечательно». Он так и остался стоять, заложив руки в карманы брюк. (Художник указал взглядом на фоторепродукцию этой картины, которая висит в его мастерской). Зорко сердце художника, этот парень стал не только героем картины, но через несколько лет породнился со мной – стал свояком. Сейчас его сыну 15 лет. Есть у меня мечта: когда он достигнет возраста отца, написать и его портрет. Ждать недолго, отцу его, когда он мне позировал, было 18.

– Чем, по-вашему, этот портрет отличается от других Ваших произведений?

– Когда я его писал, то об этом не думал. Важно, что была найдена форма. Я уже говорил, что в это время изучал произведения исторической тематики. И вместе с тем я истосковался по современности. И вот стоило мне увидеть этого парня, как я тут же отложил на некоторое время дипломную работу и с жаром взялся за его портрет. Диапазон моих творческих исканий был широк. Я штудировал Энгра. Сезанн еще оставался в стороне от моих интересов. У меня опять наметился интерес к классическому стилю. Правда, я по-прежнему был в восторге от Ренуара. Но сам я, несмотря на это, больше работал в классическом стиле.

Итак, мне понравился характер парня, его внешность, манера держаться. В мастерской нашелся для портрета и двухметровый кусок холста. Тут же на месте я и приступил к работе. Написал раз, второй... я начинал работу раз пять. А он, как стоял напротив меня, так и стоял. Фоном для этого произведения я сделал индийскую миниатюру, потому что в ту пору всеми мыслями и чувствами я стремился к одной цели: изучить, освоить культуру Азии, Востока. Свою тоску по Востоку я вместил в это маленькое произведение. Не скрою, работая над этим полотном, я довольно часто обращался к портретам Тициана. Внимательно изучал, каким образом он рисует голову человека, учился у него передавать гармонию внутреннего мира человека и его внешнего облика. Портрет удался.

И вот по прошествии стольких лет я прихожу к выводу, что он современной многих других моих произведений. Чем же он отличается от других моих портретных работ? Я написал, к примеру, портрет Рафаила Такташа, запечатлел облик Г. Пугаченковой, Л. Ремпеля. Если вы обратили внимание, портрет Пугаченковой созвучен с «Моим современником». Глядя на этот портрет, каждый человек невольно сравнивает себя с ним. Вот в чем сила! Когда я работал над «Моим современником», то наставник – Юрий Владимирович Непринцев – подбадривал меня: «Хорошо, хорошо, продолжай работу». Он даже подумывал о том, что я смогу представить этот портрет в качестве дипломной работы, если не успею сдать вовремя картину «Крушение Бухарского эмирата».

Когда я, окончив институт архитектуры, зодчества и живописи имени Репина, вернулся из Ленинграда в Ташкент, то участвовал с этим своим произведением в выставке «Твой современник». Работа была высоко оценена общественностью, была закуплена музеем. На вырученные деньги я совершил в 1966 году путешествие в Африку, Италию, Грецию, побывал на Кипре. Как видите, с этим портретом связано многое, поэтому он особенно дорог мне.

– В чем, по-вашему, выражается чувство современности?

– Ну, разумеется, не только в том, чтобы изображать парней в модных узких брюках. Вот, к примеру, живут люди рядом со своими современниками, но совершенно их не видят. Вот тут-то художник и заставляет посмотреть на наших современников иными глазами. Благодаря этому портрету зритель постигает не только изображенного человека, но и самого себя. Я верю, что с годами этот портрет будет открываться каждый раз какой-то новой гранью, которую сейчас еще не в силах заметить наш глаз. Возьмем на выбор портреты из собрания Государственного музея искусств Узбекистана, к примеру, портреты «Ойбек», «Аброр Хидояттов» Абдулхака Абдуллаева, «Портрет Сергея Бородина» Тачата Оганесова, «Мать» Рахима Ахмедова, портрет «Иосиф Елизаров» Неймата Кузибаева. Они считаются лучшими образцами портретного жанра. Однако если сопоставить их с «Моим современником», то чувствуется, какие разные цели ставили перед собой художники.

– Без сомнения. При его появлении искусствоведы в своих статьях отмечали, что этот портрет – продукт нового мышления. Но меня во всем этом удивляет другое. Странно то, что Вы, работая над исторической темой, неожиданно взялись за современную тематику. Такие метания ведь не всегда приводят к успеху. Почему же Вы с самого начала не выбрали для дипломной работы жанр портрета?

– Я как раз-таки вначале собирался писать портрет художника Иванова. Вторым моим предложением было «Крушение Бухарского эмирата». Наставники остановились на втором. В пользу первого пред-

ложения были свои соображения: хотелось написать хорошую работу в классическом стиле. Да к тому же была в моем характере эта черта: интерес ко всему новому, незнакомому...

– Вы говорите, была? А теперь что же...

– Нет, она у меня есть и сейчас. Именно поэтому на большинстве моих полотен – образы людей различных народов и национальностей. Итак, по совету Ю.В. Непринцева я стал работать над картиной «Крушение Бухарского эмирата». Для этого исторического полотна у меня накопился богатый материал. Еще в пору учебы в Ташкентском художественном училище я часто ездил в Бухару и писал там этюды. Учась в институте, я вновь стремился в Бухару, на этюды.

– С какими трудностями столкнулись Вы при работе над «Крушением Бухарского эмирата»?

– Трудностей было много. Первая: мои наставники долгое время не решались утвердить дипломные эскизы. В год окончания института, на мартовском собрании, они наконец их утвердили. В этом велика заслуга известного художника Мыльниковца. В тот момент он понял меня и поддержал. Дело в том, что к этому времени из своей поездки в Бухару возвратился народный художник Моисеенко. Привезенные им пейзажи разительно отличались от моих. Он рисовал Бухару в пепельных тонах. Я же для своих эскизов выбирал теплые краски, больше смешивал красные и желтые тона. Преподаватели стали твердить в один голос, что так не бывает. Я же настаивал на своем. И вот на трехметровом холсте я начал писать эту картину. Вторая трудность: большое количество человеческих фигур на полотне. Я сознательно взялся за работу с многофигурной композицией. Я знал, что если справлюсь с большой работой, то приобрету и большой опыт. Да, кстати, художник Жмакин порадовал меня добрым известием. Он уверяет, что в учебнике, изданном Академией художеств, помещена и моя дипломная работа. Кроме того, в качестве пособия на занятиях демонстрируется моя учебная работа с обнаженной натуры. Одним словом, моя картина вывела меня на дорогу большого искусства.

– Рузы-ака! Несмотря на то, что Вами созданы такие картины, как «Реквием», «Первые добровольцы», «Свадьба в Сурхандарье», «Рождение девочки», Вас все же считают больше художником-портретистом.

– Ну, это все условное деление. А правда в том, что я поставил перед собой цель: каждый день, по возможности, конечно, писать портреты. Картину ведь за день не напишешь. А портрет, если уж на то пошло, может быть ценным материалом для картины. Картина – это симфония, она напоминает мне также органную музыку. Портрет – это зарождение картины. Некоторые художники в дополнение к картине пишут портреты. Но это подлог, так как при естественном творческом процессе портреты для картины собираются постепенно.

– Рузы-ака, работая над портретом, на что, в первую очередь, Вы обращаете внимание? На внутренний мир человека или на его внешность?

– Обычно я стремлюсь создавать портреты тех людей, которые привели в смятение мою душу, личность которых произвела на меня сильнейшее впечатление. Сердцем чувствую, что если поступлю по-другому, то произведение получится слабым. Я не могу изображать слабаков. Один известный актер вот уже несколько лет уговаривает написать его портрет. А я откладываю это на завтра, на послезавтра. Почему? Да потому, что я еще не понял его до конца. Одних я могу понять с первого взгляда. Чтобы понять других, мне нужны годы. Вот на днях я познакомился с ливанским гостем и чувствую, что уже могу его писать. Нет, я не знакомился с его биографией, но по внешнему облику я понял очень многое. Приходил ко мне известный ученый, арабист, Исмагилла Абдуллаев. Но чтобы написать его портрет, я должен еще не раз с ним встретиться, побеседовать. Почему? Я и сам этого не знаю. Может, в каком-то поступке проявится его внутренний мир, по внешнему виду трудно его определить. То же самое можно сказать и о Дадахоне Нури. Я только-только начал его понимать, тогда как Шукура Холмирзаева достаточно было увидеть однажды, чтобы почувствовать, что я смогу его написать.

– Жанр портрета считается одним из сложнейших. Непреложная истина: кем бы ни был человек, облик его должен быть воссоздан достоверно. Однако сходство человека не должно быть фотографическим. В облике человека, в его жестах есть какие-то отправные точки, которые становятся потом характерными именно для этого образа. Всегда ли вы придерживаетесь этого правила?

– Портрет – это вторая жизнь человека. У меня даже складывается такое впечатление, что в портрете запечатлена душа человека. В 1972 году я написал портрет Такташа. Выставил его вместе с ранее написанным портретом Икрама Акбарова. Мне казалось, что внимание людей привлечет портрет Икрама Акбарова. Нет, получилось наоборот. Искусствоведам, любителям живописи больше понравился портрет Такташа. Композитор проходил рядом со своим портретом, и я увидел в этот миг нечто странное. Такташ в этот день не был похож на самого себя, тогда как на портрете был знакомый нам и близкий Такташ. Пойми, это очень важный момент. Как я открыл для себя эту закономерность? Это было в 1962 году. Я ходил по залу Эрмитажа, где собраны картины Рембрандта. Особенно долго я стоял перед картиной «Девушка, примеряющая серьгу». Вдруг подошла одна красивая особа, встала рядом со мной и тоже принялась разглядывать этот портрет. Я же стал смотреть на них обеих. И странное дело, в этот миг девушка, изображенная на портрете Рембрандта, показалась мне живее и оду-

хотвореннее живой, стоявшей рядом со мной. Разве не в этом величие художника?

– Можете ли вы все сказанное отнести к «Сайробскому старику»? Во всяком случае, по портрету чувствуется, что это личность незаурядная.

– «Сайробский старик»? Верно. Я начал писать портреты наших стариков и старушек еще со студенческих лет. Но до этого портрета мне не удавалось создать их обобщающего образа. Еще и поэтому я могу сказать, что портрет «Сайробского старика» был результатом долгих поисков и появился на свет благодаря накопленному опыту. Можно сказать, что работалось мне легко, без осложнений и каких-либо экспериментов. Ясность, точность, лаконизм свойственны этому портрету. Почему именно этот старик явился как бы собирательным образом нашего народа? Перед моим внутренним взором прошло все виденное мною в годы войны: уходящие на фронт отцы, братья, престарелые люди, направляемые в трудовые батальоны, старики, из последних сил трудившиеся в тылу, – все они прошли перед моими глазами, когда я работал над этим портретом.

– А вы не задавались целью отыскать такого человека, который бы соответствовал типическому образу?

– Я не могу ответить на этот вопрос ни «да», ни «нет». Почему? Искать специально – трудно. Но когда ты долго едешь по свету, то на твоём пути как бы случайно встречается именно то, что ты вынашивал в душе. Именно это и произошло с моим героем. Помню, в 1979 году я жил в Сайробе, в гостинице, писал пейзажи этого края, его людей. Я помню тот солнечный день. В прозрачном и чистом воздухе отчетливо виднелись красивые горы. В гости к сторожу гостиницы пришли два старика. Одного из них я написал в тот же день. Другому – будущему прототипу «Сайробского старика» – я сказал: «Вы сможете прийти завтра? Мне бы хотелось написать ваш портрет». Он согласился. На другой день он пришел позировать мне. Оделся он так, как посчитал нужным для себя – без всякого франтовства, соответственно своему преклонному возрасту. Этот день был удачным для меня вдвойне: я встретился с молодой женщиной, которая стала героиней моего произведения. Сама она была уроженкой этих мест, но замуж ее выдали за жителя Термеза, и вот теперь она приехала погостить к жене сторожа. В столь короткое время один за другим я написал два портрета – «Сайробского старика» и «Сайробскую красавицу». Знаете, без труда ничего не добиться. Как бы ни были вы мудры, профессионально подготовлены, умны, но если вы не будете постоянно рисовать, рука потеряет навык. Мне же иногда приходится выслушивать нарекания в свой адрес: «Почему Чарыев так много рисует?» А в итоге мое путешествие в Сайроб было очень плодотворным.

– В чем отличие «Сайробского старика» от портретов других стариков?

– В прежних портретах я исходил из внутреннего мира и повседневной жизни моих героев. Вот, скажем, портрет «Имам-бобо» близок по духу «Сайробскому старику». Но «Сайробский старик» создан в 1979 году, а «Имом-бобо» – в 1966. Срок, как видите, немалый. Моей задачей было показать, что бойсунский старик связан с этой землей плотью и кровью. Колорит тоже служил этой цели. Вы видите, на фоне выписаны деревья, глинобитный дом, почва красноватого оттенка. В этом портрете больше внимания обращено на внешний облик героя. Это образ человека гордого, решительного. Тогда как «Сайробский старик» иной. Он – глубоко мыслящий, много повидавший на своем веку, сдержанный, интеллигентный. Потому-то именно он и олицетворяет наш народ. Правда, и здесь внешнему облику героя придавалось большое значение. Портрет написан в полутонах. Фон тоже неоднороден. Одна сторона написана в более яркой светлой гамме, другая – в голубовато-серых тонах. Я сделал это намеренно, чтобы усилить эмоциональное воздействие на зрителя. Итак, приступая к работе над портретом, в первую очередь нужно ставить перед собой цель и задачу. Это определит колорит и композицию.

ПЕЙЗАЖ

«Как-то я спросил Ренато Гуттузо, кого из мастеров изобразительного искусства XX века он считает величайшим творцом. «Их много», – ответил художник. Но согласился с моим мнением, что Пабло Пикассо среди них стоит на первом месте.

Художник разделял со мной и ту мысль, что каждый великий художник, будучи родоначальником нового течения или метода, опирается на достижения своих предшественников, на традицию. «Однако одной лишь опоры на традицию недостаточно», – сказал он.

Гуттузо нарисовал на бумаге мой портрет и подарил его на память. Этот портрет постоянно напоминает мне о наших встречах с известным художником. Мне очень нравятся его пейзажи «Вид Калабры» и «Крыши»»

Из дневника художника

В Ташкенте открылась выставка пейзажей. Я побывал на ней и, чтобы получить ответы на вопросы, зародившиеся в душе, я пришел в мастерскую Рузы-ака. Художник в это время перебирал пейзажи, написанные им во время путешествия по Швеции. Это послужило удобным поводом, чтобы задать ему несколько вопросов касательно жанра пейзажа.

– Рузы-ака, что вы понимаете под пейзажем? В чем особенности этого жанра?

– Каждый художник ответит на этот вопрос по-своему, и это естественно. Почему? Потому что у каждого художника свое собственное отношение к творчеству, жизни, жанрам. В переводе с французского значение слова «пейзаж» – «местность, страна». Но лично для меня это не только страна, это весь мир, вся Вселенная. Я считаю, что пейзаж – это отражение впечатлений, живущих в душе. В творчестве Кандинского отразилась не реальная действительность, а тот полуфантастический мир, который существовал в его душе. Я не буду рассказывать о великих художниках, посвятивших себя жанру пейзажа. Свои мысли об этом жанре я буду подкреплять, обращаясь к тем художникам-пейзажистам, которых сам люблю.

Пейзаж – самый древний жанр. Первобытные художники перво-наперво изображали в своих рисунках солнце, луну, картины природы. Вспомните пейзажи настенных росписей. Даже в восточных миниатюрах есть пейзаж. Но он выполнял роль декоративного элемента. Правда, новаторство в сочетании цветов меня поразило. Я должен признаться, что в этом отношении я многому научился у Бехзода.

Художника, сумевшего воспеть свой край, родную природу, свою землю языком живописи я считаю самым счастливым человеком. Помните, Леонардо да Винчи использовал характерный для Италии пейзаж как фон для своей «Джоконды». Эта традиция была затем подхвачена Тицианом, Боттичелли, де ля Франческо. Я завел об этом разговор не случайно. В творчестве некоторых наших современников основная ставка делается на чуждый колорит...

Для меня жанр пейзажа дорог в первую очередь тем, что он запечатлевает облик Матери-Земли, нашей планеты, давшей всем нам жизнь, кормилицы нашей. Велика наша зависимость от ее даров. Одетый, обутый, сытый человек может думать не только о хлебе насущном, он начинает с любопытством озирать окрестности, любоваться природой. И он чувствует, что на лоне природы он набирается сил, испытывает легкость и радость в душе. Это чувство – прекрасный дар природы человеку. Природа очень тонко проникает в духовный мир человека.

В пейзаже в наличии и мелодия, и колорит, и гармония, и документальность. Если вы обратили внимание, в полотнах замечательного русского художника, мастера пейзажного жанра Шишкина преобладает все же документальность. Но художник до мельчайших деталей воссоздавал картины природы, потому что он так ее чувствовал и считал, что о ней можно писать только высоким слогом, только в приподнятом духе. Если в пейзаже не отразится отношение художника к природе, он получается бесчувственным, остается всего-навсего изображением.

– Расскажите немного о мастерах пейзажа. Вот Вы сами кого из мастеров этого жанра любите больше всего?

– Говоря о пейзаже, я не могу не вспомнить Констебла, Сезанна, Клода Моне, Камиля Коро, Поля Гогена, Ван Гога. Я очень люблю пейзажи этих художников. Из художников-пейзажистов Средней Азии, конечно же, Бенькова с Уралом Тансыкбаевым. Из русских художников нравится Нестеров. Ему было дано тонко и глубоко чувствовать природу России и донести это чувство до зрителя. Крымов тоже один из замечательных художников-пейзажистов.

Осенние пейзажи воспеты в произведениях Левитана с высочайшим искусством. Им написано около ста полотен на эту тему. Вот как описывает Константин Паустовский, что на них изображено: «...стога сена, почернелые от сырости; маленькие реки, кружащие в медленных водоворотах палую листву; одинокие золотые березы, еще не обитые ветром; небо, похожее на тонкий лед; косматые дожди над лесными порубками. Но во всех этих пейзажах, что бы они ни изображали, лучше всего передана печаль прощальных дней, сыплющихся листьев, увядающих трав, тихого гудения пчел перед холодами и предзимнего солнца, едва заметно прогревающего землю». Все же писатель – он и есть писатель: условный язык того, что изображает художник, он переводит с помощью слов и как бы проясняет изображение.

Я точно знаю, что художник, работающий в жанре пейзажа, не может быть глухим к мелодии, что звучит в природе, к незаметным для глаза мелочам, которыми полна эта великая жизнь. Природа – это неиссякаемая, неисчерпаемая, вдохновляющая сила. Она настаивает художника всюду. К примеру, я нахожусь здесь, в мастерской, и вдруг слышу, как начинает накрапывать на улице, какая-то сила подталкивает меня к окну и я смотрю, как идет дождь. И сразу зуд в руках – так хочется работать! С детства солнце приучает художника жить, радуясь. Пожалуй, не найти ни одной творческой личности, которая бы не стремилась к его свету. Одно из произведений Альбера Марке называется «Солнце над Парижем». Он писал пейзажи французских городов, какими они предстали взору художника XX века. Тем он и прославился.

Как бы ни был дорог моему сердцу пейзаж, я не создал в этом жанре сколько-нибудь ценного. Причина – я не нашел себя в этом жанре, им нужно заниматься особо. Каждый раз я собираюсь в Сурхандарью, конечно же, с одним намерением – писать только пейзажи. Но по приезде все мое внимание бывает захвачено людьми, и я отхожу от намеченного. Начинаю писать портреты. Перехожу к картинам. Только я соберусь писать горы, которые несравнимы красноватыми, богатыми красками ни с какими другими горами, как опять рядом появляются люди, и они предстают передо мной могучими, как горы. Еще и поэтому я не смог достойно отобразить в своем творчестве пейзажи

Сурхандарьи. Есть два-три произведения, но я считаю их пока только набросками. Да, чтобы не солгать, есть два-три пейзажа, которые нравятся мне самому. Один из них называется «Дерево моего детства». На нем изображены дерево, арык, глинобитные дома. Вторым называется «Мой домик в Пашхурде». В этом домике, который готов разрушиться на глазах, я появился на свет. Дом этот уже снесли. Это произведение послужило предтечей для создания картины «Рождение девочки».

Еще несколько пейзажей я написал в Алмалыке, Чарваке, в Ферганской долине. Но когда я вспоминаю Урала Тансыкбаева, то понимаю, насколько же мало сделано мной в этом жанре. Он творил с широким размахом, он ввел в свое творчество пейзажи Средней Азии. Переливы красок в них говорят о тонкости души художника, о его горячей и восторженной натуре.

– Хорошо, что Вы сами заговорили об этом художнике. Помнится, в году этак 1969 я встретил вас обоих возле «Дома знаний». Какое впечатление произвел на Вас этот человек?

– В развитии жанра пейзажа в изобразительном искусстве Узбекистана велика заслуга таких художников, как Карахан, Волков, Кашина, Беньков, Татевосян. Но творчество Урала Тансыкбаева занимает среди них совершенно особое место. Ведь неспроста его нарекли «узбекским Левитаном». Мне дорого его раннее творчество 30-х годов. Ему нужно было продолжать воспевать свой край именно в этом духе и в такой манере. В связи с разговором о пейзаже мне хочется побольше рассказать об этом художнике.

Осень 1955 года. Я – студент художественного училища. После занятий заглянул в художественный салон, там в это время была открыта выставка произведений Урала Тансыкбаева. Художник, вернувшийся из поездки на Иссык-Куль, выставил свои новые работы. Этот цикл его работ назывался «Иссык-кульские напевы». Выставка произвела на меня сильное впечатление. Казалось, что эти ласкающие глаз картины природы излучают какое-то сияние. Это послужило толчком, чтобы я увлекся жанром пейзажа. Однако мне не удалось, как ему, посвятить все свое творчество излюбленному жанру.

– Как вы думаете, в чем секрет произведений Урала Тансыкбаева?

– Пейзажи Тансыкбаева запоминающиеся. Особенно горы, написанные его кистью, – голубоватого и серебристого отлива, суровые и величественные. Это был художник высокого полета. По-моему, будущие поколения будут вновь и вновь обращаться к его творчеству, чтобы воспитывать в себе столь важные качества, как способность ощущать ритм красок природы, умение различать в суете и шуме мелодии жизни.

Есть у него произведение, начатое в одной из последних его поездок, называется оно «Вид Чарвака». Художник не успел его закончить. Сейчас это произведение хранится в Доме-музее Тансыкбаева.

Для меня это замечательный образчик его творчества. Художник отказался в этом пейзаже от лишних деталей и работал очень свободно. Как я уже говорил, пейзаж остался незаконченным. Но удивительно, впечатление от него, как от законченной вещи. Художник прошел тернистый путь творческих исканий, прежде чем пришел к этой простоте. Он экспериментировал и с деталями, тщательно прорисовывая их, и с красками.

Вам должно быть хорошо знакомо его произведение «Родимый край». Если вы внимательно взглянете в него, то увидите, с каким старанием, как ясно и точно выписаны там горы и камни, долина, бегущие по холмам дети, цветы и травы. Это требует большого труда. Каждая деталь в пейзаже близка и дорога сердцу живописца. Родным для художника является весь этот наш мир.

Всех значительных работ Тансыкбаева не перечислить. Одна из них называется «Кайракумская ГЭС». Анри Матисс говорил: «У художника должно быть глубинное знание природы». Названное произведение Тансыкбаева несет в себе стремление к этому знанию. Картина покоряет зрителя своей объемностью, эпичностью. Это произведение сделало Тансыкбаева знаменитым на всю страну. За эту картину ему было присвоено звание Народного художника, он стал академиком. Несколько раз выдвигался на соискание Государственной премии. Он пополнил ряды известных художников-пейзажистов нашего времени. Однако, на мой взгляд, в своих последних работах он стал повторяться. Причина кроется в том, что художник мало выезжал в последние годы жизни. Художник, подолгу работающий лишь в мастерской, начинает повторяться. В особенности художник-пейзажист. Творческому человеку необходимы также и поездки за рубеж. В этом психологический эффект: по возвращении из-за рубежа художник как бы другими глазами видит краски родного края. Тансыкбаев же говорил: «Моих поездок по родному краю мне достаточно». Может, он был по-своему прав. Не знаю...

– Оказывается, Урал-ога в тридцатые годы работал в совершенно ином стиле. Как вы оцениваете его творчество той поры?

– Прекрасные полотна Тансыкбаева, созданные им 25–30-е годы, находились в музее Нукуса. Однажды Тансыкбаев взял да подарил эти картины Савицкому, директору музея. Я думаю, он совершил тогда ошибку, потому что художнику необходимо время от времени обращаться к произведениям, дарованным молодостью, и делать надлежащие выводы. Это давало бы возможность частенько мысленно возвращаться в свою молодость. Тансыкбаев же поехал посмотреть эти картины через тридцать лет. И вот тогда... художник умер в Нукусе от сильного душевного потрясения. Его произведения «Сырдарья», «Аул», «В юрте» были новым словом в пейзажной живописи, их цветовая гамма была созвучна краскам родного края...

Картину природы Тансыкбаев дает как величественное зрелище. Выше я говорил, что в его произведениях встречаются повторы. Правда, такие повторы чисто технических приемов встречаются, к примеру, и у Ван Гога. Но в каждом новом полотне Ван Гог пытался дать им новое философское осмысление.

В творчестве Тансыкбаева есть приемы, которые запоминаются. Я видел, как он пишет небо, как он пишет горизонт, среднюю часть, передний план. У него был какой-то свой подход, от умения или от большого мастерства – не знаю.

Не знаю, был ли этот прием найден по той причине, что он левша, или это было проявлением его мастерства. В поздних работах не чувствовалось, чтобы он владел цветописью. А ведь он владел цветописью. Правда, этим достоинством отличались его ранние произведения. Вот что я думаю по этому поводу: он писал в манере сплошного мазка, стремясь передать цельность, единство окружающего – пастбищ, аулов, юрт. К сожалению, эти изображения чем-то напоминали полотна Сарьяна, Павла Кузнецова. Вообще, каждый художник, наверное, стремится пополнить искусство теми приемами живописи, которые свойственны его поколению.

Мне очень обидно, что у Тансыкбаева нет учеников, нет продолжателей его дела. Правда, в этом направлении работают Юнусов, Тахиров, Мирсоатов, Муминов. Но ведь преемника – в полном смысле этого слова – нет...

Тансыкбаев запечатлен в моей душе как открытый, бесхитростный человек и большой художник. Помню, в 1963 году я закончил картину «Беседа» и представил ее на суд комиссии. В ее состав входил и Тансыкбаев. Я только вернулся после окончания института. Пока другие члены комиссии готовились к выступлению, Тансыкбаев эмоционально выразил свое впечатление: «Посмотрите, да ведь это вылитая мадонна!»

На картине была изображена молодая узбекская женщина рядом с колыбелью. Были в картине элементы, свойственные стилю Бенькова. Одного доброго слова Тансыкбаева было достаточно: значит, произведение будет принято.

В своих воспоминаниях я написал о Тансыкбаеве следующее: «Я встречался с ним крайне редко. Однако как бы ни редки были эти встречи, они были очень содержательными и приятными для меня...»

Была пора, когда я жаждал встречи с настоящим художником, творцом. Несмотря на это, я из чувства деликатности старался не беспокоить его. Было у меня желание: написать портрет художника, но, увы, ему не суждено было осуществиться...

ИЗ ДНЕВНИКА АВТОРА

“Одно время я заблуждался, считая, что «долг художника – рисовать прославленных людей». В творчестве Чарыева представлена целая галерея портретов выдающихся личностей.

И теперь, по прошествии десяти лет, я вдруг спросил у него: «Откуда в Вас стремление писать портреты только знаменитостей?» – «Почему ты так думаешь обо мне? – обиделся он, почувствовав в моих словах упрек. – Пойми, меня интересуют яркие личности, хозяева своей судьбы. Такие люди встречаются как среди народа, так и среди известных людей. Глядя на портрет, не думай о том, кто на нем изображен, а наоборот, присматривайся, мастерски или плохо выполнен этот портрет.»

Март 1971 года

* * *

«Шелковое сюзана» – одна из последних работ художника. Он создал выразительный, эмоционально насыщенный образ, в котором не только показана внешняя красота женщины, но и раскрыт ее внутренний, духовный мир. Художник очень верно передал характерные для вышивальщицы позу, жесты; голова женщины декоративно и пластично закута в покрывало; эмоциональную значительность образа подчеркивает яркое живописное сюзана.

«Портрет брата» – глубоко психологическая работа, созданная с большой теплотой и чувством. По своей содержательности это обобщенный образ человека

«Портрет друга» – молодой художник как будто только что, мгновение назад, отступил от полотна и остановился с кистью в руке в большой задумчивости, в той особой сосредоточенности, самоуглубленности, которая так характерна для людей творческого мышления.

«Портрет современника» – автор запечатлел юношу в рост, стоящим уверенно и спокойно. Этот образ несет в себе обобщенные черты современного молодого человека, вдумчивого, интеллектуального, уверенного в своих силах, своей общественной значимости.

Композиционные решения портретов очень просты и четки. Цветовая гамма способствует глубокому раскрытию образов.”

1972 г.

* * *

“Она, американская художница, будучи в Узбекистане, пишет о Рузы Чарыеве: «Никто не обладает большей страстностью, более радостной и богатой палитрой, неисчерпаемостью тематики, чем

он... Он – истинный сын своей земли и восхитительный художник. Мы еще услышим о нем в будущем далеко за пределами его родины.»

Инна Агинс, журнал «Узбекистан сегодня», № 6, 1975

* * *

«В чем проявляется творческая самобытность Рузы Чарыева? В необычайной яркости палитры художника? Если исходить из этого, то художников с яркой палитрой у нас наберется сколько хочешь. Вопрос непростой. Я обращался с ним к самой различной аудитории: сколько было людей, столько было и мнений. По-моему, самобытность Чарыева в том, что его творчество пробуждает в человеке целую гамму чувств. Внутренний мир этого художника, который, на первый взгляд, кажется очень простым, на самом деле необычайно сложен, противоречив и богат. Один знакомый художник, которого никак не назовешь поклонником творчества Чарыева, признался мне: «Сын сейчас в армии. На днях написал ему такое письмо: чтобы ты знал – Рузы Чарыев был призван в армию из художественного училища. Со службы он вернулся с двумястами этюдов, чем привел в изумление даже преподавателей. Мой совет тебе, сынок: работай так же...»

Вы видите, сам того не осознавая, он признал сильную личность художника. И это очень важно.»

Декабрь 1978 года

* * *

«Однажды застал Рузы Чарыева плачущим. Он взглянул на меня и сказал: «Умер Пикассо. Своим неустанным трудом он служил мне примером. Теперь его нет».

Признаться, я удивился, что Пикассо вдохновлял его, побуждая неустанно трудиться. Мне не доводилось встречать у Чарыева произведений, созданных под влиянием Пикассо. Однако в одном я убежден твердо: если бы многие его вещи, точно так же, как и произведения Пикассо, были перенесены в скульптуру, керамику или на панно, то художник открылся бы нам новыми гранями своего дарования. Потому что произведениям Чарыева присуща монументальность. Эта монументальность такая же истинная, как в настенных росписях Афрасиаба и Варахши.»

Декабрь 1978 года

* * *

«В живописи Чарыев стремится к созданию своего самобытного колорита. И добивается своей цели. К примеру, в Европе соседство на полотне черного и красного цветов считалось противоречащим самой природе живописи. В 1902 году Анри Матисс увидел на выставке мусульманского искусства в Мюнхене портрет «Шейбанихана» кисти Бехзода. На красном ковре, разостланном на полу, Бехзод написал черную подушку. Это было откровением для Матисса, и он сам стал творить в этом духе. Верно, природа живописи такова, что некоторые краски, положенные рядом, производят неприятное впечатление. Только ведь возможности цветов и тонов безграничны, как безграничны их переливы и изменения. Любой художник может заново открыть их для себя. Только для этого нужно уметь чувствовать тончайшие оттенки цвета. По мнению Чарыева, мастерство художника выражается в искусности руки и глубине мысли. Поэтому, где бы он ни находился, он изо дня в день пишет черновики будущих своих произведений. Он не обращает внимания на то, что некоторые воспринимают его занятие как блажь. Столь требовательное отношение к себе может служить примером для молодых. В природе человека скрыты величайшие возможности. Постоянная работа над собой – один из способов выявить из подсознания новую идею, мысль. Эта грань его дарования наглядно проявилась в «Сайробском старике». Чарыев не предназначает свое произведение для какого-то одного зрителя. Он призывает всех приобщиться к произведению, к своему творчеству.»

Март 1982 года

* * *

«В произведениях Чарыева бросается в глаза красота жизни без прикрас. Присущая им эпичность удивляет зрителя. Мы привыкли к творчеству лирических художников, это стало традицией. Поэтому при созерцании картин Чарыева эпичность, которая присутствует в них, не сразу воспринимается человеком. Эпичность в живописи – это близость к земле. Земля для Чарыева – мир чудес, сокровищница красок. «Картина под стать роману, – говорит художник. – Чтобы создать ее, нужно много времени. А наши договоры заключаются на короткий срок. Этот вопрос поднимался на VI съезде Союза художников. Но дело не только в сроках. По-моему, в наш стремительный век художник мало времени уделяет тому, чтобы сосредоточиться на своих мыслях, самоуглубиться. А ведь картина – плод долгих раздумий и поисков».

Февраль 1982 года

* * *

«Как-то раз один художник спросил у меня:

– Какие произведения Чарыева Вы считаете наиболее запоминающимися?

Я вначале растерялся, а потом ответил вопросом на вопрос:

– Ну, а Вы сами?

Ответ у него был готов заранее:

– «Падение эмирата», «Первые добровольцы», «Спелый гранат», «Сюзане», «Сурхандарьинская мелодия». Вы видите, из всего великого множества его произведений я запомнил лишь пять. Всего пять его работ устраивают меня.

Я этому не удивился, потому что считаю, что если из творчества одного художника ему понравилось пять картин, то это уже большое дело. Такие великие художники, как Модильяни или Поль Гоген, вовсе не были признаны при жизни.

Коль речь зашла о Чарыеве, нужно признать одну вещь – в его творчестве много незаконченных произведений. Но они более жизненны и впечатляющи, чем законченные произведения иных художников.»

Май 1982 года

* * *

«Московским издательством «Художник» издан художественный альбом Рузы Чарыева. В него вошли произведения, характеризующие разные периоды его творчества.»

Октябрь 1982 года

* * *

«Помнится, прошлой осенью в его мастерской побывал Расул Гамзатов. Рузы-ака, как это у него заведено, стал показывать новые свои работы, привезенные из последней поездки. Поэт терпеливо знакомился с сибирскими этюдами – своеобразным путевым дневником художника. А потом вдруг спросил:

– Скажи, а не лучше ли было бы начать тебе с Узбекистана? Смотри, сколько здесь красок и как много солнца!

– На сегодня достаточно. Сможете завтра уделить мне еще часок? – спросил Рузы-ака. Он рисовал портрет Гамзатова.

Гость молчал. Оглядев нагромождение картин вокруг себя, он взял первую попавшуюся в руки, посмотрел и заинтересовался:

– Погоди, а давай посмотрим и эти?

Рузы-ака стал неторопливо выставлять свои картины гостю на обозрение. Поэт разволновался. Он смотрел то на художника, то на его картины и улыбался, не в силах скрыть своей радости.

– Ну, вот это – другое дело, – был его ответ. »

Сентябрь 1984 года

* * *

«Рузы-ака работал над портретом писателя, пишущего посредственные вещи.

– А разве нельзя было взяться за портрет человека, который внес в литературу достойный вклад? – спросил я у художника.

Рузы-ака стал мне объяснять, что облик писателя интересен в изобразительном плане.

«Начиная работу, я ведь не думаю – положительный это герой или отрицательный. Другой разговор, если его натура не раскрыта в портрете. Портрет – это изображение духовного мира человека. И в этом отношении он тоже представляет собой ценность. К примеру, станем ли мы называть положительными героями тех торговцев и мещан, которых изображали Гойя или Рубенс? Только с точки зрения искусства эти портреты уже представляют собой художественную ценность. В нашем изобразительном искусстве бытует ложная точка зрения. Считается, что художники должны писать только портреты передовых хлопкоробов, передовых чабанов, – словом, передовиков производства. Верно, этих людей нужно пропагандировать. Но для такой пропаганды у газет, радио, телевидения гораздо больше возможностей. Нельзя рассматривать изобразительное искусство как орудие пропаганды. Оно – средство эстетического воспитания. У него есть свои законы. Когда я в прошлом году в Сайробе стал писать портреты не передовиков, а тех людей, которые пришились мне по душе, один из районных руководителей всерьез обиделся на меня. Вот тогда мне стало ясно, насколько он далек от искусства и в то же время – от жизни простого народа. По-моему, в учебных заведениях нужно читать лекции по истории искусства.»

* * *

«Мы сидим в мастерской. Беседа наша посвящена этюду.

– Ты знаешь, когда хороший этюд, сделанный для картины, переносишь на полотно, он получается другим. Потому что почти невозможно войти в то состояние, в котором ты писал этот этюд. Поэтому совершенно замечательный в своем исполнении этюд, перенесенный на картину, может получиться слабым. Кроме того, краски при смешении дают тысячи оттенков, повторно получить точно такой же оттенок тоже невозможно. Если в черновике художественного

произведения имеется хороший отрывок, то его можно спокойно перенести на лист чистой бумаги, тогда как в живописи воспроизвести это точь-в-точь нельзя. Поэтому я рассматриваю этюд или набросок как вполне самостоятельное произведение и хочу представлять их на суд зрителя.

– Но ведь иной, неподготовленный, зритель, увидев незаконченный этюд, может прийти к неправильным выводам обо всем творчестве художника, – возразил я ему.

– Ну и что с того? – настаивал на своем художник. – Я ведь живу на свете не для того, чтобы утверждаться в глазах каждого человека как великий художник. Я строю свою жизнь по собственному усмотрению. Кроме того, если кто-то и скажет, что я плохой художник, я ведь от этого не стану писать хуже!»

10 мая 1984 года

* * *

«Часто задаешься вопросом: зачем нужны картины? Чтобы порадовать эстетическому чувству? Для самовыражения? Может, для наслаждения в минуты досуга? Почему тысячелетиями соседствуют на земле добро и зло? Почему литература и искусство, которые мы считаем великой силой, не могут искоренить зло, покончить с ним раз и навсегда?

Как-то раз я обратился с этими вопросами к Рузы-ака. Он задумался, а потом стал рассуждать вслух:

– Возьмем, к примеру, огонь в очаге. Это благо, ты ведь согласен со мной. Но если поддерживать этот огонь изо дня в день, то дымоход забьется сажей. Время от времени нужно чистить дымоход. Появление зла в жизни так же закономерно, как появление сажки. Нужно очищаться от него.»

Октябрь 1985 года

* * *

«Одной мечты – быть художником – еще недостаточно, чтобы стать им. Для этого уже с детства нужно уметь различать краски, переносить на бумагу все самое любимое – от игрушек до портретов близких и друзей, изучать по книгам секреты мастерства великих художников, развивать свои способности. Не нужно забывать, что будущему художнику эти качества должны быть его спутниками всю жизнь», – говорит Рузы-ака.»

Декабрь 1985 года

* * *

“Ценность произведения искусства определяется степенью таланта художника. Только природа каждого произведения и его задача различны. Попытка оценить произведение без учета этих различных точек зрения может привести к ошибкам», – говорит художник.”

Декабрь 1985 года

* * *

«Извечно живопись была мостом, связующим человеческое сердце с внешним миром. Этот мост искусен, прочен и законен...

Я пришел к этому выводу, увидев сегодня картину Рузы Чарыева «Сурхандарьинская мелодия».

– Это произведение понравилось и писателю Шукуру Холмирзаеву, – сказал художник. – Теперь оно висит в музее.»

Декабрь 1985 года

* * *

«Меня привлекает в произведениях Чарыева то, что они пишутся всегда в свободной манере.»

Январь 1986 года

* * *

“На первый взгляд кажется, что Чарыев никогда не выбирает тему. Если ему что-то понравилось, тут же рисует. Это и удивляет меня в нем. Так ведь можно сбиться на торопливое, поверхностное изображение. Но художество требует постоянной работы, иначе теряется навык.

Большинство наших художников могут вынашивать в уме много замыслов, но когда дело доходит до исполнительского мастерства, они «хромают». В этом отношении Чарыев всегда превосходит. Кроме этого, он не только искусный портретист, а еще и мастер удивительных пейзажей, доведенных до совершенства картин», – говорит профессор Л. Ремпель.”

Сентябрь 1986 года

* * *

«Рузы Чарыев, глядя на себя в зеркало, написал автопортрет. Он изобразил себя с кистью, которую держит уверенно и крепко. Теплых тонов рубашка, пронизательный взгляд, спокойный фон открывают нам замысел художника.»

* * *

«*Портрет Зебо Ганиевой*» – один из камерных, наполненных своеобразной грацией портретов. Художник изобразил легендарную личность, необыкновенную женщину Зебо Ганиеву в светлой, нарядно-декоративной гамме.

Легкими, почти незаметными мазками написано лицо, на котором светятся большие темные глаза, придающие особую живость портрету. Чарыев стремится к раскрытию психологического состояния модели через грацию движений – неторопливый поворот головы, движение рук, непринужденность позы. Яркую, неординарную внешность и противоречивость характера портретируемой подчеркивает контраст темных и прозрачно-серебристых и голубых тонов одежды. Красоту модели оттеняет блеск золотого браслета на ее руке, мерцание драгоценных камней в серьгах и перстне.

Это произведение отличается свежестью восприятия художника, живо и поэтично воспевающего женскую красоту.»

* * *

«Однажды ученик Рузы-ака вдруг спросил его:

– Какого цвета вдохновение?

Художник не ответил ему в тот вечер, но ночь напролет он писал всевозможные цветовые образы. А цвета вдохновения он так и не смог отыскать.

Будучи в поездке, увидев буланого коня, пасущегося в отрогах Кухитанга, он в волнении закричал:

– Вот, приятель, цвет вдохновения! Я его представлял таким вот, в образе этого буланого коня!

В тот же день он написал темперой и акварелью, как пасется этот конь. Написал красную землю, по которой ступал конь, отроги голубовато-сизых гор за ним, зеленые луга, желтые холмы.

– Вдохновение человека рождается этим миром. Его крылья – мечта! В движении коня я запечатлел именно этот порыв, – говорил он своему ученику взволнованно и радостно.»

Декабрь 1986 года

«Недавно я читал о Чарыеве в книге Л.И. Ремпеля «Мои современники» следующее: «Какой емкий художник! Какой жизнелюб! Сколько первоклассных произведений позади и какой простор впереди! Надо так любить жизнь во всех ее радостях и горестях, как ее любит Рузы!»; «... он никогда не отказывается от нового видения. Это не капризы виртуозного художника, не своеволие...»; «Личность художника – родник, который вливает кристально чистую воду в русло могучей реки. Он не требует того, чтобы река текла по его руслу, но и не позволяет смешивать его с другими потоками»; «В его работах удивительно соседствуют мастерство и небрежность, зрелая композиция и случайность этюда, глубина мысли и недосказанность идеи.»

«НЕ СТРЕМИТЕСЬ К ЛЕГКОЙ ПОБЕДЕ»

«Как можно стать художником? Окинув мысленным взором свою жизнь, я понял, что на этот вопрос трудно ответить. Я могу сказать вам, как можно не быть художником. Для этого многого не требуется. Недавно я работал над портретом эстонской поэтессы Сирье Кийн, посетившей мою мастерскую. У нее есть такое стихотворение:

*Продать себя, а не другого кого –
Это очень легко!
От тебя это не потребует
Почти ничего!»*

Из дневника художника Ташкент, 12 апреля 1987 года

Текст беседы, состоявшейся в мастерской художника:

– Несколько лет назад в газете «Молодежь Узбекистана» была напечатана Ваша беседа с корреспондентом УзТАГ. Вы тогда сказали очень много интересного о поисках молодых в области искусства живописи. В основном, выразив одобрение по этому поводу, Вы критиковали некоторых за склонность к репродукционизму. С тех пор минуло 5 или 6 лет. Каковы Ваши нынешние впечатления о творчестве молодежи?

– Во-первых, я хочу предупредить об одном. По правде говоря, я не хочу навязывать своего мнения, советуя кому-либо из молодых: делайте мол, так или эдак. Хочу просто поделиться своими размышлениями и наблюдениями об искусстве.

Сегодня, 12 апреля 1987 года, я снова посетил выставку, открывшуюся в зале Союза художников. Знаете, к какому выводу я пришел? В произведениях участников выставки, независимо от возраста автора, чувствуется дух времени. Но, к сожалению, оказывается, что этого мало. Меня не очень удовлетворили работы и старшего поколения, в

том числе моих ровесников. Мы все еще опутаны старыми традициями, мыслим отсталыми категориями. Да, мы работаем, и работаем неплохо, однако все еще не можем разорвать цепи традиций, сковавших нас требованиями старого времени, старой эпохи. Я пришел к такому выводу, посмотрев работы художников, принадлежащих нашему поколению: Кучкара Носирова, Муборака Юлдашева. И не только про них можно сказать это. О полотнах моих ровесников Евгения Мельникова, Юрия Талдыкина, о картинах представителя следующего за нами поколения Анвара Мирсагатова можно сказать то же самое. В свое время они были передовыми, прогрессивными художниками. В последних же своих работах они словно повернули вспять. Хорошо это или плохо – об этом говорить не станем. Мне кажется, художник должен быть активным в жизни, должен постоянно обогащаться новыми впечатлениями. Я не против, чтобы он творил, не выходя из своей мастерской. Однако опыт показывает, что, работая не покидая стен мастерской, художник ограничивается отражением прошлого. По-моему, даже прошлое должно быть отражено с точки зрения сегодняшнего дня и с учетом будущего времени. А для этого...

– Некоторые художники утверждают, что их поймут люди грядущих поколений, а нынешние их не понимают. Может быть, они правы?

– Так может сказать как самый талантливый художник, так и самый бездарный. Надо уметь различать их. Порой самый талантливый художник выходит за рамки мышления, основанного на известной системе и начинает работать в новом стиле, который массовый зритель еще не готов воспринять. Но он никогда не бывает одинок. У него всегда бывают единомышленники, хотя и немногочисленные. Это известно из истории и литературного, и художественного искусства. В поисках нового случаются и ошибки. Иногда и бесталанный художник пускается в поиски нового пути. Но, к сожалению, он лишь неудачный сегмент на давно пройденных дорожках, выкидывающий разные фортеля. В каждой работе талантливого художника, будь она удачной или неудачной, всегда имеется нечто, иначе говоря, есть зерно. Профессионалы сразу же могут определить его. У одаренного художника всегда имеется такое зерно в основе произведения, созданного в новом стиле, даже если оно не совсем удачно.

Кстати, мы говорим сейчас о поисках молодых авторов. Работы представителей каждого поколения чем-то похожи. Возьмем, к примеру, поколение Джавлона Умарбекова, Алишера Мирзаева, Максуда Тухтаева. Несмотря на различие их стилей и мировоззрений, в общем направлении их творчества есть общность, близость. В свое время я говорил много теплых слов об этих авторах. Но сейчас, на мой взгляд, и в их творчестве застой – у них нет стремления вперед, они не могут вырваться из пут своего прежнего мышления. Нынешняя молодежь радует нас. Они мыслят по-разному, а методы их работ, если рассматри-

вать в общем направлении, абсолютно не похожи. Лишь одно меня тревожит. У молодых есть один недостаток – принудительное подчинение холста. Вынужденная его раскраска, коли это не служит определенной цели, лишь вредит результату. Гаглоева, принудительно подчинив себе холст, все же создала чудесное произведение. Это я говорю, основывая свою мысль на примере картины, с которой она участвует в нынешней выставке. На деле же холст должен дышать свободно, что очень важно для создателя произведения.

– Каковы Ваши мысли о различных течениях, о поисках в различных направлениях?

– В современном музее Швеции я видел работы Василия Кандинского. Вот теперь чувствуется, что этот художник опередил время. Мне больше всего нравятся его картины в импрессионистском стиле.

– Вы говорите о В. Кандинском. Он – один из основателей абстракционизма. Как Вы думаете, почему он избрал этот стиль?

– В 1896 году Кандинский писал работы в абстрактном стиле на тему русской истории. Тогда он находился под влиянием работ Поля Гогена и французского фовизма. Он предался жестким теориям и различным поискам художественных форм и возможностей. Написал книгу «О духовности в искусстве». По его мнению, все решает то обстоятельство, что свет должен быть вне изображаемого предмета. По его словам, именно из-за света мы не можем увидеть настоящие пейзажи, форму. Он считает, что из-за освещения формы всех предметов в мире условны. В его ранних произведениях свет зрелищный еще существует. Даже в «импровизациях» еще можно смутно разглядеть предметы. Последние же работы, в которых он отступил от реальности, я не воспринимаю. Но, несмотря на все это, поиски форм, различное отображение впечатлений очень важно для истории искусства.

– Рузы-ака, иногда художников обвиняют в том, что они оторвались от народа. По-моему, подобное утверждение не совсем верно, они просто опережают народ. Ведь настоящие творцы всегда идут впереди народа, а не отстают от него.

– Конечно, между понятиями «оторваться от народа» и «опережать народ» есть большая разница. По-моему, среди представителей течений, появившихся в XX веке, существовали оба эти понятия. Возьмем, к примеру, импрессионизм. Термина этого относительно изобразительного искусства придерживался Вильгельм Ворингер. Французских живописцев Сезанна, Ван Гога, Анри Матисса он называет «синтетистами и экспрессионистами». Течение это в основном появилось в Германии в первой четверти XIX века, когда художники стали отображать не внешнее восприятие, а в измененном виде, пропустив увиденное сквозь призму своего духовного мира. На мой взгляд, подобная интерпретация была своеобразным мостиком для отображения чувств и эмоций. Однако в результате чрезмерной абстрактизации течение это исчерпало

себя. Но в творчестве Макса Бекмана, например – а мне оно очень нравится, равно как и творчество Отто Дикса и Гросса, – достаточно искренне отображены ужасы войны с помощью этого метода. Вообще же причиной появления различных течений явился застой в искусстве начала XX века. Новые течения художников явились как бы протестом против этого застоя.

– Рузы-ака, вы очень цените искусство Пикассо. Как вы оцениваете его произведения, относящиеся к течению кубизма?

– Основатели кубизма и футуризма полагают, что абстрактными законами искусства можно своеобразно упорядочить мир. В большинстве случаев, увлекшись предметом, они не уделяют внимания человеческим чувствам. Пикассо же хоть и творил в кубизме, не обходит вниманием эти чувства и переживания человеческого сердца. Толчком для появления кубизма явились поиски форм Сезанна и скульптурное искусство Африки. Заинтересовавшись геометрическими формами африканских скульптур, Пикассо увлекся кубизмом. Кубисты, отказавшись от изображения конкретного предмета, создают пространство, перспективу, сравнивая предметы или заменяя их один другим. Возьмем, к примеру, «Авиньонские девушки» Пикассо. Здесь есть сюжет, однако фигуры изображены в разрозненном виде, то есть разделенными на части в виде геометрических форм. Пикассо как бы выражает свой личный протест, бунтует против веками утверждавшегося слащавого, на его взгляд, способа изображения женского тела. Подобная гротесковья форма изображения встречается и в литературе, например, в произведениях Кафки. Мне очень нравится картина Пикассо «Дом в саду», где дома изображены в форме пирамид, деревья же – в форме цилиндров.

– Вы очень много работали с молодежью. Иные художники выражают недовольство, говоря, что Вы по отношению к творчеству молодежи не особо строги. Они имеют в виду то, что Вы рекомендуете на выставки их учебные поиски, картины, написанные ими в виде опытов.

– Знаете, если художник в процессе своего творчества, сделав ошибку, не почувствует ее сам, ему будет трудно понять и принять даваемый Вами совет. Я говорю это, исходя из своего личного опыта. Нынешняя молодежь взрослеет быстро, однако не за счет опыта, а благодаря обилию информации. Не стоит забывать одной вещи. Искусство – это не гонки, не состязания, оно развивается так же стремительно, как научная техника. Искусство – это изящество, наслаждение, чувства. Потому-то зрителю не по нраву произведения, созданные лишь через рассудок и рационализм. Иные же представляют изобразительное искусство ребусом. И создают именно такие произведения. А отдельные наши художники вносят в живопись идеи, которые могли быть выражены в плакатах. По-моему, подобное явление имеет место и в литературе, хотя я не имею ничего против каких бы то ни было поисков и течений.

Известно, что Пикассо создавал произведения и в кубистском, и в абстракционистском течении, и во многих еще других. В результате сформировался еще один великий художник. И все же мне дорог реализм. Почему? Скажем, смотришь на картины, созданные в различных направлениях, и говоришь: хорошо, удивительно. Только и всего. Реализм, знаете ли, заставляет человека волноваться, переживать. Человек – реалист, мыслит реалистическими категориями. Именно поэтому ему нужны реалистические произведения, которые являются для человека ежедневной, постоянной потребностью. Они для него как хлеб насущный. Именно поэтому я считаю, что в каких бы течениях художник ни творил, ни пробовал свою кисть, возвращение к реализму – естественное явление.

– А Вы сами создавали картины в абстрактном стиле?

– В 60-е – 70-е годы у меня были поиски в этом направлении. В этих картинах я старался отобразить свое восприятие песен, музыки, света, цвета. Чтобы участвовать с ними в выставках, я даже пошел на хитрые уловки, то есть дал им такие названия, как «Песня», «Дельта», «Амударья». Если вы возьмете альбом и взглянете на эти картины – никакой дельты, Амударьи вы на них не увидите. В те времена выставлять подобные работы было довольно трудно. Затем я стал использовать элементы других течений в реалистических работах. Но не все, конечно.

– Значит, реализм всеобъемлющ. И в нем можно использовать лучшие элементы других течений.

– Конечно. И в этом смысле мне по душе активность молодых. Разумеется, есть вещи, которые я не приемлю. Это – репродукционизм.

– Однако Вы, хоть и впервые, свою картину «Индия» создали на основе фото. Вот скажите, это, как Вы выражаетесь, конъюнктура или нет?

– Во-первых, конъюнктура – это непосредственное копирование с фотографии. Я же использовал наброски портретов индийских гостей, приехавших на кинофестиваль. К тому же я смотрю на фотографию как на материал, и в этой картине я использовал фотографии в виде подобного материала. Когда у художника нет возможности писать с натуры, он может использовать фотографию как материал. «Индия» – это моя опытная работа, что ляжет в основу моей будущей картины. Посмотрим, какие результаты принесет впоследствии эта работа. Пусть пройдет какое-то время...

– Свободное использование фото... все равно звучит как-то непривычно. Все же впечатление от фотографии очень отличается от впечатления, производимого натурой...

– Конечно. Но ведь я сказал, что в случае, когда художник не имеет возможности работать с натурой, он вынужден воспользоваться фотографией... Я не одобряю, когда кто-то из молодых авторов копирует

слайды, фотографии. Меня радует то, что таких «картин» не очень много на выставке. Мне по душе, что молодежь, участвующая на этой выставке, стремится продемонстрировать свое старание не походить на кого бы то ни было, не подражать кому-либо, а проявить свою оригинальность. В этом отношении мне очень понравились полотна Аслидина Исаева, Баходира Саломова. Они не только демонстрируют свое мастерство – в их картинах есть своеобразная атмосфера, которую непроизвольно хочется вдохнуть. На первый взгляд, на их картинах нет ничего, кроме дворики, деревьев, женщин. Но, взглядевшись повнимательнее, вы почувствуете, как предметы, люди, изображенные на холсте, словно оживают, и духовный мир полотен очаровывает вас. Если же говорить о художниках, моложе названных, хочу сказать одно: в сферу изобразительного искусства вступает достойная молодежь. У меня одно пожелание: лишь бы они не пошли по ложному пути. Ошибки, конечно, неизбежны, но хочется, чтобы молодые художники не сбились с истинного пути.

– Конечно, у каждого поколения бывают свои недостатки, свои ошибки. Каковы недостатки нынешней молодежи?

– Вчера на выставке я разговорился с тремя художниками. Они попросили меня высказать свое мнение об их картинах. Например, Собиру Рахметову я указал на удачу и недостатки написанного им портрета певца. Художник хотел создать торжественный портрет. Все, казалось бы, хорошо. Но основная задача портрета не ясна. На портрете должна быть ярко выражена какая-то черта духовного мира изображенного человека. Портрет трудно представить без этого. Возьмем, к примеру, картину Юсупова. На ней невестка и старушка написаны очень колоритно. Особенно старушка. Однако ребенок на руках невестки похож на куклу. Он написан не в классическом и не в современном стиле. Я посоветовал ему взять новый холст и переписать картину. «Не полнитесь», – сказал я ему. Из работ Рахмона Шодиева мне понравился только пейзаж Байсуна. Однако все эти работы, сказал я им, недолговечны. Особенно картина «Кирким». А произведение искусства должно быть не сиюминутным, а вечным.

– А в чем Вы видите вечность произведения искусства?

– Если произведение привлекает Вас и если при каждом просмотре Вас охватывают приливы новых чувств – это и есть вечность работы. В ней заключается и мастерство автора, и смысл картины, чувства и волнения, вложенные автором и охватывающие зрителя при виде подобных работ, и еще много такого, чего я не знаю.

– В некоторых картинах не хватает национального колорита. Разве в живописи национальный колорит не играет никакой роли?

– Отчего же? Это чрезвычайно важный фактор. Для создания современного произведения недостаточно одного лишь мастерства. Однако национальный колорит – это не скопление этнографических элементов,

не декорация, как это выглядит в работах иных авторов. Колорит черпается из внутренних эмоций. В этом отношении примечательны работы Аслиддина Исаева, Ислама Охунова, в которых ярко и выпукло передан колорит. Меня это безмерно радует. Иные под словом «колорит» подразумевают рассказ в картине. Да, повествование в картине присутствует у Кранаха, у братьев Вапэки, в произведениях Мемлипа. Однако какое? Вот в чем вопрос. Повествование без лишних деталей служит раскрытию смысла картины. Колорит должен быть в самой природе художника. Когда автор пишет то, что волнует его сердце, цветом, светом, формой, то замысел находит свое гармоничное воплощение на холсте.

– Чувствуется ли это в творчестве представителей молодого поколения?

– Конечно, в этом отношении меня порадовали работы Турдыева и Шерджанова. Они передали колорит с моральной, философской точки зрения. Надо избегать декоративного колорита. Хочу добавить еще то, что колорит – это типическое отображение жизни, какой-то ее части.

Какие бы критические мысли я ни высказывал по отношению к творчеству молодежи, я считаю, что все это касается и меня. Ибо человек не хочет, чтобы другие повторяли его ошибки. И потому я пожелал бы молодежи активно участвовать в жизни, и, покинув мастерские, хорошенько изучать нашу страну. И вот тогда в процессе работы они найдут новые замыслы, которые будут воплощены на холсте в новых формах. Это, в конце концов, приведет к победе. В легко достающейся победе кроется неудача, пройдя через которую человек приближается к большой победе. Я желал бы, чтобы молодежь ставила перед собой такую большую цель.

– На что необходимо обратить внимание, чтобы добиться расцвета изобразительного искусства?

– Во-первых, нужно готовить талантливых педагогов для школ, создавать изостудии и кружки в районах и кишлаках, где живет основное население. Затем я считаю необходимым издание на узбекском языке книг об искусстве с репродукциями картин классиков. Положение дел в художественных училищах и институтах не отвечает должному уровню. Было бы неплохо подумать и об этом. Один лишь пример: в 1965 году произведение Г.А. Пугаченковой и Л.И. Ремпеля «История искусств Узбекистана» было издано тиражом в три тысячи шестьсот экземпляров. К сожалению, книга эта до сих пор не издана на узбекском языке. Институт искусствознания должен перевести на узбекский язык и издать эту книгу, которая должна стать настольной для каждого.

ПО ИНИЦИАТИВЕ ЧАРЬЕВА

«По-моему, художник должен не только творить, но и пропагандировать искусство среди народа. Например, Айтматов в своих интервью дает пояснения к своим романам и повестям и тем самым подготавливает людей к чтению своих произведений. Мы также должны поставить себе целью открытие картинных галерей повсеместно.»

Из дневника художника

Один из моих знакомых взял у меня из рук приглашение и стал читать вслух: «Уважаемый товарищ! Министерство культуры и Союз художников Узбекистана, Сурхандарьинский областной комитет партии совместно с Термезским городским комитетом партии приглашают Вас на торжественное открытие галереи, основную коллекцию которой составляют произведения лауреата премии имени Хамзы, Заслуженного деятеля искусств республики Рузы Чарыева».

Мой собеседник удивленно взглянул на меня и сказал:

– Ты смотри, Рузы Чарыев оказался на поверку человеком деятельным. Как я слышал, по его инициативе открылись музеи искусств в Байсуне и Пашхурде, это правда?

– Да, подтвердил я. – Этот человек ни минуты не может усидеть спокойно. Такой уж у него характер.

– Послушайте, Рузы-ака такой безмятежный человек. Я вот думаю, есть ли у него в жизни какие заботы и проблемы? – спросил у меня этот человек.

Я этим словамнисколько не удивился. В какой-то мере он прав. Как ни посмотришь на Чарыева – он всегда спокоен, весел, производит впечатление человека благополучного. Ведь у всех у нас, смертных, неудачи и горести чередуются с радостями и успехами. Вдобавок, Рузы-ака рос сиротой, перенес много лишений. А коли так... в чем причина его показной бодрости? Или он от природы такой? Или прикидывается веселым, чтобы не выдать своего сокровенного? За годы многолетней дружбы я как-то привык к этой его манере, но мне удалось заметить одну особенность, свойственную его творчеству: у этого художника вы не обнаружите на полотнах ни одного беззаботного человека. Даже в таком его произведении, как «Свадьба в Сурхандарье», представлена не веселая компания, а группа людей, погруженных в раздумья о жизни. На картине изображена такая сцена: под могучей чинарой прощаются с невестой родители и родственники. Трудно родителям смириться с мыслью, что их дочь, кровинушка, плоть от плоти их, покидает отчий дом, будет жить в другой семье, в другом доме. Художник очень точно уловил и передал родительские чувства.

В беседе, касающейся этой картины, я как бы между прочим повторил разговор со знакомым, который я привел в начале главы.

– Даже у самых великих комиков, которым, казалось бы, сам Бог велел воспринимать жизнь легко и весело, было много забот и печалей, – ответил мне художник. – Хватает проблем и у меня. По возможности я стараюсь преодолеть их с помощью смеха, улыбки, не впадая в уныние. Тебе ведь известны мои заботы!

– Знаю, что Вы сторонник музеев искусств на селе. По Вашей инициативе в Сурхандарье уже открылось несколько таких музеев. Вы подарили им сотни своих произведений. Художники Алишер Мирзаев и Вахоб Зиеев, побывавшие недавно в Пашхурде, говорили мне: «Признаться честно, мы не думали, что в столь удаленном месте, в горном кишлаке, сможем увидеть такой замечательный Музей искусств. Во все эти начинания вложено много сил и труда. Средств для организации музея в каждом кишлаке пока нет. Поэтому я спрашиваю у Вас как у общественного деятеля: может, есть другие пути? – спросил я у Рузы-ака.

– Прежде всего я должен Вам сказать вот что: те музеи, о которых идет речь, созданы на общественных началах. Нашлись энтузиасты, что главное.

ЗАБОТЫ РУЗЫ ЧАРЫЕВА

По правде говоря, мне самому непривычно это слышать. При слове «забота» люди начинают жаловаться на судьбу. А Рузы-ака говорит о заботах радостно. Или, скажем, он может рассказывать об этом с гордостью и тут же чуть прихвастнуть. О трудностях, с которыми он столкнулся при открытии музеев в Среднечирчикском районе, Сайробе, Байсуне и Пашхурде, он рассказывает очень занятно, и настроение у него при этом праздничное. Но когда он рассказывает о просыпающейся в детишках тяге к искусству, о том, как он был их наставником в течение нескольких дней, – тут уж он радуется искренне, от души. Приобрел он некоторый навык работы и с партийными руководителями. Несколько раз ему удавалось заманить их на выставку, подарить свой альбом с автографом и заручиться их поддержкой в каком-то вопросе или дать им подмахнуть какую-нибудь важную бумагу. Бывало, что его приглашали на званые обеды как «свадебного генерала» за те звания, которые он имел. А иногда – за то, что он – компанейский человек. «В жизни много смешных ситуаций», – говорит художник и продолжает свою ответственную и трудную работу. Его хлопоты не пропали даром – результат налицо: в Термезе открылась на общественных началах художественная галерея. Сейчас она состоит в основном из работ Чарыева. Сюда вошли пейзажи, портреты, карандашные на-

броски, этюды и картины. Рузы-ака подарил галерее 130 своих работ. Многих любителей изобразительного искусства и почитателей таланта Чарыева интересует вопрос: какие именно работы подарены галерее? Два слова об этом.

Как известно, в узбекском изобразительном искусстве Рузы Чарыев утвердился как мастер портрета. Перед портретистами всегда стоит сложная задача: передать через внешний облик человека его внутренний мир, движения его души. Помимо этого, по законам портретного жанра портрет должен иметь сходство с изображаемым человеком. В таких портретах, как «Сайробский учитель», «Фармацевт», «Буриев» чувствуется рука мастера. При лаконизме линий художнику удалось передать самобытные характеры людей.

Этой галерее художник передал очень своеобразные портреты деятелей литературы и искусства. Значительна работа «Алишер Навои». Художник создавал образ великого поэта, опираясь на традицию восточной миниатюры. В изображении Чарыева поэт предстает тонким мыслителем и чутким сыном земли.

Карандашный набросок, построение рисунка – основа любого большого произведения. Художник, которому трудно справиться с этой задачей, чаще всего старается скрыть свои огрехи под слоем краски. И все же это неумение заметит и профессионал, и истинный ценитель живописи. Галерея располагает большим количеством карандашных набросков Чарыева: к портретам «Чингиз Айтматов», «Мукаррам Тургунбаева», «Маъмура Эргашева», «Шукур Холмирзаев», «Учитель Музаффар», «Рузы Тошев».

Есть в галерее портреты людей Сурхандарьи, пейзажи этого края, произведения, написанные во время путешествий по этой земле. Вот что написал сам художник в своей записной книжке:

“Удивительный край Сурхандарья! В какую сторону этой древней земли ни поедешь – всюду видишь интересные пейзажи.

Здесь можно увидеть наскальную живопись Зараут-Сая, курганы Балалык-Тепе, Дальверзин-Тепе, и вообще, земля эта таит в себе еще много, много тайны. Давно говорил мой учитель – археолог Гавриил Васильевич Парфенов об этом.

Что интересно, ведь я бываю каждый день на этой земле, и люди там очень своеобразны по типу и характеру. Они сами напоминают землю, как будто они часть этой разнообразной земли: в Байсунском районе люди похожи на глыбы горных камней, в Шерабадском они как будто из терракотовой смеси. И там, и тут люди по характеру очень близки. В горах занимаются скотоводством, а на равнине поднимают целину, заброшенную долгими веками.

Еще недавно мне приходилось бродить по этим местам мальчиком-краеведом, а сейчас эти места трудно узнать, только одинокие

Тепе – памятники старины – виднеются. Для понимающего человека это, конечно, очень интересно.

По Шерабадской долине, куда ни поедешь, всюду стоят искусственные пирамиды. Это машины копают каналы для орошения целины.

Радует меня то, что родился на этой земле. Всегда в творчестве своем буду черпать от земли этой, потому что все это понятно и близко мне.

В 1970 году, в августе, был там, много написал портретов, писал пейзажи этих дорогих мест. Буду писать целый цикл работ на тему «Люди и природа Сурхандарьи».

2 марта 1971 года

Вы убедитесь в одном – через живопись художник выражает свою любовь к трудовому народу, к простым людям. Любовь эта, переливаясь как радуга, естественно, не затмевает слабо написанных мест, неточность линий. Но одно все же совершенно очевидно – художник всегда справлялся с поставленной задачей, работал свободно, без науги и напряжения. Каждый посетитель галереи чувствует это сердцем. «Кумкурганские яблоки» – одно из значительных произведений Р. Чарыева. В этой работе через трогательные образы девушек художник передал красоту людей нашей земли, которую он неустанно воспеваает в своих работах, открывая новые грани.

В картине на переднем плане изображены пять девушек в рост па фоне раскидистой яблони, увешанной плодами, сквозь ветви которой просвечивает голубое небо. Через реальные образы художник проносит символическое звучание – молодость, чистоту и зрелость. Заполняя сочным цветом большие планы, он создает монументальную композицию. Цветовое сочетание ярких национальных платьев с зеленой травой, деревом и голубым небом создает декоративность полотна. Рисунком, цветом и формой художник создает настроение торжественного покоя.

– Итак, Рузы-ака, вы же не ответили полностью на мой вопрос: часто ли вы огорчаетесь или обижаетесь на что-то? – вернулся я к теме нашего разговора.

– Бывают ситуации, когда я не скрываю свою обиду, – сказал он, смеясь. – Увидев недавно, в каком неказистом здании разместилось Управление культуры, я всерьез огорчился. Другое, что часто повергает меня в уныние – это поведение человека, его бескультурие. Это уже прописная истина – что каждый человек должен быть воспитанным, культурным. К сожалению, я чаще всего сталкиваюсь с полной противоположностью этого. Вы знаете, просто нет сил видеть этот официоз, бюрократизм, грубость, фальшь. Еще один момент: некоторые искусствоведы и журналисты очень поверхностно пишут о творчестве

художника. Вы думаете, что читателю важно знать только о званиях художника и о его жизни? Очень важно высказать свое собственное мнение о деле его жизни – о произведениях. Большинство же в одних и тех же выражениях характеризует и творчество Пикассо, и любого начинающего художника. Нельзя так обесценивать слова. Иные даже звания художников умудряются перевернуть. На днях я услышал по радио такую информацию о себе: «Недавно по инициативе народного художника Узбекистана Рузы Чарыева в Термезе открылась художественная галерея». Мне ведь это звание не присваивалось*.

– Рузы-ака, по-моему, это не столь уж великая ошибка, – ответил я ему. – Вы давно уже «народный» художник.

– Человеку приятно лесть, – сказал он, смеясь, – вот это и плохо.

В «Автопортрете», созданном в 80-х годах, необычайно жизненно передан образ художника, выполненный нервными мазками. Прекрасно переданы сосредоточенность смотрящих на зрителя горящих глаз, смуглое лицо, обрамленное густой черной бородой с проседью. Чередованием вертикальных зеленых и серых полос его одежды подчеркивается порывистость движений, характерная для художника. Сдержанная гамма красок отвечает эмоциональной тональности образа и выразительности психологического состояния. При подчеркнутой неподвижности лица глаза несут определенную эмоциональную нагрузку – ноту, которая завораживает зрителя, устанавливает с ним волнующий контакт. Этим внутренним горением проникнуты духовная жизнь художника и его живопись.

Художник трудится над циклом «Земля и люди Сурхандарьи». Он частый гость на родной земле, стремится запечатлеть все четыре времени года. Зимой он бывает на свадьбах сурхандарьинцев, непременным атрибутом которых являются состязания борцов. Его интересует их повседневная жизнь. Он с удовольствием слушает народные сказания, мелодии наая (произведение «Най»). Народное поверье о том, что каменные изваяния прежде были людьми, вдохновляет его, и он берется за работу (произведение «В кишлаке Кизил гуль»). Его вдохновляют и народные песни о первой степной былинке, воспоминания далекого детства. Летом он торопится запечатлеть пейзажи, щедро освещенные солнцем. Осень еще богаче сюжетами и красками. В плавно увлекаемых осенними водами опавших листьях художник видит аллгорию на мечты и чаяния человека. Художник ищет соразмерность между неиссякаемыми красками природы и человеком.

Когда он находит эту соразмерность, радуясь, как ребенок, восхищенно восклицает: «Гениально! Прекрасно! Где вы пропадаете, посмотрите на это произведение! Вы только взгляните!..»

* Это звание было присвоено Рузы Чарыеву 15 сентября 1987 года.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ХУДОЖНИКА

ОДИНОЧЕСТВО

Начало января 2004 года...

Несмотря на то, что зал отапливался хорошо, художник лежал на диване, укутав ноги пледом. Тело стыло, но мысль работала четко, ясно. В памяти проносилась вся жизнь. «Почему же так случилось? Когда-то, когда я готов был умереть, Бог не отнял у меня жизнь. Видно, теперь час настал. Но отчего же тогда он не взял мою жизнь?» – думал художник. Рузы помнит, будто все это было вчера, что когда он в первый раз хотел покончить с собой, ему было лет 14 или 15. Тогда его выставили из детского дома, сказав, что по возрасту он не подходит для воспитания в нем. Ему до смерти надоела бездомная жизнь, скитание по улицам, бродяжничество. Решив поехать в Термез, он с трудом пробрался «зайцем» на товарный состав Душанбе – Ташкент.

Ему до боли стало обидно от беспризорной, сиротской жизни. «Лучше умереть, чем жить вот так», – думал он, а когда состав, проехав через Сурхандарьинскую степь, достиг моста Македона, решил броситься вниз. А там на желтом холме что-то собирала маленькая девочка. Он постеснялся сделать это на ее глазах. Позже, когда пошли то кручи, то равнины, он, крепко зажмурив глаза, прыгнул с поезда.

Несмотря на то, что состав мчался с большой скоростью, он упал на большой саксаул и отделался лишь ссадинами да царапинами. «Видно, Бог любит тебя. Надо же, даже переломов никаких нет», – сказал тогда пастух, пасший невдалеке свое стадо. Во второй раз он совершил попытку самоубийства, уже будучи взрослым, разумным юношей, когда учился в институте в Ленинграде. Он голодал: вот уже три недели у него во рту не было маковой росинки. Надеясь найти хоть одного покупателя на свои рисунки, вышел на улицу. День прошел бесплодно. С посиневшими губами он стоял на мосту над Невой, тоскливо глядя на воду. «Довольно мыкаться, иди ко мне», – словно звала река. И вот он осторожно положил в сторонку большую папку с рисунками, уже перегнувшись через парапет, готовый кинуться в воду, как вдруг чьи-то сильные руки крепко схватили его за плечи. «Не глупи! Бог любит тебя», – сказал кто-то. Это был его одноклассник Ахмад с факультета

ваятелей (скульптурного факультета). Тогда он убедился, что Бог действительно любит его.

Спустя много лет, в 1986 году, у Рузы была депрессия, он собирался свести счеты с жизнью и даже написал завещание.

На первый взгляд казалось, у него в жизни все в полном порядке. Достаток, почет, успехи в творчестве... Чего еще желать человеку, пережившему голод, бродяжничество и достигшему полного благополучия? Но на душе было беспокойно, мир выглядел в самом мрачном свете... Что же явилось причиной подобной депрессии? Возможно, боль в душе – следствие пережитых прежде невзгод? Но было ясно одно: Бог и в самом деле благоволил к нему. Именно в это время к нему из Сурхандарьи приехал один знакомый и увез его. И Рузы, ощутив прилив сил и радость жизни, позабыл о своем намерении.

Спустя годы он давал интервью репортеру УзТАГа Юрию Кружину, которое очень понравилось публике:

«Слово «вернисаж» происходит от французского слова «лакировка». Раньше вернисажем называли день, когда покрывают картины лаком перед открытием выставки. А теперь так называют само ее открытие.

Слово «дилетант» означает любителя – человека, выносящего суждение или занимающегося искусством, наукой без специальной подготовки.

Дилетанты – ведь это мы с вами, читатели – масса людей, не имеющих специальной подготовки. Это для таких, как мы, создают свои произведения и художник, и композитор, и поэт. Разве может подлинный творец жить без уверенности в том, что его труды поняты и оценены народом? Только кажется, что более всего дорожит он мнением критиков, а творит исключительно ради самовыражения. На самом деле он выполняет наш с вами социальный заказ, порой даже не осознавая этого. Вот такая диалектика.

О недавней выставке работ Рузы Чарыева было немало написано. Этот, на мой взгляд, интереснейший художник представил на наш суд сотни полотен, но эти картины, как знают многие, – лишь небольшая часть созданного им.

Чтобы описать их, надо владеть пером так, как он кистью, но мало кому это под силу...

Что сказать о картинах Чарыева? На них хочется смотреть. Родная Сурхандарья, ее горы и степи подарили ему темперамент и чистоту, широту взгляда и яркость красок. Кисть добрая и смелая перенесла на полотно грубые лица и руки дехкан: десятки мужчин и женщин глядят вам в глаза с этих холстов, откровенно позируя – стоя в неловких, напряженных позах, усевшись на глинобитной супе или коврике, держа ребенка на руках или поднимая пиалу с чаем.

Художник не старался, как это делают иные, «запечатлеть» и «отобразить» трудовые моменты, «схватить» людей, так сказать, в созидательном процессе. Впечатление такое, что ему не важно, чем занят в данный момент герой: неподвижно сидит на радость портретисту, укачивает малыша или даже чай пьет. Что бы герой ни делал, художник словно вглядывается не в лицо ему, а прямо в душу, и эту прекрасную, честную, рабочую душу умеет перенести на полотно.

Человек в цветастом домашнем халате: он стар, смуглое лицо словно вырублено из камня, сидит за столом, подняв голову, — портрет ветерана-чекиста. Вот широко раскрытые глаза археолога: далеко-далеко, за вашу спину, вглядывается — в какие века? — эта женщина, ученый с мировым именем, прославленный академик, нобелевский лауреат. Врач, офицер при всех регалиях — вроде и не модно сейчас так старательно выписывать мундиры да медали, вроде и в натурализме обвинить могут, но художник и эту работу выставляет, как бы говоря: я увидел этого человека таким. Поразителен один натюрморт: дастархан с лепешками и ломтями дыни, разложенными по четырем углам полотна в строжайшем симметричном порядке. Что увидит в этом дилетант? Наверно, вот что: как ни располагай эти предметы, какие цвета и светоэффекты ни изобретай, а перед нами — плоды труда человеческого. Хлеб, испеченный руками матерей, дыня, возвращенная в пустыне руками отцов — они сами за себя говорят: все то, чего коснется человек, озарено его живою душой.

Нежность, добро, искреннее восхищение красотой человеческого тела и души, целомудрие и чистота глядят на нас с картин Чарыева. Только одна картина — так увиделось мне — исполнена сдержанного, пружиню сжатого гнева. Это безымянный «Портрет искусствоведа». Опершись полусогнутыми кистями о стол, стоит и смотрит перед собой, видимо, открывая какое-то заседание, рослый хмурый человек. За его спиной, на стене, — «Черный квадрат», на шумевшая 70 лет назад работа супрематиста Казимира Малевича. Сейчас искусствовед начнет говорить, и мы знаем, что он скажет. Перед нами человек, которому в искусстве все ясно раз и навсегда. В пространстве кар-

тины пасмурно, тона черно-серые. Здесь вообще не место прозрачности, простору...

– Поговорим об этой картине? – спросил я Чарыева.

– Зачем? Я все сказал на полотне. И на других полотнах. Я искал и ищу свой стиль, свое слово в живописи десятки лет, и всегда буду искать. Поиск стиля – это и есть жизнь. Есть люди, которые этого не понимают... Но ведь на полотне сказано подробнее... Смотри – и увидишь...

– Ты не обижен судьбой, – продолжал я. – Известен зрителю и ценим коллегами. Заслуженный художник республики, один из заместителей председателя правления творческого Союза, причем ответственный за работу с молодежью. Мы знакомы уже лет двадцать, и я замечаю, что молодежь охотно слушает твои советы. А что бы ты мог ей сказать, например, на такую тему: труд и талант, их место в жизни человека искусства?

– Строгость! – воскликнул он в своей обычной манере – начать вроде издалека, но сразу ухватить самую суть. – Беспощадность к себе – без этого нет художнику жизни. Талант есть, беспощадности нет – художник не состоялся. Люди искусства равны перед судом народа, с титулами или без. Молодому художнику, скульптору, поэту я посоветовал бы: не делай себе скидок и не жди скидок от других. Ни на молодость, ни на что другое. Работать, не жалея себя, – в искусстве это все.

– А что же тогда талант?

– Я сказал бы, что это – умение судить самого себя строже, чем кто угодно другой. Радостно, что такие люди есть и сейчас среди молодых художников Узбекистана. Не так давно мы отбирали работы на всесоюзную выставку «Молодость страны», которая состоится в Москве. И что же? По общему мнению, в изобразительном искусстве республики появилось сразу несколько многообещающих имен.

– А раньше такие открытия бывали?

– Конечно. Ведь не на пустом месте вырастают молодые таланты. Но будем откровенны: в 60-е годы, когда считались молодыми я и мои ровесники, попасть не то что на всесоюзную – на республиканскую выставку было для нас проблемой... А тут – художники с периферии – многим вообще не доводилось показывать свои картины в крупных экспозициях – выставляют их в Москве! Право, это примечательное событие.

– Чем примечательное?

– Мне думается, это один из результатов усилий, прилагаемых нашим Союзом с творческой молодежью. Заметный вклад в это дело вносит, например, объединение молодых художников, созданное при Союзе. Тут и активный обмен мнениями и творческими планами, многочисленные обсуждения и дискуссии вокруг новых работ, развитие наставничества – все это бесследно не проходит. И особенно радостно,

что «новые имена» моложе тех, кого еще недавно, примерно год назад, мы приветствовали как участников Ташкентской всесоюзной выставки творчества молодых. Они моложе, чем Умарбеков, Абдурашидов, Абдуллаев, Садыков, Мирзаев, Кагаров, Джалалов, Юнусов, Назаров, Маматова, Турсунназаров, Тохтаев, Джаббаров и их сверстники.

В полный голос заявили о себе, к примеру, художники Самарканда: Исаев, Усенов, Темиров. Они воспели свой край убедительно, здоровым и чистым языком. Ферганцы Нуриддинов, Алибеков, Гладюк, Алиев, Чурлу порадовали поиском стиля, разнообразием творческих манер. Что ж, они снова доказали: поиск стиля есть тоже жизнь, которая должна быть отражена на полотнах.

– Что эти ребята переняли у вас – старших? Или...

– Насчет «или» позже. А что переняли? Наверное, мои ровесники уже становятся частью той почвы, на которой вырастают и названные выше таланты семидесятых годов, и юная смена восьмидесятых. Все мы уже можем с гордостью назвать хоть одного ученика, а многие – и больше. Среди своих наставников художники семидесятых числят таких мастеров, как Бурмакин, Перов, Токмин, Талдыкин, Мельников, Бабаев... Все это живописцы, чье творчество отмечено яркой печатью индивидуальности, большим талантом, своеобразным стилем.

– Но как можно в живописи учиться у мастера? Рисовать «под Чарыева», «под Бурмакина»?..

– Ни в коем случае! Быть учеником – это значит, в первую очередь, *не копировать учителя, не подражать ему*, а перенимать у него *умение смотреть на жизнь собственными глазами*. Леонардо да Винчи так и говорил... минутку... вот: «Живописец, который подражает другому, как бы велик ни был тот последний, перестает быть сыном природы, а превращается в ее внука».

Начинаешь путь в искусстве – найди свою собственную творческую правду, свое собственное место. Нет для этого другого пути, кроме изучения жизни, глубокого проникновения в нее, тесной связи с современностью.

– Твой «искусствовед» на безымянном портрете, наверно, говорит своим слушателям те же слова...

– Но разве вникает в их смысл? Разве понимает, как глубоко было бы объявить «единственно законным» тот или иной стиль, ту или иную манеру, а все остальное отвергнуть?

Наша жизнь богата, в ней каждый найдет себе и стиль, и манеру, и тон по своей душе, по своему таланту и вкусу. Но это главное – по своему, а не чужому, взятому «взаимы без отдачи» у кого-то из признанных мастеров ...

Что никакое искусство невозможно без связи с жизнью – это доказано вековым опытом художников всех стран. Каждое время оставило нам свое понимание жизни. Наше время тоже. Видеть правду жизни

для художника – значит верно понимать направление ее решения, не отступать от благородной правды наших идеалов. Видеть в человеке и в мире главное – красоту трудовой души, уверенность и оптимизм, видеть высшую радость коллективизма и братства. Мне кажется, художник должен стремиться «переплавить» этот яркий, чудесный мир в своей душе и создать из такого сплава свой мир в искусстве.

– Ты сказал – «должен стремиться»...

– А надо было бы сказать – должен сделать своей потребностью. У каждого из нас должно быть что-то любимое в жизни, только тогда возможны удачные произведения. Нет потребности что-то любить и ненавидеть – художник не состоялся. Мы вспоминали о титулах, известности. Пусть так. Но тот, кто живет жаждой славы или заработка, кто из-за личных интересов не умеет или не хочет отстаивать свой творческий взгляд, кто пытается приспособиться к «модной манере» ради быстрого успеха – тот, собственно говоря, не настоящий художник. У литераторов, актера, режиссера, музыканта – да у всех деятелей культуры – должна быть четко выраженная жизненная позиция, которую они воплощают в своем творчестве. Они должны бороться за идеи, которым служат талантом, и только в такой борьбе смогут выразить себя.

– Тогда поясни мне, дилетанту, одну вещь. На выставках в последние годы встречаешь порой странные картины. Например, способный живописец из нашей республики выставил работу «Профессия – репортер». Шуму она наделала немало. Ты, конечно, тоже знаешь ее.

– Знаю.

– Посреди выжженной солнцем пустыни стоит, обвешанный камерами, довольно известный в Ташкенте фотокорреспондент. Рядом воткнут в землю знак, вроде автодорожного: перечеркнутый фотоаппарат в треугольнике. Это можно истолковать так: «Фотографировать запрещается». А над головой репортера витает в небесах распятый на кресте Иисус Христос, скопированный с картины Сальвадора Дали – испано-американского мэтра со скандальной славой.

Что имел в виду автор этой картины, «втыкая» рядом с репортером знак «фотографировать запрещается»? На что он намекает осеняющим ташкентского журналиста Иисусом, позаимствованным с чужого полотна? И вообще, насколько допустимы подобные «цитаты без ссылок»? В журналистике и в литературе они имеют определенное название.

Другой автор без колебаний помещает на колхозное поле «красную девицу» с картины художника XVIII века. Третий перерисовывает одну из женщин Модильяни, ставит рядом букетик цветов и, правда, называет картину «Памяти Модильяни», но почему бы не назвать ее «Копия Модильяни»? Не честнее ли будет?

– Что ж, вопрос непростой, прямо скажем. Приводя слова великого Леонардо о «внуках природы», я с горечью думал о замелькавшем в последнее время в печати словечке – репродукционизм. Следы явления, обозначаемого этим термином, видишь, к сожалению, и в творчестве некоторых художников Узбекистана. И правильно было бы предостеречь молодежь от этой опасности.

Речь идет о попытках некоторых, даже зрелых уже живописцев, пойти по легкой дороге потребительства в искусстве, по пути не то чтобы слепого, бездумного, а наоборот, вызывающе откровенного копирования стилей и манер, а нередко и механического перетаскивания на свои полотна приемов, этюдов и даже целых «кусков» из той или иной картины.

В результате автор, претендующий на ультрасовременность, на деле оказывается плетущимся в хвосте, повторяющим азбуку того же, допустим, Сальвадора Дали... И появляются картины, место которым не в музее или выставочном зале, а (как совершенно правильно пишет искусствовед М. Митурич в журнале «Творчество» за ноябрь прошлого года) в паноптикуме – собрании замысловатых диковин... В результате способный художник, порадовавший зрителей талантливым, ярким произведением, вдруг перестает заботиться о своем творческом росте и начинает «доить» раз найденный прием, думая уже не столько о творчестве, сколько о продолжении шумного успеха... Это – авторепродукционизм, повторение самого себя. Говоря честно, это начало творческого бесплодия.

Бойтесь копирования: оно – прямая противоположность жизненной правде, а значит, враг таланта, враг творчества. Даже когда художник попытался «втащить» в свое произведение элементы подлинного реализма (но созданные кем-то другим до него), он уже погрешил против истины и труда, то есть солгал. А где ложь, там нет искусства.

Я много говорю об этом? Да. Потому что репродукционизм особенно опасен для молодежи. Не каждому под силу отличить настоящий успех от мнимого, не каждому под силу предпочесть, вопреки пословице, журавля в небе синице в руках...

Не ищите пищу вдохновению на книжных полках, в альбомах, в фотографиях, подсунутых услужливыми людьми. Есть все возможности идти другой, единственно верной, честной и обещающей победу дорогой.

– Мы часто произносим в этой беседе слово «жизнь». Изучать жизнь. Идти от жизни... Правильно ли я понимаю, что молодой художник, помимо всего прочего, должен еще и просто-напросто иметь возможность много видеть, много ездить, уметь вглядываться в мир? Если да – помогают ли в этом молодежи?

– Помогают. Вот хотя бы такая «акция» нашего Союза. Минувшим летом специально для молодых художников был организован

ряд групповых и индивидуальных поездок по республике. Увидеть горы и степь, речные долины и возделанные поля, восходы и закаты; увидеть сотни людей разных профессий, поговорить с ними, узнать, чем они живут, что их волнует; увидеть плоды человеческого труда, увидеть людей в радости и горе... С этого начинается картина. Всякая. Может, на ней не будет увиденного именно в данной поездке. Но творческая отдача – я уверен – не заставит себя ждать. Мы будем выступать за то, чтобы такие путешествия вошли в традицию. Думаю, так и случится.

– Путешествия... Все знают, что твой любимый маршрут – в горы Сурхандарьи...

– В Байсунские горы. На свете нет ничего красивее.

– Верю, потому что видел Байсун не только в натуре, но и на твоих картинах. Да, для тебя милее этого края нет. Не потому ли именно там, в Байсуне, возникла твоя картинная галерея?

– Моя? Ничего подобного. Верно, я подарил дорогому мне Байсуну ряд своих работ...

– Сколько, если точнее?

– Около ста. Но разве только я один? В Байсуне, в специально отведенном помещении (а будет, как уже решено, построен для этого новый дом), 23 февраля 1973 года открылся государственный музей. Но ведь сюда прислали, привезли, принесли свои произведения еще многие живописцы: Джалалов, Тахиров, Мирсагатов, Акудин, Насыров, Паршин – мне даже трудно всех назвать! Здесь уже формируется интереснейшая коллекция народно-прикладного искусства. И все, кто принял участие в рождении нового музея в горном кишлаке, – все мы гордимся, что внесли вклад в это дело.

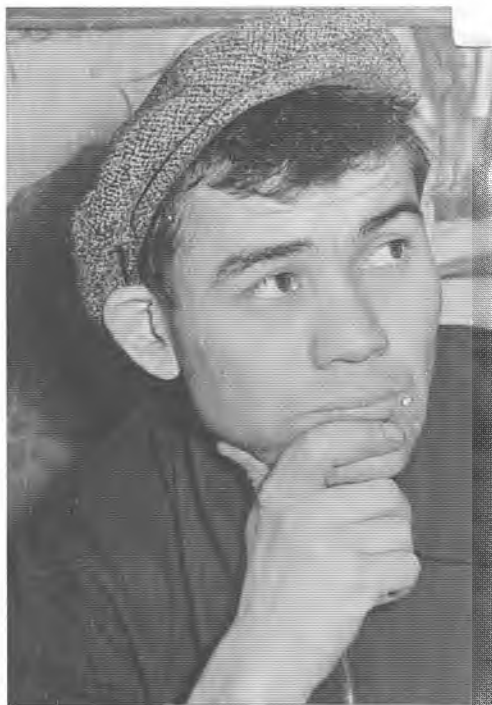
– Будем откровенны. Картина – не просто произведение искусства, в нее немалый труд вложен, она ведь имеет цену, и порой немалую. Сто картин... И еще около сотни – молодому музею на шерабадской целине... Картина «Освобожденная земля», отмеченная 15 лет назад государственной премией, – она ведь тоже там, в музее?

– Да.

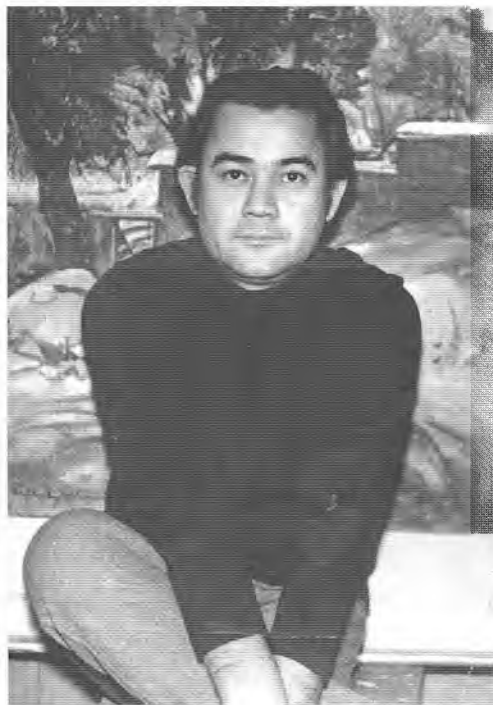
– Так вот, как ты объяснишь поступки коллег твоих, замечательный дар Уфимцева городу Ангрену – множество великолепных картин большого мастера? Что движет человеком, предлагающим городу, селу, людям такой дар?

– Земля кормит художника. Земля и люди дают ему хлеб и вдохновение. Как отблагодарить за это? Жизни не хватит.

А потом, смотри... Люди кишлака Пашкурт, люди, которых я рисовал, – они и сейчас там живут, работают. Я очень хотел, чтоб они видели себя на моих картинах. Чтобы знали, зачем я езжу к ним, какими вижу их. Часть работ, сделанных там, сейчас тут, в Ташкенте,

Студенческие годы. 1958 г.

В раздумье о родном крае

1950 г.

Автографа не жалко!

Автографа не жалко!

На VI съезде художников. 1983 г.

На открытии выставки сурхандарьинских художников в Ташкенте.
1982 г.

Зимний этюд

Открытие персональной выставки художника. 1981 г.

В кругу друзей

Встреча с художником Ч. Ахмаровым

Художник с братом Очилем (слева) и друзьями

День открытия персональной выставки художника. 1981 г.

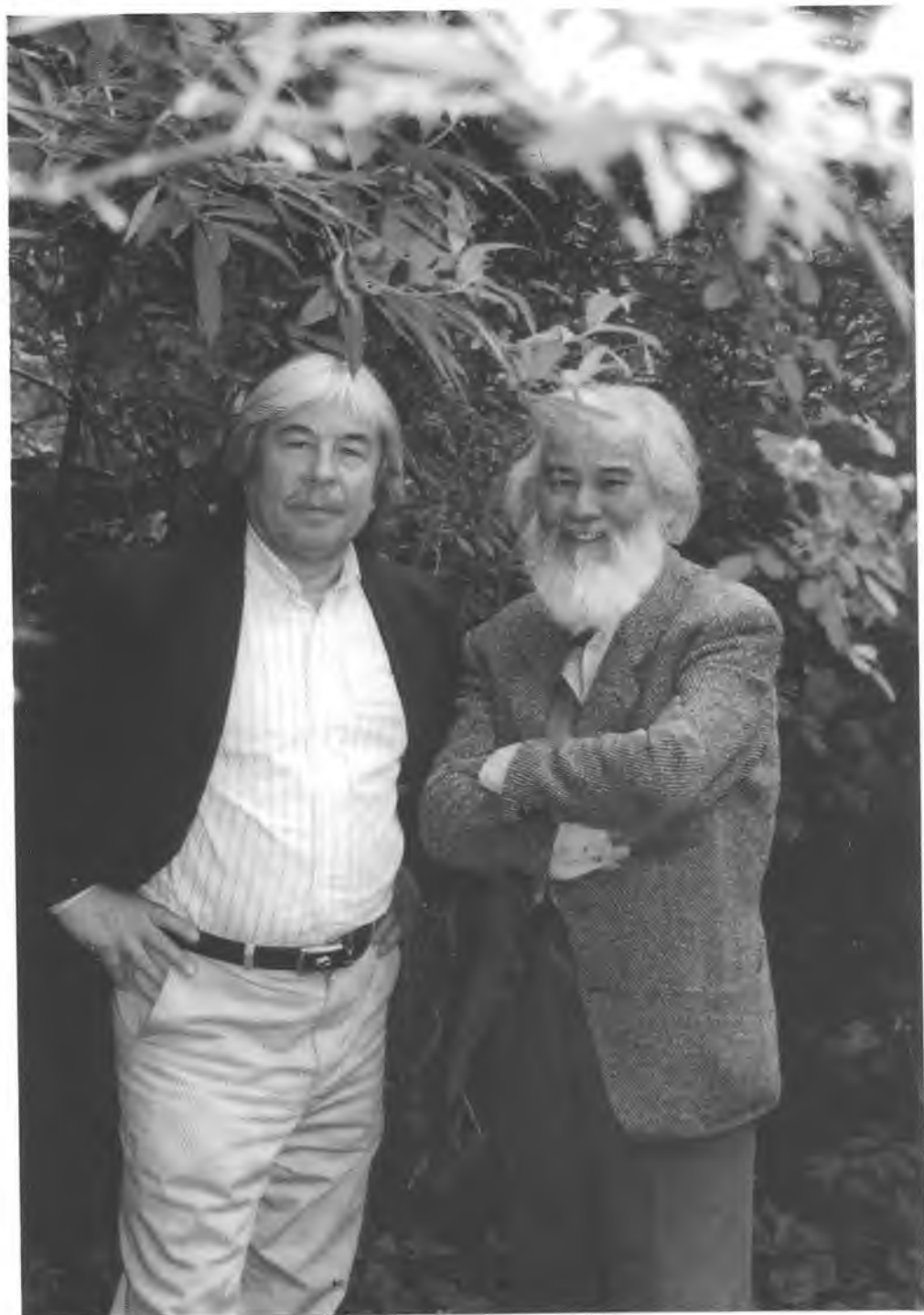
С пашхурдцами. 1986 г.

В селе Хужанко Шерабадского района Сурхандарьинской области

Р.Чарыев в окружении друзей

Жавлон Умарбеков и Рузы-ака. 2006 г.

Автопортрет с женой Мариной. Х., м.

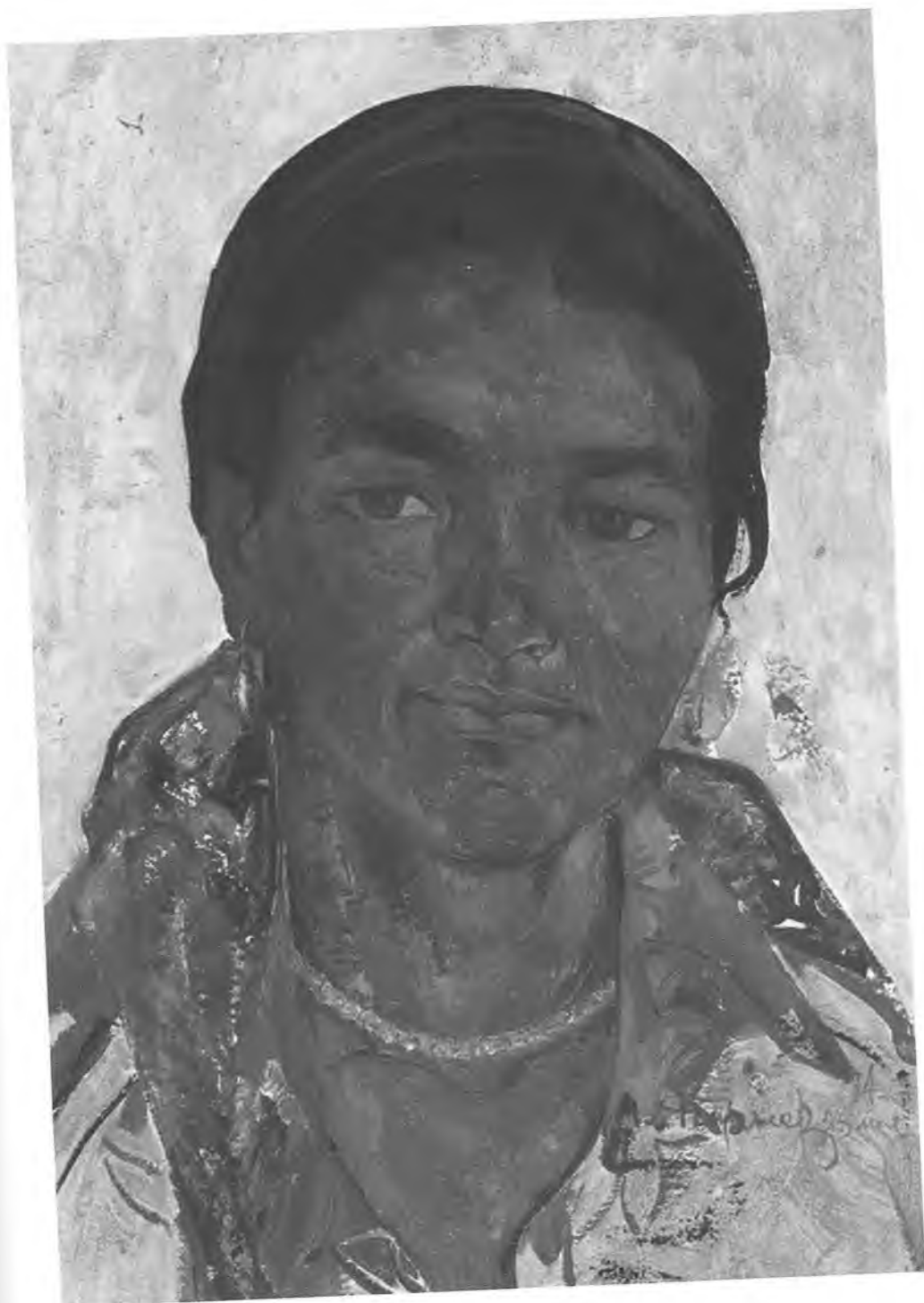
Ахмат. 1964 г. X., м.

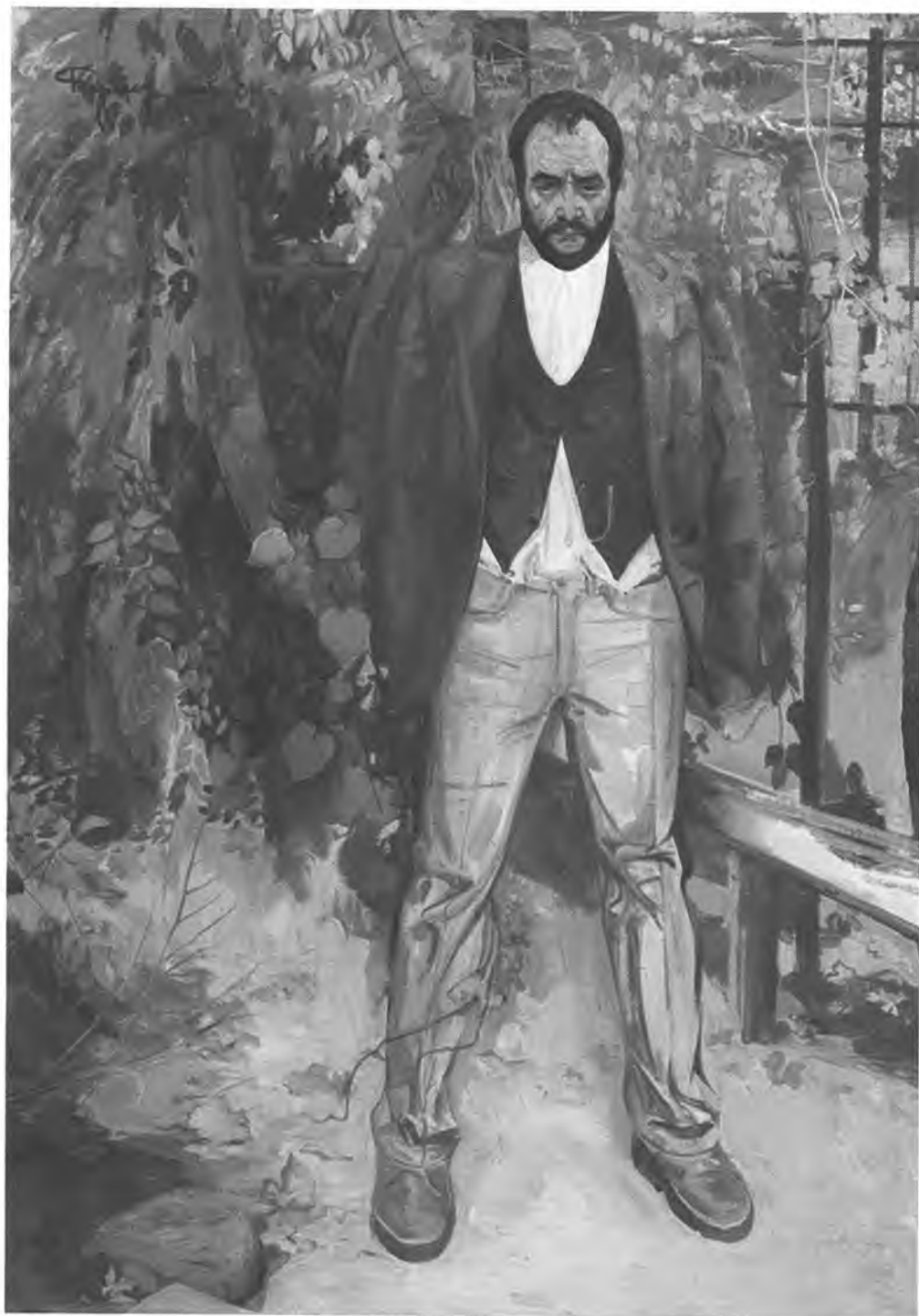
Портрет Имон-бобо. X., м.

Вандоб. 1966 г. X., м.

Портрет девушки. X., м.

Портрет Шавката Абдусалаямова. Х., м.

Портрет Батыра Закирова. 1967. Х., м.

Портрет молодой женщины. 1979 г. Х., м.

Сюзане. 1967 г. Х., м.

Подруги. 1979 г. Х., м.

Невеста. 1968 г. Х., м.

Портрет Р. Токтоша. Х., м.

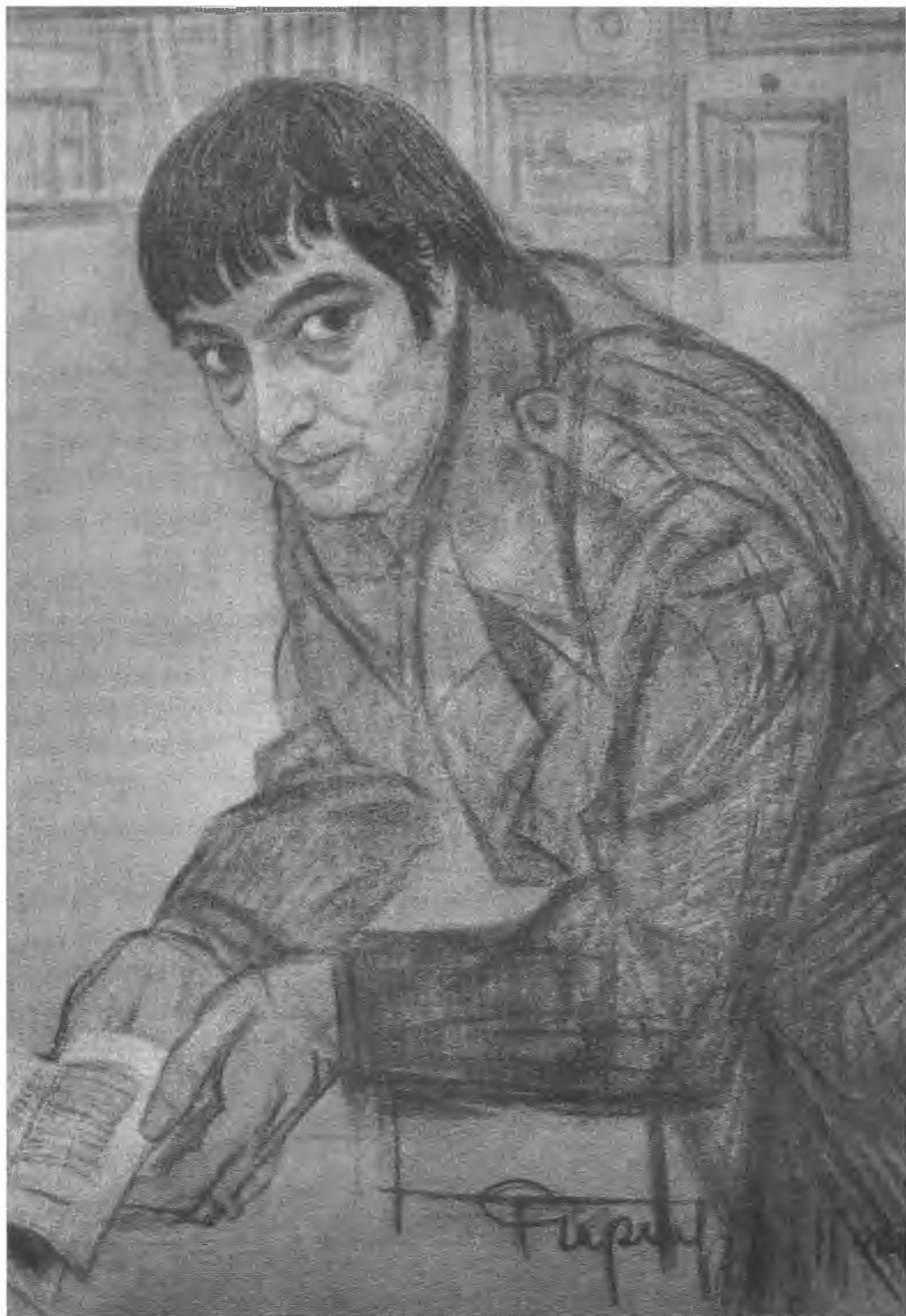
Пашхурдская девочка. 1972 г. Х., м.

Кумкурганские яблоки. Х., м.

Портрет женщины. 1976 г. Х., м.

Портрет Нодира Норматова. 1977 г. Х., м.

Сурхандарьинская мадонна. X., м.

Портрет старика из Сайроба. 1979 г. Х., м.

Портрет керамиста Хакбердыева. 1986 г. Х., м.

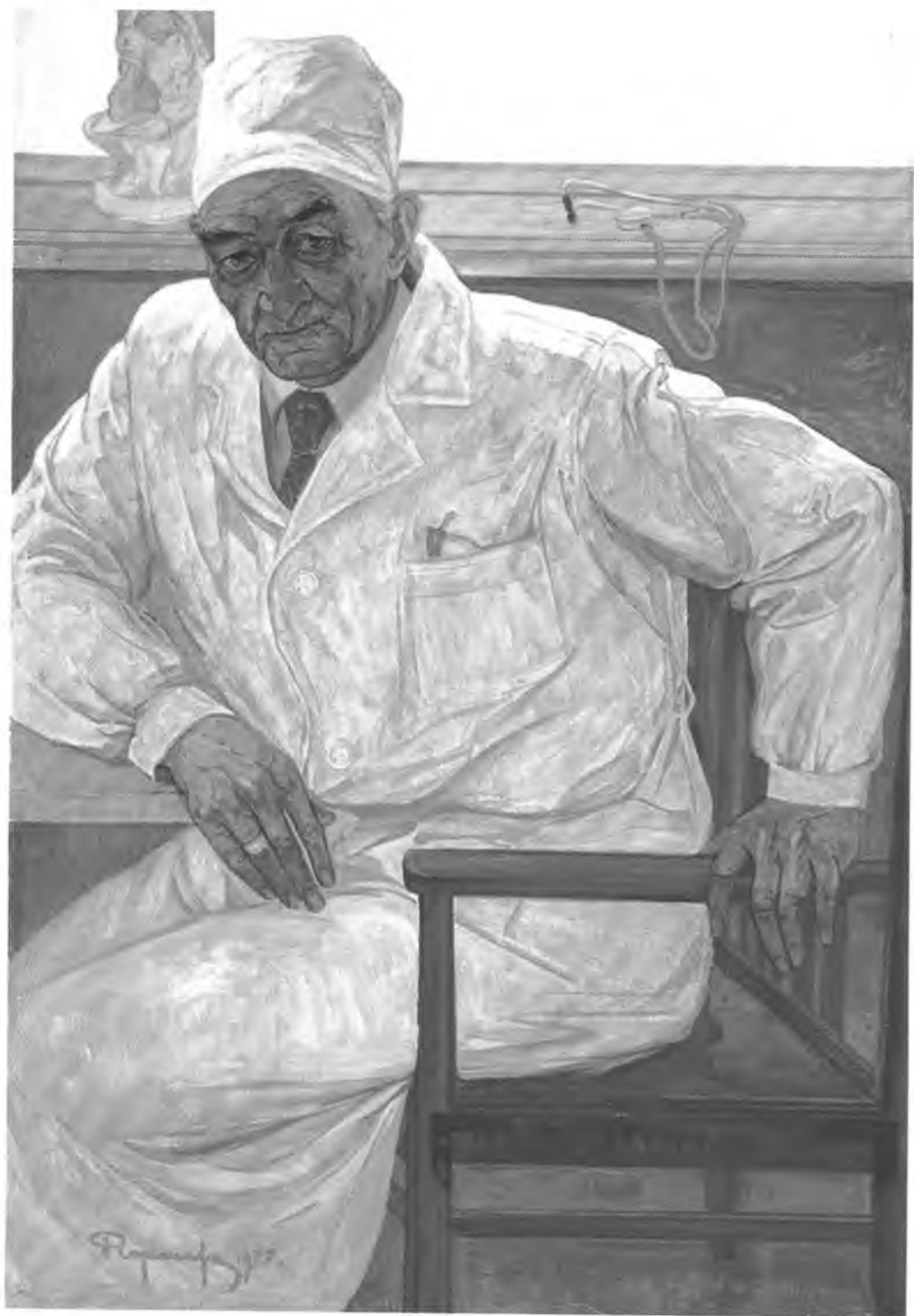
Портрет Гульсары. Х., м.

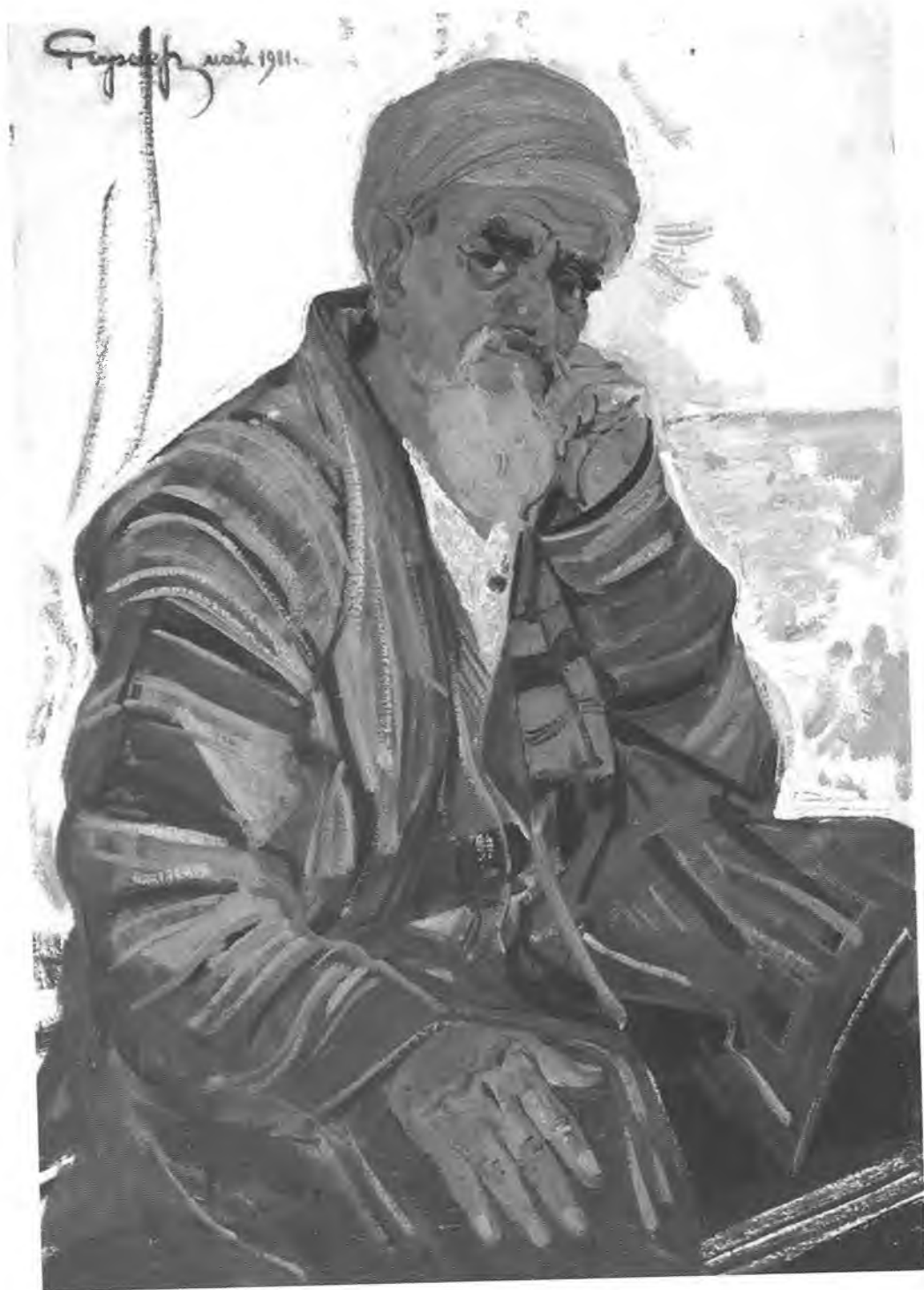
Портрет народного артиста Алима Ходжаева. Х., м.

Портрет Хонойим. Х., м.

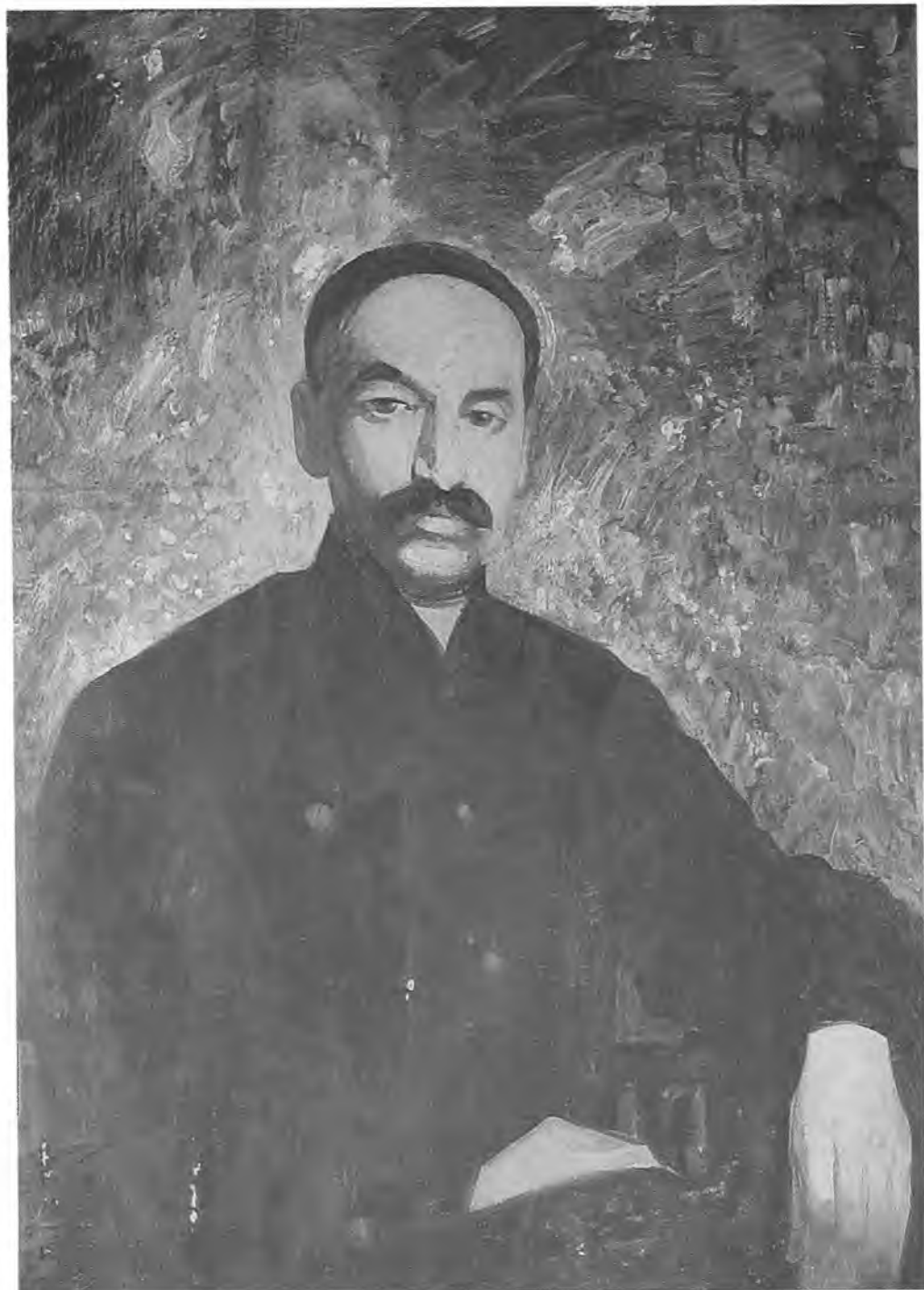
Портрет врача Я. Махмудова. Х., м.

Портрет старика. 1987 г. Х., м.

Портрет Амира Темура. 1990 г. Х., м.

Портрет Фитрата. 1996 г. Х., м.

Портрет Юлдуз. Х., м.

на выставке. Но настоящее их место – в Шерабадском районе. Я в этом уверен. И знаю, что похожие чувства движут и другими, кого мы вспомнили и не вспомнили тут. Добро рождает добро. Наша земля, наша жизнь добры к нам, они дарят нам главное: возможность и потребность творить. Вот отчего люди искусства перед народом в неплатном долгу...

– Что же, спасибо за беседу. Как мы подведем ее итог?

– Мне бы хотелось напомнить еще раз молодым, тем, кто вступает на путь служения искусству: нам, их предшественникам, было труднее. Даже в чисто бытовом смысле, что тоже немаловажно. Не говоря уже о всяких практических проблемах, которые теперь решаются куда лучше прежнего – посмотрите, какие отрадные перемены происходят в творческой жизни. Если говорить о нас, художниках, то больше стало выставочных помещений и выставок, больше обсуждений и дискуссий, больше доброжелательности к начинающим авторам; не потому ли и больше новых имен? Формы работы с творческой молодежью будут множиться, развиваться и дальше, наша общая цель – поддержать талант, помочь ему проявить себя.

А раз так – будь на уровне времени, отвечай на веяние времени. В искусстве не должен прекращаться поиск новых форм, без этого нет искусства. Но найти *новое*, найти *свое* возможно только *в живой жизни*. Бездонно можно черпать из жизни. Она щедра к тому, кто живет собственным трудом. И больше ни к кому другому.»

Судьба его похожа на судьбу многих подростков военных лет. Он и беду знал – горькие годы сиротства и беспризорщины, – и голод знал. Однажды признался, как его мучила совесть, когда украл на термезском базаре кусок хлеба, потому что хотел есть.

На его пути было много честных, добрых и чистых людей – в этом типичность судьбы. Не дали пропасть, приохотили к учебе и труду, разглядели незаурядный талант. Кишлачный мальчишка из Сурхандарьи прошел курс наук в Академии художеств в Ленинграде, объездил множество стран и создал на своем творческом веку, я бы сказал, невероятное количество картин.

Чтобы провести вернисаж, то есть торжественное открытие его юбилейной выставки, в экспозиционном зале Союза художников Узбекистана пришлось погасить свет, иначе публика не хотела отходить от полотен. Я сам это видел. И тоже отправился на вернисаж только после щелчка выключателя.»

«Молодежь Узбекистана», № 23, 3 февраля 1982 года

ДНИ, ПРОВЕДЕННЫЕ В ХОДЖИКЕНТЕ

Он шел по извилистой, словно змеиный след, тропе, и ему хотелось кричать во весь голос или пуститься бегом. Его очаровывало здесь все: таинственность окружающей природы, высокие горы, аромат цветущих на высоких холмах цветов, игривое течение ручейков, выбивающихся из-под пещер и расщелин скал. Места эти резко отличались от пейзажей Средней России или лесов Сестрорецка, где он бывал в годы учебы в Ленинграде. Здесь было все иначе – цвета богаче и ярче. Но писать он пока не торопился. Надо сначала найти место, где остановиться, а затем уже можно приступать к работе.

По пути из Чирчика, Газалкента Рузы сделал много карандашных набросков... Вот этот парень довольно часто посматривал на него. Лицо у него выразительное, можно сделать набросок. Подойдя к большому валуну и поставив этюдник, Рузы взглянул на парня. Они вышли из автобуса полчаса назад. Рузы приехал сюда из-за горных пейзажей. Краски Бричмуллы, Хумсана, Ходжикента намного мягче и теплее, чем горные Сурханские, Байсунские, Кухитанские. Солнечных лучей здесь гораздо меньше, а иных мест они и вовсе не достигают. Он заинтересовался здешними местами, увидев их красоту на полотнах Урала Тансыкбаева, Уфимцева.

– Погода портится, – сказал спутник, бросив взгляд на шлепанцы Рузы. – Стоит лишь слегка пойти дождю над Кызыл-Жаром (*Красным обрывом*), как дороги превращаются в глиняную жижу, – сказал юноша и добавил: – Надо идти быстрее... Прибавим шаг, чтобы успеть до дождя пройти это место, кишлак уже близко...

И в самом деле, не прошло и минуты, как хлынул дождь. Поднялись наверх, увидели внизу деревья, дворики, дома, расположенные вдоль берега. Некоторые дома располагались на склоне холма один над другим, напоминая лестничный подъем.

В Байсунских кишлаках тоже можно увидеть подобную картину, однако там дворы и дома примыкают один к другому, отчего и вовсе похожи на лестницу. Когда они дошли до берега, дождь превратился в настоящий ливень. Там, где река была мельче, через нее были накинаны валуны, прыгая по которым можно было перебраться с одного берега на другой.

Рузы безостановочно делал наброски: горы, глинобитные дома, очаги... Когда наблюдал необычные переливы цветов, не забывал делать в углу листа с карандашным эскизом памятки с названиями красок.

Настоящая радость охватывает все существо. От радости блестят глаза, на душе светлеет, кровь быстрее бежит по жилам, все тело обретает необыкновенную легкость. Самое главное – в мозгу не возникают такие вопросы, как «почему?», «зачем?».

Подобное состояние – дар охватившей тебя радости, которая через пальцы, глаза, губы, через все твое существо проникает в сердце. И тогда ты приходишь в себя, ошеломленный ее светом. И это состояние надолго наполняет тебя силой и наслаждением.

Ласковый горный ветерок радует все существо. И дождь теперь не льет так сильно, как раньше, а так, поморосит немного, освежит приятно воздух и перестает.

Вот и сегодня солнце ненадолго скрылось за облаками, принимающими разные формы, пошел небольшой дождь и быстро прекратился. Теперь облака медленно плыли в сторону гор Курама, которые казались вдали величиной с ладонь, в сторону цветущих яблоневых садов. Рузы рисовал, не отрывая взора от этих дивных пейзажей. Так он, наслаждаясь природой, искал пути к композиционным решениям. К нему подошел старик. Шаги его были легки и быстры.

– Вот там в горах есть много видов лечебных трав, – сказал он с гордостью.

Рузы взглянул в указанную стариком сторону и долго любовался буйно расцветшими на поле, хорошо видимом через невысокую ограду, цветами и травами. Белые, розовые, чернильного цвета, сиреневые, они радовали глаз, прогоняя усталость.

Художник заметил старушку, которая суетилась у очага, и, мысленно пожелав долгих лет жизни этим милым старикам, столь долгое время прожившим вместе, стал набрасывать эскизы их будущих портретов.

В голове теснились разные мысли. Он чувствовал необыкновенный прилив сил и бодрости. К нему будто возвратился дивный аромат детства. Вновь захотелось, как когда-то в Термезе, жарким летним днем босиком пройтись по нагретой солнечными лучами земле, ранней весной, вспахав землю, посеять пшеницу, когда же созреют, зашелестят колосья, взять в руки косу, идти на покос, осенью очистить арыки, от которых несет чем-то прелым и кислым, работать по хозяйству, а зимой, когда тело стынет от холода, пустить в сад воду.

Так было, когда однажды, учась на курсах механизаторов, он целый год прожил в доме одного дехканина. Но теперь у него другая жизнь – городская, а там нет нужды в этих работах. Как бы непригляден ни был вот этот глинобитный трехкомнатный домик, он мил тем, что от стен его приятно пахнет землей. Ниша с посудой и другая ниша побольше, где сложены стеганые одеяла, радиоприемник и сюзаны – вот и все убранство, но комната щедро освещена лучами солнца. «Вот что необходимо передать на холсте: солнце и запахи», – подумал художник. Из окна открывался дивный вид, поднимающий настроение. На душе у Рузы было радостно и светло. Он был доволен, что дни его полны смысла и творческого вдохновения.

Рассветает. Вдали виднеются окутанные светло-сиреневым туманом горные вершины. На айване сидит женщина в национальном платье,

кого-то ожидая, ее клонит ко сну, она устала. Рядом лицом вниз спит мальчик. На краю паласа – женские галоши и шлепанцы мальчика. Здесь будто все застыло в вечном ожидании. Рузы подобную картину впервые увидел здесь. А в Сурхандарье он ее назвал «Песня».

МАСТЕРСКАЯ

Рузы с таким упоением рассказывал Марине об Узбекистане, что и сам диву давался, откуда только у него берутся слова.

Когда в 1961 году Рузы приехал в Ташкент, чтобы собрать материал для работ, он взял Марину с собой. Темой дипломной работы было «Крушение Бухарского эмирата».

Для того чтобы осветить эту трагедию, Рузы было необходимо побывать в Бухаре и написать арк (цитадель), замок, пейзажи, людей. Устроившись в недорогой гостинице, он вместе с Мариной каждый день ходил делать наброски то на базар, то к замку, то делал наброски узких улочек Бухары. Он не знал устали.

Диплом Рузы защитил на «отлично». Лишь один из членов комиссии спросил: «Почему Вы изобразили богатеев и чиновников сильными личностями?» На это он ответил: «Они и в самом деле были сильными. Но, несмотря на это, были побеждены, поскольку были слабы морально». Удовлетворившись, видимо, таким ответом, задавший вопрос поддержал его, сказав: «Верно, верно! А в самом деле, отчего так случилось? Почему Бухарский эмират, все ханства сдались России? Потому что были разрознены. Эмират был к тому же подточен изнутри, оказывая резкое сопротивление передовому движению джадидов. В результате – крах...»

Затем Рузы с Мариной поехали в Сурхандарью. Тетушка по матери, которой было за семьдесят, приняла их тепло. Она не протестовала против брака с Мариной, подарила ей национальные наряды. Рузы увлеченно писал портрет тетушки, который потом демонстрировался на многих выставках. Но он не стал продавать его. В 1980 году Нурали Кабул просил у Рузы это полотно. «Нет, эту работу я не могу подарить. Дам только на время», – сказал тогда Рузы.

По окончании института Рузы Чарыеву предложили остаться в Ленинграде. Марина же настаивала: «У тебя есть родина с такой богатой историей! Давай поедem туда».

Приехав в 1965 году в Ташкент, супруги жили в мастерской художника Саши Боцмана с однокурсником Рузы по художественному училищу. В том же году Рузы был принят в Союз художников. Рекомендации дали известный художник Нигмат Кузыбаев и еще несколько собратьев по искусству.

Затем ему выделили мастерскую. Однако в ней, помимо супругов Чарыевых, работали Фахриддин Тахиров, Артыков и еще два художника.

...Художник тяжело вздохнул. Он как будто кого-то нетерпеливо ждал. Правда, и сам не знал, кого. Вот если бы он сейчас оказался в Сурхандарье, а рядом была бы тетушка... Она бы приготовила ему лапшу и заправила ее кислым молоком... Но ведь тетушка умерла... Почему он забыл об этом?..

В мастерской художника висели два графических «экспресс-портрета»: на одном был изображен итальянский художник Ренато Гуттузо, на другом – Рузы Чарыев. Под каждым из портретов – подпись художника. Рузы, заочно знавший Ренато Гуттузо, познакомился с ним лично лишь в 1978 году, когда тот приехал в Узбекистан и побывал в его мастерской. Ознакомившись с работами Рузы, известный художник высказал о них свое мнение. Во время беседы художники беседовали о тайнах изобразительного искусства, спорили.

Во время разговора Ренато внезапно достал фломастер и нарисовал свой любимый цветок – гвоздику. Посмотрев по сторонам и не найдя искомое, он попросил у жены губную помаду, ловко раскрасил лепестки цветка и подарил рисунок. На прощанье он протянул Рузы лист, на котором был портрет Рузы и автограф автора. Рузы в свою очередь подарил Ренато Гуттузо написанный фломастером портрет со своим автографом.

... Художник взглянул на висевшую на стене свою большую работу «Сурхандарья и ее люди». Сердце его болезненно сжалось. «Не удалось закончить», – подумал он и глубоко вздохнул. А в мыслях была незавершенная работа. Захотелось поехать в Сурхандарью.

Но вернувшись домой, отчего-то вспомнил Италию. На стене висел небольшой этюд, написанный им во время поездки в Италию, и стоило ему взглянуть на него, как нахлынули воспоминания. В Италии он побывал несколько раз. Вот этот пейзаж был написан во время последней поездки. Тогда, с 28 января по 8 февраля 1989 года, группа деятелей культуры и искусства Узбекистана совершила поездку по Италии. Среди них на родине Микеланджело был и Рузы Чарыев.

ЗНАКОМАЯ И НЕЗНАКОМАЯ ИТАЛИЯ

“По правде говоря, я и раньше несколько раз бывал за рубежом, в том числе и в Италии. И обычно, вернувшись из поездки, я тут же засучив рукава принимался создавать полотно, дабы не померкли впечатления, полученные мной в тех краях. И вот пришло время, когда мне захотелось поведать вам об увиденном в этой относительно горной

стране, то есть в Италии. Рассказ мой является как бы своеобразным отчетом перед почитателями моего творчества.

28 января на самолете «Ту-154» мы вылетели из Москвы в Рим. Лишь ненадолго была сделана посадка в Берлине. И вот наш самолет приземлился в аэропорту имени Леонардо да Винчи в Риме. Каждый художник хотя бы раз в жизни должен побывать в Риме, который является Меккой и Мединой изобразительного искусства!

Вечный город Рим – это обитель мирового искусства. Вот пишу я это, а перед мысленным взором проходят дни августа и сентября 1966 года. Даже лучшего друга едва узнаешь, коли встретишь 23 года спустя. А что уж говорить о целой стране? Прошла четверть века с тех пор, как я впервые поклонился древнему Риму, его Колизею, Помпее, Форуму.

На взгляд художника, Италия и Узбекистан во многом похожи. Калабрия напомнила мне Бостанлык, Тоскана – Сурхан, Кампания – Кашкадарью.

Во время Второй мировой войны наши солдаты, объединившись с итальянским Движением сопротивления, участвовали в освобождении Италии от фашистов. Мне показали газету, в которой рассказывалось о героизме узбекского воина Ахмаджона Мамаджонова.

Рим был основан в VIII веке до нашей эры, расположен он на нескольких холмах. Посреди города течет река Тибр, разделившая его на равные части. Город этот считается самой древней колыбелью культуры человечества.

Памятники зодчества этого города – Колизей, Форум, Капитолий, Пантеон, Акрополь, десятки соборов и храмов вот уже много веков очаровывают и удивляют людей величием и красотой.

Ежегодно со всех концов света приезжает сюда более 12 миллионов туристов. Город дарит людям небывалое эстетическое наслаждение. В Риме на каждом шагу можно увидеть величественные здания или руины. Вот прославленный Форум с каменными колоннами, находящийся рядом с соттопаджо (подземный переход). Полное его название Форум-Романум. Форум в Древнем Риме был площадью, рынком, затем – центром политической жизни. Уже в VI веке до н. э. он превратился в совершенный архитектурный ансамбль. И в нынешнее время Форум является местом общественных собраний.

А Колизей! Увидев его, вы убедитесь, что он, подобно Хиве, Шердору, Тадж Махалу, Минораи Калону, останется произведением искусства на все времена. В прошлую поездку в Италию я видел Колизей ночью. В моей памяти этот исторический памятник сохранился пустым, холодным, молчаливым и сумрачным. Я вспомнил, как кинул, согласно обычаю, монету в Колизей (чтобы снова вернуться в эти места). «Колизей» в переводе с латинского означает «величественный», «громадный».

Колизей, являющийся образцом зодчества Древнего Рима, вмещал 50 тысяч человек. Там ставились трагедии Софокла и Еврипида, а также проводились гладиаторские бои и другие зрелища.

Мне будто послышались лязг оружия гладиаторов, одетых с головы до ног в кольчуги, и возбужденные дикие крики зрителей. Я работал кистью, не прерываясь ни на миг. «Колизей и дети», «Колизей и женщина», «Колизей и испанский турист», «Возле Колизея», «Колизей в полдень». Но Колизей тяжело ранен. Увы!

От приговора времени не знают пощады даже камни. Мои итальянские друзья пытались утешить меня, говоря: «Мы лечим Колизей с большой любовью. Если погибнет Колизей, погибнет и Рим. Успокойтесь, маэстро, Колизей будет жить еще очень долго».

Мы прибыли в Ватикан. Самым многолюдным местом паломничества считается именно Ватикан, центр мировой католической веры. Это и самое маленькое государство мира. В Ватикане обитает Папа Римский. Ватикан особо известен собором Святого Петра. Внимание мое было поглощено росписями на религиозные темы на стенах и потолке храма. Недаром собор Святого Петра именуется восьмым чудом света. Гениальный мастер кисти Рафаэль написал для собора в жанре станковой живописи чудеснейшие портреты, создал свою прославленную картину «Сикстинская Мадонна». Оригинал картины ныне хранится в Дрезденском музее.

«Если предположить, что земля держится на бычьих рогах, – сказал как-то мой земляк Абдулла Арипов, – окажется, что один его рог упирается в Самарканд, а второй – в Рим». До чего же точна эта аллегория! Итальянцы оказались такими же гостеприимными, искренними, горячими, приветливыми людьми с открытой душой, как и мы, узбеки. Они очень любят музыку. А как музыкален их язык! Простые люди поют на улицах, у себя дома, в кругу друзей. «Если музыка их так великолепна, каково же их изобразительное искусство?» – возможно, спросите вы.

В Италии я вспомнил своих великих живописцев – Бехзода, Махмуда Музаххиба, настенные росписи Балалык-тепе и Пенджикента. Ох, если бы и мы, подобно итальянцам, умели так любить свое наследие!

...На улицах Рима я написал около двадцати картин, набросков и эскизов. Когда солнце уже опускалось за горы, окрасив багрянцем их вершины, я отправился в гостиницу. Памятник Юлию Цезарю, стоявший около Форума, словно молча провожал меня. Назавтра я должен был отправиться в Амантею – гордость итальянского народа.

...Мост Америльо, возведенный над рекой Тибр. В середине прошлого века Гарибальди вел здесь отчаянные бои против австрийских захватчиков. Мой покойный друг Ренато Гуттузо, родившийся в 1912 г. на итальянском острове Сицилия, в 1950–57 годах создал свое полотно «Битва Гарибальди на мосту Америльо».

Неаполь... Древняя этрусская культура развивалась именно здесь. По своей величине и значимости он уступает Риму и Милану. Очень тихий и уютный город. Кампания – его административный центр.

Если можно позволить себе такое выражение, «локоны» этого находящегося у подножия вулкана Везувий города омываются Неаполитанским заливом Тирренского моря. Побывав в тринадцати странах мира, подобной красоты я нигде не встретил! Естественно, что как художника меня в прошлый мой приезд в первую очередь интересовали крепости Каstell дель Ово (XII в.), Каstell дель Нуово (XIII в.), готические соборы, церкви, дворцы, их мозаика, настенные росписи, капители. Очень величествен монастырь Ченто-за де Сан-Мартино, возведенный в XIV веке. Большое впечатление произвели на меня национальный музей города Каподимонте, Художественная галерея. Здесь бережно хранятся творения великих художников страны Леонардо да Винчи, Микеланджело, Рафаэля, Джорджоне, Тициана, Ренато Гуттузо, скульпторов Ф. Мессини, Ж. Манцу. Очень похвально, что Ф. Казорати и его последователи создают реалистические произведения, отображающие жизнь и чувства, труд итальянского народа.

Ступив на землю Амантеи, я сразу почувствовал, насколько серьезно итальянцы интересуются узбекским изобразительным искусством. Потеряв в Шереметьевском аэропорту свой багаж, я приехал в Италию без ничего. Мне сразу подарили холст, краски, кисти, фломастеры. Как только подвернулся удобный случай, я в ближайшем магазине приобрел все необходимое для работы. Когда я писал на улицах и площадях города, итальянские друзья подбадривали меня. Я дарил итальянским друзьям оригиналы сделанных работ, они же, сделав ксерокопию, возвращали их мне.

Вчера в Амантее я писал портрет высокой красавицы. Мне она показалась очень знакомой. Потом я понял, что она напомнила мне героинь работ Боттичелли «Весна» и «Рождение Венеры».

В Италии художники считаются привилегированной частью общества. И это понятно – итальянцы воспитаны в духе поклонения изобразительному искусству.

На центральной площади Амантеи я стал писать масляными красками на белоснежном, словно подвенечное платье невесты, холсте ансамбль соборов. Поначалу работалось неважно. Наконец на холсте появилось изображение лазурного неба. Отказавшись от полутонов, я стал писать чистыми цветами. Пишу полдень, на холсте же возникает изображение ночного пейзажа. Я заметил на подножии здания словно пламенеющий цветок. Я изобразил его естественным цветом. Но цветок на холсте «не дышал». Я нанес поверх прежнего цвета синий – и цветок будто ожил, заискрился. Стоявшие рядом со мной

двое юношей-итальянцев – свободные художники – тоже стали писать городские пейзажи. Вскоре один из них тут же на месте продал свою работу. Недалеко от нас бродячий музыкант начал играть на скрипке. Оказалось, что он жил на деньги, которые собирал за свою игру. Я запечатлел его на холсте.

Вечером в гостиницу, где мы остановились, пришел председатель муниципалитета. Нас здесь приняли в почетное гражданство и вручили памятные медали и разные подарки. Я подарил городу одну из своих работ.

Когда я увидел по дороге Амантея – Россели цветущие, несмотря на зимнюю пору, миндальные, вишневые деревья, покрытые цветами оливковые, лавровые рощи, у меня на глаза навернулись слезы. Я так истосковался по весне!

«А не в Сурхандарью ли я попал?» – подумалось мне. – Значит, в эти края весна приходит раньше, чем на мою родину.

Я не удержался, чтобы не остановить машину и фломастером не запечатлеть эти дивные виды. Представьте себе бескрайние сады на склонах гор вдоль всей дороги... А внизу лениво перекачивают с камня на камень свои воды горные потоки. Кажется, что у них не осталось сил нести свои воды на юг.

В общем, побывав в Италии во второй раз, я ближе узнал народ этой страны, открыл для себя гордых, трудолюбивых итальянцев. Однако как бы ни было хорошо в гостях, дома все же лучше. Возвращаясь из Калабрии в Рим, я понял, как истосковался по Родине и мысленно воскликнул: «Скажите, что без Родины, без Сурхана Рузы не существует!»

Журнал «Искусство Узбекистана», 1989, №5

«Без Родины, без Сурхана Рузы не существует». Воистину так и было.

Будучи в Италии, он сделал для себя открытие, что люди Амантеи очень похожи на его земляков, людей кишлака, где он родился. Пашхурд...

Вчера ему в руки попала одна старая газета. Там была напечатана заметка, в которой шла речь о его юбилее, проведенном в Пашхурде тринадцать лет назад.

В 1991 году 27 октября в кишлаке Пашхурд, где Рузы родился, он отмечал свое семидесятилетие. Местный журналист Холмумин Худойкулов осветил это событие в газете «Сурхан».

Пашхурд – дальний кишлак. Он находится в межгорье горы Кухитанг. Однако на юбилей художника Рузы Чарыева съехались гости со всей Сурхандарьи, из разных городов Узбекистана, из соседних и дальних государств.

Надо отметить, что празднование юбилея, посвященного 60-летию художника, прошло без какой-либо помпезности, но очень содержательно и интересно.

Читая газету, художник вспоминал о своем шестидесятилетнем юбилее, проведенном в родном кишлаке. Как великолепно отпразднована дата! Организаторами торжества были Бойкулов, Кучар-ака и другие.

Сложив газету, художник собрался положить ее в сумку и нашел там письмо Малиновского. Малиновский был генералом полка, когда Рузы служил в армии во Львове. 30 лет спустя он встретил его в Одессе. Он начал читать письмо от семьи Малиновских:

«Дорогой Рузы, дорогая Марина!

...Если б ты мог видеть, Рузы, сколько радости принесло нам, старикам, твое душевное письмо! Оно пришло в день моего рождения и лучшего подарка для нас в этот день не было. Всем, кто был у нас, мы показывали твои фото с семьей, твой альбом, твои картины. Был разговор только о тебе, о твоём призвании. Несказанно рады мы, что ты прошел такой трудный путь и стал признанным художником. Своим упорством, знанием дела ты добился почета и признания. Будь счастлив, дорогой, вместе с тобой пусть будут всегда рядом твоя жена, твои дети. Смотрим на фото и никак не можем представить тебя уже поседевшим, солидным. Твои картины находятся у нас. ... Когда тебе будет нужно, мы все твои работы вернем, это начало твоего творческого пути...»

1 марта 1981 г.

Художник положил письмо в сумку. В сумке оказалось еще много разных фотографий, он достал их и стал рассматривать. На одной из них были запечатлены он сам и Марина во время их первой поездки в Байсун.

В БАЙСУНЕ

Ему нравилось, когда кто-либо из байсунцев говорил: «Рузы-ака из нашего района». Поэт Усман Азим по-своему обосновал это: «Пашхурд до войны относился к Байсуну, а потом присоединился к Шерабаду». – «Верно, – поддержал его художник.» Он очень любил этот район. Окончив институт, Рузы каждое лето приезжал в Байсун. Он безгранично радовался тому, что отыскал Рузы Тошева, с которым рос вместе в детском доме. Оказалось, что его тезка живет в красивом горном кишлаке Сарыюсие, находящемся дальше Байсуна на 5 или 6 километров. Художник месяцами жил у этого простого многодетного

сельского механизатора, писал картины, делил горести и радости семьи своего друга по детству. В каком бы уголке района он ни находился днем, ночевать всегда приходил в этот дом. Несмотря на то, что здесь не было ни просторных комнат, ни богатых угощений, как у других, его сердцу были милы гостеприимство и радушие хозяйки дома, воспитанность детей, радушие соседей, немногословность тетки.

Свою большую картину Рузы назвал «Дружная семья механизатора Тошева». Эта работа на его персональной выставке в Санкт-Петербурге получила высокую оценку специалистов. Образы-портреты членов семьи художник написал с большой любовью к этой семье, замечательным простым людям.

В Байсуне Рузы Чарыев создал такие известные картины, как «Сарыусие», «Потомки», «Земля Алпамышей», «Невеста». Художник был уверен в том, что краски здешней природы так пленительны именно благодаря чистому воздуху. Он передал их сказочные переливы в своих произведениях.

Это был признак того, что его творчество стало выше еще на один уровень. Его работа «Портрет старика из Сайроба» стала вершиной его творчества. Созданная Чарыевым портретная галерея почти целиком состоит из образов представителей интеллигенции. И тем большего внимания заслуживают портреты колхозников и рабочих, написанные художником во время поездок по областям нашей республики.

В «Портрете старика из Сайроба» художник остался верен себе, написав правдивый портрет пожилого, убеленного сединами колхозника. В этой работе он стремится передать через образ конкретного человека не только характерные для него черты, но и показать историю нашей земли, нашего народа, ярким представителем которой являлся старик из Сайроба. Гибкая подвижная линия, контрасты цветовых пятен, передающие настроение и переживания, – вот что характерно для художественного языка Р. Чарыева-портретиста.

Любовь художника к Байсуну и его людям была особенной. И потому он хотел, чтобы именно здесь был организован музей. По инициативе Рузы Чарыева в мае 1972 года было объявлено решение

Молодежного комитета Узбекистана о создании на общественных началах музея в Байсуне.

Рузы Чарыев горячо принялся за дело. Ему помогали первый секретарь райкома партии Эсиргаф Мухаммадиев и работавший в то время председателем исполнительного комитета Химойиддин Шарафиддинов.

Под музей было выделено старое здание в центре района. Ремонт его обязали заняться 113-е ремонтно-строительное управление. Оказалось, что начальник этого управления Хасанов жил в свое время в одном детском доме с Рузы. Он за один месяц справился с заданием.

В июле 1972 года Рузы приехал в Байсун. В Сакратмасе его встречали школьники с цветами. Его сопровождал первый секретарь районного Комитета молодежи Кабил Рашидов. Они вместе осмотрели залы музея. Художник обещал, что передаст сюда свои картины, а если их окажется недостаточно, еще и работы своих друзей. Затем были проведены встречи в районном Комитете молодежи и детском доме. В тот день в 6 или 7 часов вечера они приехали вместе с Рузы в Бобочинор в Сайробе. Они собирались уже уезжать, как вдруг увидели жениха и невесту, которые после бракосочетания пришли посетить это место. В результате написано полотно «Свадьба в Сурхандарье».

Через 20 дней Рузы отправил в Байсун свои полотна. В сентябре художник приехал на открытие музея. В торжественном открытии приняли участие руководители области и района, директора предприятий и школ, друзья Р. Чарыева. В мероприятии участвовало более 200 человек. Была заведена книга почета музея.

Население района каждый праздник приходило в музей знакомиться с экспонатами.

В 1977 году в Байсуне на базе произведений Рузы Чарыева был открыт Музей искусств. Пенсионер Саъми Саъдуллаев, кандидат исторических наук, стал директором музея и руководил им в течение 10 лет. Теперь этот музей перенесен в здание, находящееся возле стадиона «Алпамыш».

Какова же судьба полотен, подаренных музею? Художнику это неизвестно. В 1975 году он поехал в Сурхандарью. Секретарь парткома Сайроба Кабил Рашидов, случайно встретивший художника, пригласил его в Сайроб, а вместе с ним и Тахира Усманова, Рузы Тошбоева, Тура Шомирзаева. Они поехали в кишлак Бешэркак.

В этом кишлаке когда-то был расстрелян инструктор Комитета молодежи Абдулла Набиев. Тогда было традицией посещать место его гибели, почитая его как героя. Окрестности Сайроба пришлось живописцу по душе.

«Создадите ли мне условия, если я приеду в Сайроб поработать?» – спросил Рузы у секретаря парткома. И секретарь парткома обещал художнику создать все условия для работы. Рузы сказал, что хочет написать портреты скотоводов, доярок, простых дехкан.

Стояла весна. Горы и долины были покрыты зеленью... Очарованный красотой природы, художник без устали писал пейзажи.

Спустя два месяца, 15 мая 1979 года, художник приехал в Сайроб. Уже на следующий день Рузы принялся за работу, и в тот же день закончил портрет Дони, выпекавшего для него лепешки. Сайробцы, прослышав про это, устремились к художнику.

Кабил Рашидов приводил к нему достойных, трудолюбивых людей, активистов. Рузы Чарыев написал портреты пастухов совхоза Эргаша Шамиева и Кунгира Суюнова, а также других работников.

Рузы с семьей тогда провел последний месяц весны и все лето в Сайробе. Здесь он создал более 30 произведений, в том числе два портрета Кабила Рашидова. Один он увез в Ташкент, а второй подарил Кабилу.

В июле 1979 года Кабил попросил его написать портрет детей, чтобы повезти его в Термез на выставку «Щедрость Сурхана». «Я должен занять первое место, – сказал Кабил.» – «Хорошо, – согласился художник, – только детей приведите. Они должны сидеть и позировать, а я буду писать». На другой день Кабил привел трех сыновей и дочку. Рузы Чарыев создал картину «Лето». И в самом деле, совхоз в том году на Термезской областной выставке занял первое место и получил высшую премию – легковую автомашину «Жигули».

В ноябре 1979 года в Сайроб приехал Второй секретарь областного партийного комитета В.К. Михайлов. Первый вопрос, заданный Михайловым директору совхоза, был такой:

– Товарищ Рашидов, говорят, что в Сайробе работает Рузы Чарыев. Можно мне встретиться с ним?

Директор ответил, что, к сожалению, Чарыев, закончив работы здесь, уже уехал в Ташкент.

– Жаль... Ну, да ладно, что поделаешь, – сказал Михайлов и добавил: – Если здесь есть что-нибудь из его работ, мне бы хотелось взглянуть на них.

– Да, некоторые из его работ имеются, – сказал Кабил.

Рузы еще не успел увезти в Ташкент половину своих картин. Они хранились в доме Кабила. Кабил привез около двадцати работ художника и выставил их в правлении совхоза. Михайлов зачарованно рассматривал картины и сказал, восхищенный, руководителю совхоза: «Товарищ Рашидов! Вы от меня Чарыеву привет передайте и скажите спасибо! Пусть он чаще приезжает в Сурхандарью работать.»

Кабил дословно передал Рузы слова Михайлова. Художник еще много раз ездил к Кабилу в творческие поездки. Каждое воскресенье Кабил водил его в горные долины, где Рузы писал портреты пастухов, доярок. «Итальянский художник Микеланджело 25 лет писал Ватикан и навсегда остался в истории. Я столько же лет буду писать Байсун», – говорил он Кабилу. И действительно, он столько же времени и даже

дольше писал Байсун. Прототип для полотна «Сурхандарьинская мадонна» Рузы также нашел среди байсунских женщин...

На фотографии, которую он достал из сумки, был запечатлен один из моментов его поездки во Вьетнам.

ВО ВЬЕТНАМЕ

В 1987 году художник побывал во Вьетнаме вместе с главным редактором журнала «Декоративное искусство» Олегом Буркевичем и кандидатом искусствоведения Акбаром Хакимовым. Чтобы полететь во Вьетнам, они вернулись в Ташкент, откуда полетели в Карачи, затем – в Ханой. Раньше при слове Вьетнам художник представлял маленькую жестяную баночку со звездочкой, небольшого роста людей, идущих в панاماх или, укрывшись зонтиком, спешащих куда-то. На деле же эта страна оказалась поистине сказочной.

Они побывали в Ханое, Хайлонге и в местности, называющейся Хо Ши Мин. Хайлонг в переводе означает «тысяча драконов». Он состоит из маленьких островков и очаровывает и удивляет всякого путешественника своими лесами и утесами и необыкновенно прекрасными водоемами с лягушками и змеями. Прекрасны певчие птицы, порхающие в воздухе.

Художник, естественно, был вне себя от радости при виде этой экзотической красоты. Альбом его был переполнен цветными рисунками.

Художник создавал полотна с пейзажами этой страны, картины о здешних людях, об образе их жизни. Вернувшись из поездки, Рузы выставил около пятидесяти прекрасных работ: пейзажей и акварельных рисунков.

Через 16 лет после поездки во Вьетнам Р. Чарьев открыл персональную выставку в Ташкенте об этой удивительной стране. Вот что писала об этом пресса:

«Участником выставки «Вьетнам в творчестве художников», проходившей 19–30 декабря 2003 г. в Караван-сарая культуры Академии художеств Узбекистана, был и Рузы Чарьев.

Этот известный живописец с мировым именем, Народный художник Узбекистана, академик Академии художеств Узбекистана, был участником многочисленных республиканских и международных выставок, нескольких десятков зарубежных творческих командировок. Одним из первых узбекских мастеров кисти он в 1987 году побывал во Вьетнаме, где написал десятки эскизов и художественных полотен, посвященных жизни и деятельности народа этой страны; в них нашли отражение уникальная растительность и природа, ландшафты, памятники зодчества и скульптуры.

Удивительный растительный (по сочности и разнообразию красок и их оттенков) и животный мир, скалы, горные ландшафты и озера Вьетнама оказали значительное влияние на творческие изыскания художника и были запечатлены на его картинах.

Он всегда с благодарностью вспоминал те удивительные дни, проведенные в этой волшебной, сказочной и загадочной стране Красного дракона, искреннее гостеприимство, радушие и сердечность вьетнамского народа.

Его погрясли огромные пространства, занятые изумрудными лесами, непроходимыми джунглями, водной гладью.

Выдающееся культурное наследие – реалистично, гениально исполненные предками вьетнамского народа скульптуры светских, военных и религиозных персонажей, украшавшие древние храмы, произведения гончарного ремесла и декоративно-прикладного искусства, живописи, сохранявшиеся на протяжении веков – произвело на него огромное впечатление.

По мнению специалистов, Рузы Чарыев полностью поддерживает мнение о том, что уникальное культурное наследие – традиционное народное и современное искусство Вьетнама – достигло такого высокого уровня, что являет собой выдающееся достижение человеческого гения, достойное представлять лучшую часть мирового художественного достояния».

Сергей САВЧУК-КУРБАНОВ,
Пресс-секретарь Общества дружбы «Узбекистан – Вьетнам»

На следующей фотографии Чарыев увидел себя среди танцовщиц ансамбля «Бахор». Снимок был сделан в Швеции...

В ШВЕЦИИ

Художник побывал в этой стране в качестве сопровождающего экспонаты выставки искусства Узбекистана, проводившейся в Швеции в 1975 году. Хотя он и прежде бывал за рубежом, но это была его первая поездка в развитую капиталистическую страну. Ему дали разрешение на выезд. Об этом так написал для прессы один знакомый искусствовед:

“Швеция, Дни культуры на примере Узбекской республики, большая выставка в Стокгольме, Карльстаде и Мальме.

Около двух месяцев – один на один с другим миром, часто без переводчика, один в естественной среде страны – художник не расстался с альбомом. Рисовал то, что видел вокруг, те места, где проходила выставка и которые удавалось увидеть в свободное время, рисовал

тех, кто все организовывал, тех, кто помогал и тех, кто приходил на выставку. Рисовал, рисовал, рисовал... В результате сложилась интересная и многообразная выставка работ, которые демонстрировались в Стокгольме 15 декабря 1975 г. и в 1977 году – в Центральном выставочном зале Союза художников Узбекистана.

Во время поездки в Швецию художнику удалось почувствовать всю меру ответственности талантливого человека и патриота, еще раз явно ощутить, что составляет понятие «гражданин своей страны».

Скандинавию трудно удивить чем бы то ни было, но вокруг рисующего Чарыева всегда была толпа заинтересованных его работой людей. Думается, что работы его привлекали не только узнаваемость, искренность, но и тем, что художник оставался неизменно верен своим принципам реалистического искусства.

Чарыев познакомился с членами делегации. Так рождаются портрет широко известного во всем мире ученого, борца за мир и сотрудничество между народами академиком Н.Н. Семенова, а также Басова, Прохорови. Серия портретных набросков создает образы тех людей, которые отдают все свое время, силы, энтузиазм борьбе за мир.

Рузы Чарыев побывал в Стокгольме и Осло, возглавлял открытие выставки, писал пейзажи, портреты людей, живущих в этой стране.

В СОЮЗЕ ХУДОЖНИКОВ

В 80-е годы Рузы Чарыев работал заместителем председателя Союза художников по работе с молодежью. Он помнит, как общественный корреспондент М. Рахимов обратился к нему с рядом вопросов:

– Демонстрируемая в эти дни выставка – пятая по счету из числа республиканских художественных выставок под названием «Демонстрирует молодежь». В чем ее отличие от прежних?

– Молодежь наша экспериментирует, создавая свой стиль. Думаю, что будет достаточно в качестве примера привести выставленные здесь картину М. Тухтаева «Осенние плоды» из цикла «Мир, где рождаются легенды», полотна Г. Цикунова «Осень в Шахимардане», «Весна».

Пользуясь моментом, я хочу напомнить молодым друзьям, что любой поиск, любой эксперимент должны быть направлены на то, чтобы ярче, полнее и глубже отобразить жизнь. Только подобные изыскания приводят художника в Большое искусство. В противном случае поиски могут завести в тупик.

– Задача искусства, в том числе и искусства живописи, – отображение жизни. В какой степени это удается молодым художникам?

– Молодые живописцы, несомненно, талантливы и хорошо осведомлены о мировом искусстве. Они изучили и полюбили творчество

таких великих художников, как Бехзод, Сикейрос, Тициан, Пикассо, творящих своею кистью чудеса, чьи произведения и по сей день очаровывают сердца людей.

Когда у великого русского художника Ильи Репина была парализована правая рука, он писал левой. Это, конечно же, любовь к своему делу, от которого он не в силах был отказаться, не представляя своей жизни без него. Самое главное – то, что наши молодые люди тоже отличаются способностью посвятить свою жизнь избранному делу – искусству живописи. Глубоко понимая свой гражданский долг, они трудятся на совесть. Кстати, совесть – «закон законов», как выразился Лафонтен. Наши молодые живописцы еще только-только делают первые шаги в жизни. Они изображают то, что видят и знают. Возможно, поэтому жизнь пока не вполне всесторонне отображается в их работах. На выставке продемонстрировано более 3000 работ 200 авторов: произведения живописи, скульптуры, прикладного народного искусства. В работах членов Союза художников Алишера Мирзаева, Шухрата Абдурашидова, Баходыра Жалалова, Саъдуллы Абдуллаева, молодых авторов Абдукадыра Юсупова, Исфандиера Кадырова, Комила Губайдуллина и других чувствуется стремление полнее отобразить жизнь. И это надо ценить.

Мне кажется, что молодежи необходимо глубже изучать жизнь, внимательнее наблюдать, тщательно искать. И только тогда бурлящая, словно море, жизнь раскроет им свои тайны, обогатив их творения глубоким смыслом. И только тогда они своими произведениями смогут ставить перед обществом социальные проблемы.

В прошлом году Алишер Мирзаев, Бахтиер Назаров, Комил Губайдуллин побывали в творческой поездке. Но в основном по нашей республике творческие поездки молодых живописцев очень редки.

Я хочу напомнить о первых участниках выставки «Демонстрирует молодежь». Это Бахтиер Бабаев, Владимир Бурмакин, Юрий Талдыкин, Евгений Мельников, Фахриддин Тахиров, Дилер Имамов, Вахаб Зияев, которые очень любили подобные поездки. Бахтиер Бабаев, например, в одной из таких поездок побывал в Джизакской степи и, создав цикл работ, представил их на Всесоюзной выставке. Фахриддин Тахиров создал серию пейзажей «Моя родина». Большое полотно Владимира Бурмакина «Люди в белых халатах» – тоже результат подобных жизненных наблюдений.

– На выставке находятся также работы молодых живописцев из областей нашей республики. Они разнообразны, не похожи одна на другую...

– Да. На выставке представлены работы живописцев даже из такого молодого города, как Навои. Один из них – Николай Лемешко, создавший полотно в таком трудном жанре, как портрет. Называется работа «Портрет художника Алиева» – очень живой, психологический

портрет. Пейзаж сурхандарьинца Хушбока Юлдашева «Горный кишлак», скульптурное произведение В. Гурра «Музыка», украшенный орнаментом письменный стол из цикла «Времена года» ташкентца Белоусова, эскизы для декораций кукольного театра самаркандца Рубинова и эскизы Витровича к декорациям спектакля «Веселые грешники», чеканка на медном блюде «Конь» ферганца Крылова – яркое свидетельство неустанных поисков молодых авторов. А молодой художник Алиев пробует свои силы почти во всех жанрах искусства живописи.»

После этого интервью Рузы Чарыеву пришлось вступить в спор с председателем Союза художников. Тот недолюбливал некоторых из упомянутых художников. «Это – мои личные наблюдения», – заявил ему Рузы. “В таком случае не следовало употреблять выражение «заместитель председателя Союза»”, – парировал председатель. Творческие взгляды Рузы и того председателя Союза художников не совпадали. Особенно это стало заметно после назначения Чарыева заместителем председателя по работе с молодежью.

Рузы вспомнил, как впервые приступил к работе в Союзе художников. Тогда он обратил внимание на молодых художников из областей, которые не могли выставить свои работы. Рузы сразу начал ездить по городам и кишлакам в поисках талантливых художников. Организовывал одну за другой выставки их работ в ташкентском клубе «Ильхом» («Вдохновение»). В то время Шухрат Абдурашидов, Алишер Мирзаев, Азамат Хатамов, Баходыр Саламов смогли провести свои выставки. Успешно прошли и выставки художников Бухарской, Ферганской и Сурхандарьинской областей, проведенные в столице. На выставках иногда мелькали работы в стиле модерн, не отвечающие требованиям того времени.

Это прежде всего полотна таких молодых художников, как Зелимхан Саиджанов, Н. Бабаев, Музаффар Абдуллаев, демонстрировавшихся на выставке бухарских живописцев. Тогда Чарыеву пришлось найти слова для успокоения работников ЦК по надзору за идеологией работников искусства. «Подобные произведения сейчас демонстрируются и на московских выставках», – говорил Рузы Чарыев ответственному сотруднику ЦК, ныне покойному поэту Барату Бойкобылову.

Вот как он выступил на VIII пленуме Союза художников 1986 г.:

«... Мы, художники, творцы, работающие для нашего общества, народа, должны дать ответ самим себе: что мы делаем для пропаганды искусства, кроме заказных работ, которые идут через комбинат «Раском»? Я задаю себе такой же вопрос: что я сделал?»

Отвечаю: сделано немало, но могло быть и больше, если бы руководители партийных органов на местах, наши депутаты были бы компетентны в понимании искусства. Тогда можно было бы много сделать и по выполнению задачи Союза художников «Художнику – селу».

В 1971 г. группа художников была командирована в Сурхандарьинскую область, в поселок Байсун, а в 1976 г. появилась идея организовать картинную галерею в поселке Байсун. Мною и художниками, которые были в этой творческой поездке, – В. Акудиным, Г. Чигановым, В. Котловым, И. Ениным, Ю. Павловым, В. Паршиным, К. Назаровым, Б. Джалаловым – были подарены работы по живописи, акварели, графике. Потом я собрал еще картины художников К. Насырова, А. Мирсагатова, П. Тахирова, В. Бурмакина, Г. Зильбермана, не бывших в этой поездке, а также работы местных мастеров. В 1976 г. 23 февраля была открыта в Байсуне картинная галерея, которая сейчас работает успешно и пополняется новыми работами.

В свое время было передано очень много работ из фондов Министерства культуры для Байсунской галереи. Благодаря знакомству с искусством многие дети Байсуна оканчивают художественное училище, художественный институт им. Островского. Это – заслуга пропаганды нашего искусства на селе и в сельской местности.

В 1980 г. в Пашхурде открылась картинная галерея, состоящая из моих работ, в здании, которое сейчас нуждается в ремонте.

В 1986 г. 25 февраля в древнем городе Термезе, городе моего детства, была торжественно открыта картинная галерея.

Моя мечта – чтобы в каждой области нашей республики были маленькие картинные галереи.

За последние годы Союзом художников и комиссией «Художник – селу» были предприняты творческие поездки по селам, городам и даже за пределы нашей республики. Были творческие отчеты, пожалуй, во всех секциях.

Мне очень понравилось, как был проведен День открытых дверей монументалистами, живописцами и скульпторами, живущими в Доме художников на Себзаре. Это было единство художников, работающих в разных видах и жанрах искусства.

От того, насколько активной будет роль искусства, во многом будут зависеть наши успехи в строительстве нового общества, в воспитании нового человека.»

Сам художник тоже пробовал силы в разных течениях и стилях, однако никогда не выставлял эти работы.

Несмотря на то, что в тот период Рузы был уже известным художником, ему пришлось столкнуться с серьезными трудностями. Отношения с председателем Союза художников очень осложнились: «Отчего все журналисты, искусствоведы пишут только о Чарыеве? Других, что ли, нет художников?!» И в самом деле, и в Московской прессе, и в прессе Узбекистана о нем печаталось очень много статей. А по Центральному телевидению демонстрировался фильм о Рузы Чарыеве. В московском издательстве «Художник» был издан альбом о Рузы Чарыеве «Люди земли Узбекистана».

В те годы Рузы был членом комиссии объединения художников «Художники – селу» и в составе экспедиции «Художники – флоту» побывал в творческих командировках в Сибири, на Чукотке, в Арктике, создал работы, многие из которых были одобрены даже московскими критиками.

Несмотря на то, что в те годы о Рузы Чарыеве печаталось много статей, «стараниями» таких руководителей, как председатель Союза художников, музеями и Союзом писателей его работы почти не покупались, или предлагались за них такие цены, что художник чувствовал себя оскорбленным. Он стал искать другие пути преодоления материальных трудностей.

Уйдя из Ташкентского государственного педагогического института им. Низами, он больше не вернулся туда. У него оставался лишь один выход: ездить в творческие поездки по областям, организовывать там небольшие галереи и раздавать часть работ бесплатно.

Художник Тохир Миржалилов выразил свою готовность помочь ему в этом деле.

В ШЕРАБАДЕ

Галерею необходимо было создавать на общественных началах. Чарыев решил осуществить свою идею в родном кишлаке – Пашхурде. У художника возникла мысль создать в кишлаке краеведческий музей. Эту идею подсказал его друг – писатель. «А что, хорошая идея. Мы вот дадим картины», – ответил на это художник. Не теряя времени, они начали готовить подборку картин художников, живущих в Ташкенте.

В то время Рузы частенько ездил в Пашхурд. Директор школы Мамарахим Байкулов выделил для приезжих художников свой второй дом, где они могли жить и работать. В этом доме, который стали называть «Домом художника», работали многие известные мастера кисти. Здесь останавливались и работали Жавлон Умарбеков, Баходир Жалалов, Алишер Мирзаев, Бахтиер Бабаев, Вахаб Зияев, Дамир Рузыбаев, Фахриддин Тахиров, Садир Турсунов, Тахир Миржалилов, сыновья знаменитого художника Волкова Валерий и Александр, московский художник и скульптор Александр Кравченко.

Жители с уважением относились к приезжающим к Рузы мастерам, приглашали их в гости.

Дело создания музея поддержали и возглавили Мамарахим Байкулов и его тесть Кучкар-бобо Маматов. Рузы понимал, что должен сделать что-то для людей с такой широкой душой. Он написал здесь свои картины «Вандоб», «Карафат-момо», «Кучкар-бобо и Байкул-бобо»,

«Хонойим», «Дорога в Шалкон», «Лето», «Пашхурд», «Дерево моего детства», «Дорогие сердцу мелодии», «Сайроб», которые демонстрировались на выставках в Ташкенте, Москве, Швеции и во Франции. Ему хотелось сделать еще что-нибудь. И тогда по совету Нодира Норматова и Мамарахима Бойкулова, который пришелся по душе Рузы Чарыеву, в спортивном зале школы № 33 были временно выставлены антикварные вещи, принесенные из домов обитателей кишлака, и подаренные художниками картины. Из своей ташкентской мастерской Рузы привез и подарил музею около 50 произведений. Здесь были и работы студенческой поры, и созданные им в Сурхандарье. На открытии музея присутствовали руководители области и районов. Это было кстати – пусть руководство подумает о том, что и в других районах можно открыть подобные небольшие галереи!

На торжественном собрании, посвященном открытию краеведческого музея, выступил и Рузы Чарыев. «Любите искусство! Народ, имеющий свое искусство, бессмертен!» – воскликнул он в конце своей речи. Затем он вдохновенно пел.

Просторный школьный двор был переполнен тысячами гостей, прибывших из столицы, областей и районов, местными жителями. «Спасибо отцу твоему!» – восклицали старики. «Спасибо матери твоей!» – благодарили старушки. «Слышат ли меня души моих отца и матери?» – думал художник. К сожалению, никто не знал, где находятся их могилы. На каком же из 5 или 6 кладбищ, расположенных на холмах Пашхурда?

Известие о том, что в далеком кишлаке между гор на общественных началах открыт музей, сообщила популярная в то время газета «Правда».

Теперь у Рузы появилась возможность свободно работать над новыми произведениями. Группа художников, возглавляемая Рузы Чарыевым, ездила по хозяйствам, созданным в степи. В результате поездок Рузы создал ряд произведений, в том числе и картину «Девушки Шерабада».

Рузы вдохновенно работал, находясь в степных хозяйствах. Но иногда возникали и проблемы. Руководители давали свое согласие на открытие музея с условием, что он будет писать портреты тех людей, которых ему назовут. Не упуская момента, художник начал писать. Окончив портрет, он спешил писать пейзажи степных просторов, простирающихся у подножия гор.

Художники, приезжавшие с ним, следуя его примеру, писали этюды, однако из-за обилия заказов у них не хватало на это времени. И только некоторые из них успевали наряду с заказами написать еще что-то и «для души».

Руководители, глядя на портреты, написанные с фотографий другими художниками, восхищались: «Здорово. Очень похоже». Но Рузы

старался передать характер изображаемого, а не только внешнее сходство. Зато его пейзажи очаровывали всех, кто их видел, хотя иногда все же говорили, что если бы он еще пририсовал на них какое-нибудь озеро или море, они бы выглядели еще лучше. Хорошо сказала о его пейзажах молодой механизатор Адолат Вахабова: «Когда подхожу к картинам Рузы-ака, я словно вдыхаю свежий воздух». Это была самая лучшая оценка. Вдохновленный похвалой, Рузы, позвав Адолат и ее подруг Чиннихол, Ойзиру и Мухаррам, принялся писать большую картину. Картина эта осталась в истории под названием «Славные девушки Сурхандарьи». Необъятные земные просторы, впечатляющие образы девушек, написанных в желто-красных и оранжевых тонах и «чувствующеся» с полотна обилие воздуха очаровывали зрителей, трогая до глубины души, что подтвердила и персональная выставка художника в Ленинграде...

На следующем снимке, который Рузы достал из сумки, он был запечатлен со своим учеником Нурали в Детском творческом центре...

В ДЕТСКОМ ТВОРЧЕСКОМ ЦЕНТРЕ

В 1990-е годы Рузы работал в этом центре художественным руководителем. Он настолько втянулся в работу, что некоторое время даже жил там. Здесь школьники знакомились с тайнами живописи, ваяния, резьбы по дереву, чеканки и других направлений художественного искусства, а самое главное – здесь организовывались выставки работ детей, которых таким образом поощряли. А то, что здесь проходили и выставки взрослых художников, являлось большим стимулом для этих детей.

Художник открыл очень много талантливых ребят. Одним из них был особенно любимый им сурхандарьинец Нурали Бобомурадов, в будущее которого он искренне верил.

Нурали занимался у Чарыева в то время, когда тот руководил отделом живописи Республиканского центра детского творчества. Нурали участвовал со своими работами в конкурсе детского творчества и завоевал премию Шанкара, чем обратил на себя внимание. Ему была посвящена страничка в книге о подрастающих талантах Узбекистана. Художник брал мальчика в свои творческие командировки. К сожалению, по окончании института Нурали перестал заниматься живописью.

здесь иногда до самого утра. Для тех, кто не ушел домой, под деревом в укромном углу садика стояла кровать с матрацами и одеялами.

Садик был полон народа до самой поздней осени, пока не наступали холода. Художник иногда уезжал то в Арктику, то в родную Сурхандарью. Но садик его всегда был полон людей...

С наступлением теплых дней Рузы работал в саду, редко заходя в мастерскую. С утра до ночи писал он свои картины, отдыхал, пел песни. Летом и осенью здесь же принимал гостей, приезжавших к нему.

Несмотря на то, что Рузы был очень привязан к своему небольшому саду-театру, он любил по утрам заходить в мастерскую и, достав из кипы пластинок те, что особенно любил, слушал – Баха, Бетховена, Генделя, Гайдна, Шопена. Слушал снова и снова песни Мамурджана Узоева, Муножат Юлчиевой, песню «Улам» в исполнении певицы из Шахрисабза Марьям Саттаровой, «Алла» (колыбельную) в исполнении Замиры Суюновой. Среди пластинок были и те, что он приобрел, вернувшись по окончании института в Ташкент. Музыка навевала разные воспоминания. Художник, по своему характеру не любивший одиночества, все же иногда уединялся в мастерской, чтобы посмотреть на свои картины и записи. Лишь некоторым людям сообщал он о том, что сидит у себя в мастерской, позволяя беспокоить только при необходимости. Однако сад для него был самой большой и любимой мастерской. «Возьми себе в привычку работать на открытом воздухе», – говорил ему когда-то Абдулхак Абдуллаев.

Он вспомнил, как переписывался с этим талантливым художником в период своей учебы в институте.

«Абдулхак-ака, здравствуйте!

Я и Марина были очень тронуты Вашим письмом.

... Я с Вами согласен, что жизнь – это наука, хочу добавить, что наша жизнь, то есть жизнь художников, – сплошная наука и страдания. Я согласен с Вами, что институт наш дает ремесленные знания. Мне в отношении культуры очень много дал Ленинград, хотя мне много нужно работать над собой.

... Мое пребывание в Ленинграде оставило глубокий след именно в отношении культуры, только здесь я открыл для себя, что есть наша, своя национальная культура, берущая начало с древних времен, и тогда появилась цель изучать свою культуру. В этом я вижу долг перед своим народом и перед искусством.

... Для меня чужда всякая административная работа, как бы ни было трудно, я буду избегать ее, мой долг – писать картины, и если надо, я за них готов отдать жизнь, а в администрации работников хватит и без меня. Не знаю, как сложится жизнь, но я очень хочу работать, повышать свой культурный уровень.

... Работа над дипломом пока идет хорошо, я Вам пришлю фото эскизов.

... Привет Вам от Марины и большой привет Елизарову Ю.Г.
С уважением, РУЗЫ.
Ленинград, 4. 11. 65 г.

Художник думал о мастере. Почему он не написал на большом холсте его портрет?! Он невольно начал искать в сумке кисть, вместо этого нашел какую-то пожелтевшую газету. Он начал ее читать:

ЛЮДИ ИСКУССТВА. «КАЖДЫЙ ДЕНЬ – ДЕНЬ ТВОРЧЕСТВА»

В весеннем своем наряде Ферганская долина – словно юная невеста. Вся она светится коврами тюльпанов, разостланными по холмам. Такой изобразил весну художник Рузы Чарыев, с которым я познакомился однажды в Фергане. Я был на гастролях, он приехал писать свой холст. Помню, мой товарищ, пианист, тогда спросил: «Кто это? Какой человек необычный!..»

Необычное впечатление о себе оставляет Чарыев у каждого, кто не знает его или видит впервые. Такое впечатление он произвел и на меня, когда я в первый раз оказался в его мастерской. Не успел я войти, как он сразу, не соблюдая церемоний узбекского гостеприимства, схватил кисти и с вдохновением бросился к холсту – писать мой портрет.

Вот тут-то и явил себя этот «необычный человек». Началось какое-то буйство, колдовство, сопровождаемое резкими, порывистыми движениями рук и всей его фигуры. Ошеломленный и зачарованный, я сидел, не смея пропустить ни одного движения художника. С радостью я сознавал, что стал счастливым очевидцем таинств творчества и мгновений подлинного вдохновения. Я видел его глаза – пытливые, в которых были сосредоточенность исследователя, радость ребенка и озарение первооткрывателя.

И при этом он без устали громко разговаривал. Он расспрашивал меня о певцах, о гастролях, о песнях, о музыке. «Гендель! Бах! Мендельсон! Вот таланты! Если бы суметь объять их, понять, как складывается искусство! А Караваджо? Боттичелли? Леонардо? А фрески, фрески Пенджикента? Сикейроса? Если бы приблизиться к ним хоть на минутку! В этом мире надо работать, работать и работать!..» – так восклицал он, продолжая неистово орудовать кистью. А затем неожиданно запел – громко, весело. Он пел арии из опер, узбекские народные песни и какие-то известные ему вокализы.

Просидел я, видимо, долго, ибо Чарыев успел тогда сделать не только рисунок, но и подмалевок будущего холста.

Я много работал с композиторами, был свидетелем рождения песни, видел, как ведет репетиции режиссер, как снимается фильм, ездил с художниками на этюды, но такой встречи у меня еще не бывало. Тогда я открыл для себя художника Чарыева, одержимого искусством, жадного к творческому действию и фанатично преданного палитре, мольберту. Да, он необычный или кажется таковым потому, что вдохновение художника не отпускает его от себя. Он постоянно в работе.

Его мастерская – это не только четыре стены, где находятся мольберт и холсты. Это и улицы, и дома, где он бывает, это города и села Узбекистана, это его встречи с людьми и его бесконечные поездки.

Чарыев рисует и пишет все, обо всем и все время. Он без этого не может. Он без этого – не он.

О себе он говорит: «Я – молодой художник». Молодой потому, что всегда учится. Ибо считает: то, что написано сегодня, – ступенька ко дню завтрашнему. Завтра – ступенька для следующего дня. К тому, что еще предстоит открыть. Открыть, чтобы с восторгом рассказать об этом в своих светлых, радостных, добрых и человеческих картинах.

Все явления жизни он рассматривает сквозь призму живописи, сквозь творчество. Он твердо убежден, что искусство нужно каждому. Он призывает всех всегда любить живопись, воспитывать в себе умение ее видеть и понимать.

– Почему вы не приходите к нам, в наши мастерские? Не посмотрите наши работы? Не поговорите, не поспорите с нами?! – говорит он при каждой встрече с поэтами, актерами, режиссерами.

Его любимый афоризм: «Живопись – любимая сестра в семье искусств».

На очередном сеансе, когда шла работа над моим портретом, Рузы рассказал, что еще до нашей первой встречи он пристально наблюдал за мной, ходил на мои концерты, делал наброски, прослушивал мои записи на пластинках – собирал, так сказать, материал обо мне. Да, я увидел тогда: работа художника над портретом – это прежде всего долгий и кропотливый труд, труд исследователя. Художник должен узнать о человеке все, проникнуться его мыслями, деятельностью. Мало того, полюбить его! И только тогда художник берется за кисть и краски. Так я стал свидетелем создания портрета народного артиста Алима Ходжаева. Рузы расспрашивал о нем у актеров театра имени Хамзы – его товарищей, с кем он работал, посещал все его спектакли, посмотрел множество фильмов с участием Ходжаева, читал написанные о нем книги, статьи.

Как правило, Чарыев, делая наброски, показывает их коллегам, близким, советуется, как найти пути и подступы к образу. Поэтому так дороги и интересны для меня написанные Чарыевым портреты худож-

ника Карахана, композитора Акбарова, актрисы Нарбаевой, искусствоведа Такташа и многих других. Я знаю их такими, какими представил их Рузы – живых и близких моему сердцу людей.

Чарыев – личность яркая, страстная, восторженная. И его полотна такие же – динамичные, экспрессивные. Я люблю его пейзажи – мне нравится, как он пишет горы. Я люблю горы Чарыева. В них, пожалуй, больше всего чарьевской природы. Он пишет их всегда в самых неожиданных ракурсах и измерениях. Его горы символичны, значительны. Здесь и рисунок, и живопись плотные, экспрессивные. Это его красный «Чарвак», это огненно-золотистые холмы и отроги его родного Байсуна. Мне нравится скупость палитры в пейзажах Чарыева. Это обычно удивительные и виртуозные вариации одного-двух цветов. Особенно нравится «Ферганская долина» – я не перестаю любоваться многоплановой композицией этого вечернего пейзажа. Прозрачность красивого и эмоционального тона картины будто звучит. Я называю ее «Вечерней песней».

Многие холсты Чарыева можно назвать песнями. А как иначе скажешь о его «Колыбельной»? На фоне красного ковра склонилась мать к колыбели. Национальный узор ковра, старинная узбекская колыбель, светлое, теплого тона платье, длинная смоляная коса, ниспадающая на плечи и спину молодой матери, – все это словно зримые слова узбекской народной песни «Черные мои косы...»

И его «Воспоминание о детстве» со светлой и чуть грустной мелодией: бледно-оранжевый закат над горным кишлаком, голубые облачка дыма над приземистыми глинобитными кибитками и вечеряющие окрестные холмы. Песня – это полная мажорного звучания мелодия девичьей красоты, юности в картине «Когда созрел гранат». А вот песни шуточные, с добрым юмором к задирам: серия портретов байсунских старушек и задорных девчат – словно народные веселые напевы.

Люблю чарьевских стариков. Неповторимые наши старцы, мудрецы из Самарканда, Бухары и Ташкента! Почтенные бороды, обрамляющие бронзовые лица, белоснежные чалмы и пестрые халаты – разве это не песни, не баллады родного края!

Портреты Чарыева – это портреты наших современников. Перед нами личности – люди, живущие рядом, наши добрые друзья. «Вот, знакомьтесь, – будто говорит Чарыев, представляя их, – мой друг студент, очень интересный парень. Обратите внимание, какое у него красивое, одухотворенное лицо. Наверное, такими были молодые Беруни или Улугбек. А это моя приятельница из Африки. Посмотрите, сколько достоинства в ее осанке!..» Горделивая, словно высеченная из черного камня – это героиня его «Черной Африки».

За серию портретов «Мой современник» Чарыев был удостоен государственной премии.

Трудно как-то закончить этот рассказ о художнике Чарыеве. Трудно потому, что каждый раз, встречаясь с ним в мастерской, на выставках, я вижу все новые и новые его работы, и в каждой он по-новому интересен. В них он сам, бесконечно неутомимый и неуемный. Каждый новый день, каждый новый труд для него – праздник новых встреч, узнаваний, открытий. Праздник новых лиц и новых красок, бесконечный праздник работы и творчества.

Я знаю, что приду к нему в мастерскую и увижу его, как всегда одержимого беспокойством и радостью. И снова услышу, как он восклицает: «Не копайтесь и не суетитесь над всякой мелочью – в этом мире надо работать и работать».

Батыр ЗАКИРОВ, народный артист.
«Культура», 24 сентября 1976 г.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ПОСЛЕДНЕЕ ЗАВЕЩАНИЕ РУЗЫ ЧАРЫЕВА

В один из летних дней 2004 года я ждал машину на остановке Художников в Ташкенте, держа сумку для путешествий. Мы часто встречались здесь с Рузы Чарыевым, уезжая вместе по намеченному маршруту. Дом Рузы-ака находился недалеко от этой остановки.

В этот раз я от этой самой остановки в первый раз уезжаю в Сурхандарью, чтобы снять фильм о Рузы Чарыеве. Я должен был встретиться здесь с режиссером будущего фильма Собиром Назармухамедовым. Автор сценария фильма поэт Усман Азим позвонил мне и попросил, чтобы я помог режиссеру как консультант и сопровождал его в этом путешествии.

Наконец, приехал Собир-ака. Хотя мы впервые увидели друг друга, но быстро нашли общий язык. И все благодаря Рузы-ака, поскольку главной темой нашего разговора был именно он. Собир-ака снимал обычно художественные фильмы, но в порядке исключения любил снимать документальные фильмы о творческих людях, которых он знал и уважал. «В 1998 году мы встретились с Рузы-ака на кинофестивале Азии, Африки и Латинской Америки и были с ним все время вместе», – сказал он.

Собир-ака своего времени не тратит зря. Он мне сразу сказал: «Сурхандарья находится далеко, времени у нас много. Расскажите обо всем, что связано с Рузы-ака. Это пригодится и при создании фильма, и при написании книги о нем. Договорились? Не обязательно, чтобы это было в хронологическом порядке. Важно вспомнить яркие моменты жизни художника». Я был согласен с ним. По пути я рассказывал все, связанное с Рузы-ака, что оживало в моей памяти, заодно намечая в карманном блокноте предварительный вариант будущей книги. Со временем на бумаге появились следующие заметки:

ХУДОЖНИК И ВРЕМЯ

Создаваемые по стране «Рассом» – художественный комбинат – и его художественный фонд служили идеологии власти и заказывали художникам только произведения «на злобу дня». Рузы-ака тоже пользовался выдаваемыми через художественный фонд денежными сред-

ствами для творческих командировок, ездил во многие края, города и области страны, чтобы заниматься творчеством.

Многие работы, выполненные им, представляли собой в большинстве портреты, пейзажи и натюрморты. Рузы-ака рисовал то, что ему было по душе. Эти его произведения покупали Дирекция художественных выставок при Министерстве культуры (самые лучшие работы художника остались в распоряжении этой организации, которая находится в Москве), музеи и фонд Дирекции художественных выставок республики. Но эти возможности были ограничены в 80-х годах.

Известный искусствовед академик Акбар Хакимов в своей статье «Живопись Узбекистана в XIX–XX веках» писал: «...одни из своеобразных черт изобразительного искусства 60-х – 80-х годов – это обновление традиционных правил изображения, поиск новых, впечатляющих форм, стремление к экспрессивно-символическим методам. Художники постепенно начали освобождаться от правил и железных законов, державших их в своих тисках. Стремление к жизненно-философскому осмыслению начало усиливаться. Этот процесс проявлялся в творчестве таких художников, как Р. Чарыев, Б. Бабаев, В. Бурмакин, Ю. Талдыкин, Н. Шин, стремительно входящих в изобразительное искусство Узбекистана. Выполненные в духе экспрессионизма произведения Р. Чарыева «Сурхандарьинская мадонна», «Невеста», «Наш современник» были новаторскими произведениями своего времени. Но новизна не сразу воспринимается».

Поэтому Рузы Чарыев многие свои произведения, выполненные в разных техниках и стилях, не выставлял, их можно было увидеть только в его мастерской.

ВСТРЕЧИ С РУКОВОДИТЕЛЯМИ

Рузы Чарыев любил встречаться с руководителями. «Рузы-ака, оставьте все это, зачем вам зря убивать время? Руководители очень заняты», – говорил я ему. А он: «Руководителям надо пропагандировать изобразительное искусство, популяризировать его и говорить почаще о художественном творчестве. Просто хочу, чтобы они об этом не за-

бывали. Затем они должны помогать детям-сиротам, преданным людям искусства. Во все времена было так», – говорил он. Рузы Чарыев испытал на себе все невзгоды сиротской жизни и потому сочувствовал людям, стараясь по мере возможности помочь им. Он не жалел своего времени ни для студентов, ни для абитуриентов, ни для больных, всегда уделяя им внимание.

Со своими просьбами Рузы-ака очень редко обращался к руководителям, разве что по творческим проблемам.

В 2001 году Президент Республики Ислам Абдуганиевич Каримов вручил Рузы-ака орден «Эл-юрт хурмати».

УЧЕНИКИ

Рузы-ака говорил, что у него только трое учеников: Бахадыр Джалалов, Адолат Комилова (художник-керамист) и Абдужаббор Эрмуминов. «Когда сами ученики говорят: этот человек – мой учитель, только тогда это соответствует действительности», – говорил он.

Когда Р. Чарыев закончил учебу и возвратился из Ленинграда, он по приглашению известного художника Малика Набиева поступил на работу в Ташкентский педагогический институт имени Низами. Его педагогическая деятельность продолжалась с 1965 до 1970 года. Среди студентов, его учеников, – такие известные художники, как Анвар Мирсагатов, Абдували Муминов, Фахриддин Тахиров. Но он считал своими учениками только тех, имена которых названы выше.

Когда Рузы-ака окончил институт и вернулся на родину, он познакомился с Бахадыром Джалаловым, который учился в Республиканском художественном училище. Окончив училище, Бахадыр уехал учиться в Ленинград. Все эти годы они были близки как отец и сын. Хотя Рузы-ака материально был не очень обеспечен, тем не менее время от времени отправлял Бахадыру денежные переводы. Рузы-ака относился к Бахадыру с особой любовью. Впоследствии Бахадыр стал известным художником.

Вторым учеником Рузы-ака была Адолат Комилова. Она не была живописцем. Тем не менее ею создано несколько пейзажей под непосредственным руководством Рузы-ака.

Третьего его ученика – Абдужаббора Эрмуминова – еще парнишкой Адолат привезла с собой. Рузы-ака устроил его в Республиканский лицей-интернат искусства. Окончив его, Абдужаббор продолжил учиться в Ташкентском театрально-художественном институте. В институте его художественным руководителем был Рахим Ахмедов, однако Абдужаббор приходил к Рузы-ака, чтобы изучать секреты мастерства живописи. Для своей дипломной работы он выбрал тему «Портрет Рузы Чарыева».

Абдужаббор почти жил в мастерской Рузы-ака. Он был замечен благодаря двум-трем работам на выставках, о его работах начали говорить. Рафаэль Такташ написал о нем статью в журнале «San'at», 2001, № 1, где были опубликованы иллюстрации нескольких его работ. К сожалению, Эрмуминов стал реже заниматься творчеством. Рузы-ака возлагал на него большие надежды. Может быть, Абдужаббор еще оправдывает надежды своего учителя...

В декабре 1979 года в здании Научно-исследовательского института искусствознания открылась персональная выставка еще двух учеников Рузы-ака – сурхандарьинских художников Чоршанби Маматкулова (умер в 2009 г.) и Хушвакта Юлдашева (умер в 80-х гг.). На открытии этой выставки во главе с Рузы-ака присутствовали известные искусствоведы, руководители различных организаций, писатели и поэты. Для этих художников, не известных общественности, такое внимание было большой честью. Открытие этой выставки стало возможным лишь благодаря деятельности Рузы-ака. Тогда в прессе, на радио и телевидении о творчестве этих художников были сказаны самые теплые слова. После этого представители местных областных хокимиятов изменили свое отношение к художникам.

Интерес к искусству в Сурхандарье был в то время невысоким. Появлению интереса к профессии художника в Сурхандарье способствовали авторитет и замечательные картины Рузы-ака. В художественные училища, специализированные школы начали прибывать студенты из Сурхандарьи.

РУЗЫ-АКА И СТАРЫЙ МИР

Кто знакомился с творчеством Рузы-ака, тот непременно удивлялся, с каким удовольствием он изображал на пейзажах старые кишлаки, старые города, старые деревья, стариков и старух. На его картинах мы видим развалины древнего города, заснеженные горы, выветриваемые скалы, старую мельницу. «Это уходящий мир. Надо успеть запечатлеть его», – говорил он. Когда я его спрашивал, для чего это нужно, он отвечал: «Чтобы понять его, я должен его нарисовать». Наверное, поэтому в творчестве Рузы-ака образ старины занимает большое место.

В мастерской Рузы-ака было много разного барахла – старые тюбетейки, выцветшие кушаки, чапаны, изношенные шубы, пожелтевшие газеты, журналы, истрепанные письма прошлого века, и еще множество старинных вещей находилось в углах мастерской... «Это – история. Каждая вещь – целый большой мир», – говорил Рузы-ака.

Рузы-ака передал мне как материал для будущей моей книги фотографии, воспоминания, переписку, некоторые книги и журналы.

На каждом из этих журналов и газет стояла подпись Рузы-ака, а в некоторых из них оказались его наброски. Рузы-ака после 1965 года на приобретенных им книгах или журналах или на своих произведениях обязательно подписывался, отмечал дату, место и время. Это вошло в его привычку.

Среди всего этого оказался текст на русском языке, напечатанный на машинке, подписанный художником Абдулхаком Абдуллаевым, «О Чарыеве»: «Прежде чем говорить о Рузы Чарыеве как о художнике и интересной личности, не могу не вернуться мысленно к 1958 году, когда однажды в художественном училище, рассматривая работы учащихся, я заинтересовался рисунками одного студента и изъявил желание с ним познакомиться. Это был Рузы. По моему приглашению он явился ко мне в мастерскую со своими коллегами.

Тут и состоялось наше знакомство. Спустя некоторое время узнаю, что Рузы поступил в Ленинградский художественный институт при Академии художеств. Когда он, блестяще окончив учебу, вернулся, это был уже совсем другой человек. Встретившись с ним, вы не могли отделаться от ощущения, что перед вами восторженный, открытый, живущий только искусством молодой человек. А в манере держаться, говорить, широко жестикулировать, – во всем сверкала жажда дерзаний, жажда творчества. Он произносил каждое слово смакуя, с искоркой сжигавшего изнутри его огня. Видно было, что его устами говорила сама увлеченность, сама страсть.

Это был художник-артист, художник-гладиатор в пору расцвета сил и обаяния. В ту пору мне шел пятидесятый год, и я был на 15 лет старше Рузы – тот возраст, когда начинаешь испытывать признаки некоторой усталости и какой-то не то тяжести, не то подкрадывающейся временами лени.

Именно в эти годы я остро ощутил необходимость встряхнуться, вдохнуть новые веяния. А для этого мне необходимо было, чтобы рядом был молодой и одаренный художник, который заразил бы меня своей энергией, не давал бы делать перерыва в работе, увлек бы в водоворот творческих радостей и творческих мук. Само собой разумеется, лучшей кандидатуры, чем Рузы, я не мог себе представить.

Поскольку тогда я собирался в круиз по западной Африке, мне пришла в голову блестящая идея – пригласить и Рузы в эту поездку. Но это было не так просто: он только окончил учебу, еще не успел как следует устроиться, а тут вдруг – путешествие. Я знал, что это его немало удивит, но тем не менее решил действовать и ошарашил Рузы своим предложением. И что вы думаете? Мне-таки удалось его убедить. И мы побывали в восьми странах и, как показало время,

сделали хорошо, потому что, помимо всего прочего, мы проделали такую работу на теплоходе, которая, наверное, не забудется никогда.

За месяц пребывания в море мы так интенсивно работали, что организовали выставку наших портретов и пейзажей, прочли лекцию об эстетике и были душой всех культурных мероприятий.

К нашему счастью, в эти дни в Сенегале был в полном разгаре Фестиваль африканского искусства, поэтому наш теплоход простоял 4 дня в Дакаре. Мы видели потрясающую демонстрацию танцевального искусства народов Африки. Нашим восторгам не было предела.

Вернувшись домой, полный впечатлений, Рузы написал серию картин, где изобразил танцующих сенегальских женщин. Меня удивила его зрительная память, что далеко не всем художникам дано.

Подводя итог своему рассказу о Рузы Чарыеве, хочу отметить, что он на меня иногда производит впечатление человека, который пришел из сказки – так он экспрессивен в восприятии прекрасного, способен к мгновенной реакции и неутомим в творческой отдаче.

Смотришь на него и думаешь, что вот-вот он явится как вихрь к людям, часто забывающим о прекрасном, и, громко, задыхаясь от восторга, скажет: люди, смотрите, как прекрасна жизнь, как прекрасно искусство, как прекрасен каждый из вас, не забывайте об этом! Спешите насмотреться, долг каждого художника об этом напоминать вам своими произведениями, своим талантом, своим гением!»

Абдулхак АБДУЛЛАЕВ

В ГАЗЛИ

Как-то раз Рузы-ака сказал:

– В Газли произошло землетрясение. Давай съездим туда.

– Мы же не специалисты в области строительства. Что мы будем там делать? – спросил я.

На это Рузы-ака ответил:

– Строителей там хватает. Приезжают из Кавказа, Болгарии. Я буду писать их портреты. А ты напишешь о них. Рустам Шагаев будет их фотографировать.

Мы втроем приехали в Газли. Самый разгар лета. Температура воздуха в тени свыше 50 градусов. В городке очень мало деревьев. Кругом разорение. Большие и малые здания похожи на картину Пикассо «Герника». Все превратилось в какой-то хаос.

Землетрясение произошло утром в 8–8.30. В это время люди шли на работу. Только из-за этого и не погибли. Но в Управлении газа сказали, что трое погибли.

Мы разместились в широкой палатке. Строители, приехавшие из разных республик, из-за рубежа, в частности из Болгарии, несмотря на летнюю жару, работали не покладая рук. А вечером начиналось веселье. Рузы-ака днем наблюдал за работой людей. Зарисовал очертания рухнувшего здания. А когда увидел целый и невредимый тандыр на краю двора разрушенного огромного здания, то закричал: «Эй, посмотрите на это! Хлеб – это истина! Поэтому Бог сохранил этот тандыр!» Потом установил этюдник и с удовольствием написал этот тандыр.

Художник поработал в Газли очень продуктивно. В самое пекло, под огненным ветром – гармсилем, в пыльной степи, художник работал. Проходили дни, и вокруг нашей палатки образовалась своеобразная маленькая выставка. Рузы-ака тогда написал портрет Динары Умаровой, работающей в организации «Газотрубопровод», портрет оператора с отрезанными после автокатастрофы ногами, приехавшего с Кавказа и проходившего здесь военную службу грузинского парня и портреты болгарских девушек. Фотокорреспондент Рустам Шагаев тоже по поручению Уз ТАГа ходил по городку и фотографировал людей. А я сидел под тенью тутового дерева, где температура воздуха достигала плюс 40 градусов и печатал на пишущей машинке статью «Все дороги смыкаются в Газли» для журнала «Гулистон».

Обычно художники любят творить в одиночестве. А Рузы-ака было приятно, что во время работы его окружали не только герои его картин, но и зрители, поклонники, ученики. Он жил с убеждением, что в любой ситуации и в любом месте, в любом состоянии надо работать. Эрнест Хемингуэй тоже был таким. Я часто был свидетелем того, как Рузы-ака, сидя в вагоне метро или на собрании, в ресторане, на свадьбе, рисовал на любой бумажке, попавшейся ему под руку. А если бумаги не было, рисовал на салфетках. Среди знакомых были разговоры о том, что Рузы-ака, когда не находит бумагу, рисует и на страницах паспорта. Но я думал, что это, как обычно, шутка. Но художник сам признался, что это правда. Из-за того, что у него в паспорте было что-то нарисовано, ему не дали визу на поездку в Стамбул.

... Художник использовал все, на чем можно рисовать. Как-то, когда мы отправились путешествовать по горным цепям Туркестана, Зарафшана, Фанским горам, Рузы-ака, увидев вблизи Искандаркула великолепный водопад, пришел в восторг. У него были масляные краски, но не было холста. Тогда он купил в одном дворе того кишлака сумку, сшитую из ткани, изготовленной из кенафа, и, сделав из нее холст, написал прекрасный вид водопада. Интересно, что Государственный музей искусств Узбекистана среди работ, которые были выполнены в эту поездку, купил именно работу «Водопад».

На углу садика Рузы-ака находился гараж, полный различных старых вещей, железяк. На стенке гаража Рузы-ака нарисовал чарующие, пленительные глаза красивой женщины. «То, что приходило в голо-

ву, тотчас же следовало запечатлеть!» – таков был творческий девиз Рузы Чарыева. Во время творческой поездки в Газли Рузы Чарьев, как обычно, использовал все, на чем можно было рисовать: фанеру, картон, коробку из-под конфет, плакаты, канцелярскую бумагу и т.д. Впоследствии все это было использовано им при написании картин. После смерти Рузы-ака я удивился, как много было подобного материала, намного больше, чем я предполагал.

Рузы-ака не только любил писать картины, – он любил петь, например, для участников стройотрядов он исполнял арии из «Пиковой дамы» П. Чайковского, «Отелло», «Риголетто» Д. Верди, «Паяцы» Р. Леонкавалло, поражая всех своим приятным мощным голосом. Он пел также казахские, таджикские, узбекские и татарские песни.

Каждый раз после возвращения в Ташкент Чарьев проводил отчетную выставку в Союзе художников.

РУЗЫ-АКА И ХЛЕБ

Однажды поздней осенью была вечеринка в ресторане «Ташкент». Дастархан был полон. Наш разговор по большей части был о творчестве, об изобразительном искусстве. Наконец, гости стали расходиться. Смотрю, а Рузы-ака взял 4 лепешки, оставшиеся на дастархане, и положил в свою сумку. К черной, красной икре, другим яствам даже не притронулся. Тогда считалось, что забирать с собой еду неприлично, а если что-то нужно было взять, надо было сказать официанту. «Рузы-ака, оставьте это, неудобно как-то. Что подумают люди о Вас? Скажут, что Вы нуждаетесь в хлебе», – сказал я ему. А Рузы-ака: «Ты не понимаешь, сейчас пойдем к Муртазо. Сегодня он защитил дипломную работу. Вот увидишь, у него дома не окажется хлеба». Мы вышли на улицу. Наши друзья зашли в гостиницу. «Рузы-ака, может, домой поедем?» – спросил я. «Муртазо ждет», – ответил он. С нами был еще кто-то. Мы шли пешком по обочине дороги. Когда прошли метро «Космонавтов», увидели ехавший трактор «Беларусь». Рузы-ака поднял руку, и трактор остановился. Кое-как разместившись в кабине, доехали до дома Муртазо, находившегося возле Бурджара. Веселье продолжалось. «На дастархане все есть, но вот хлеб кончился», – сказал Муртазо. Рузы-ака, посмеиваясь, торжественно начал вытаскивать из сумки лепешки. «А как вы узнали, что хлеб кончился?» – с удивлением спросил я. Он посмотрел на меня и ответил: «Вот видишь, как получилось».

Даже когда хлеба было вдоволь, он с этой привычкой никогда не расставался. Черствый ли, горячий ли хлеб – не имело никакого значения, он его обязательно брал с собой, потому что вырос сиротой, все трудности, в том числе и голод, испытал на себе. Поэтому очень ценил хлеб...

СРЕДИ ЛЮДЕЙ

Однажды в машине марки «Москвич» мы с Рузы-ака поехали из Ташкента в Сурхандарью – в наш кишлак Пашхурд. В машине были художник Алишер Мирзо и скульптор Дамир Рузыбаев. До Пашхурда больше 700 км. Где бы мы ни останавливались, всегда происходило что-либо интересное. Так, на хлебном базаре недалеко от Самарканда, на повороте на Термезскую дорогу, девушки – продавщицы хлеба – шептались, подталкивая друг друга: «Вон, смотрите, Рузы-ака приехал». Рузы-ака тут же вытащил блокнот и нарисовал их. На маленьких ли остановках, на небольших ли рынках, находившихся на горных дорогах и в степях, люди сразу узнавали Рузы-ака, здоровались с ним, некоторые из них были знакомы, некоторые – совершенно чужие. Рузы-ака всем широко открывал свои объятия, расспрашивал их о жите-быте. Дамир Рузыбаев, наблюдавший все это, спросил, когда мы приехали в Пашхурд: «Рузы (хотя он был намного моложе Рузы-ака, он привык так к нему обращаться), когда ты только успел познакомиться со столькими людьми, просто удивляюсь!» Я только улыбался. У меня невольно появилась идея: если снимать все сцены, где Рузы-ака общается с людьми, получился бы удивительный фильм.

Всех удивляло, как Рузы-ака легко находит общий язык с людьми, как легко становится своим среди них. Рузы-ака привлекает людей своей удивительной простотой. Открытая душа его как магнит притягивает людей к себе. Он смотрел на людей, на природу, на окружающую его среду с бесконечной любовью, никогда не ставил себя выше других. Душа простодушного и наивного, как ребенка, художника была далека от зависти, злобы, ненависти, иронии, насмешек. Поэтому народ тянулся к нему. Каждое его слово, сказанное на юбилеях, свадьбах, волновало, затрагивало душу. Я никогда не забуду его слова, сказанные в Байсунском доме милосердия. Тогда он обратился к собравшимся с такими словами: «Эй, мать, эй, отец! Эй, Сурхандарья!» Потом спел печальную песню, и у всех на глазах стояли слезы. Говорил очень выразительно. Его друзья подтверждают, что он нигде, никогда не говорил долго и скучно. Люди всегда с интересом слушали его. «Рузы-ака, откуда Вы только находите слова?» – спросил у него однажды журналист Фолкин.

Когда Рузы-ака хвалили, он смеялся: «Ой, хвалите, хвалите! Я еще не умер. Говорят, если хочешь убить своего врага, то хвали его». Подобные афоризмы он оставил и в своих карманных блокнотах.

Карманные блокноты, маленькие альбомы – любимые предметы художника. Рузы-ака всегда пользовался ими в поездках. Тому свидетельство – оставшиеся после его смерти сотни альбомов и карманных блокнотов. Я перелистываю альбомы с вариантами эскизов, сделанными не только в поездках по Узбекистану, но и в его продолжительных

поездках по российским городам и областям, Чукотке, Арктике, Тикси, озеру Байкал, Братской ГЭС, Норильску, Якутии, Румынии, Швеции и др. В этих блокнотах наряду с зарисовками людей, пейзажей содержатся сделанные художником записи о встречах с новыми людьми, их телефоны и адреса. Их бесконечно много, всех не перечесать.

В жизни Рузы-ака были как радостные события, так и печальные дни, которых было немало. О плохом Рузы-ака старался не говорить.

Чтобы не тревожить душу Рузы-ака, эта книга не о его печалях и горестях, а, наоборот, о светлых и прекрасных днях его жизни. Потому что он уже при жизни для многих людей был символом света.

«ЗДРАВСТВУЙ, НЕБО, ЗДРАВСТВУЙ, ЗВЕЗДА, ЗДРАВСТВУЙ, ЧЕЛОВЕК!..»

... Массив Урта овул, вблизи Ташкента. Когда-то сюда из Сурхандарьи переехал Эргаш Чарыев и пригласил всех земляков, живущих в Ташкенте, к себе на свадьбу. В один из летних дней мы поехали на свадьбу, когда было уже темно. «Рузы-ака, уже поздно. Это очень далеко, может, не поедем?» – спросил я. «Поедем, земляк с таким уважением пригласил нас. Кроме того, его фамилия тоже Чарыев», – ответил он.

Когда мы прибыли, пир уже давно начался. Даже здесь Рузы-ака начал делать в карманном блокнотике зарисовки людей, находившихся рядом с ним. В этот момент Рузы-ака дали слово. Рузы-ака, держа микрофон в руках, вышел на середину. Подняв руку к небу, он громко сказал: «Здравствуй, небо!» Гости, наверное, приготовились услышать обычные привычные поздравления. Но, услышав слова Рузы-ака, все от неожиданности притихли. «Здравствуйте, звезды!» – продолжил он. Наступила полная тишина. «Здравствуй, луна!» – сказал художник. На небе действительно сверкали звезды, и луна, как будто зачарованная этими словами, светила над нашими головами. Гости, приехавшие на свадьбу, удивленно смотрели на этого удивительного, странного человека, ожидая, что же еще он скажет. «Здравствуй, земля!» – продолжал Рузы-ака. Потом, повернув голову к людям: «Здравствуй, человек!» И только после этого приблизил микрофон к себе и печально, громко спел узбекскую классическую песню – маком. Этим он как бы изливал свои печали, накопившиеся у него на душе.

«Рузы-ака сделал все как следует, надлежащим образом», – сказал сидевший рядом со мной Файзулла Кылич. – Понял его или не понял народ – не знаю, но в его словах очень много смысла.» – «Раз сам юрист так хорошо понял его, другие тоже поймут. А остальное Рузы-ака объяснит своими произведениями», – сказал я.

И действительно, вскоре Рузы-ака открыл в Кашкадарье выставку «Земля и Небо». Он часто посещал Кашкадарью, бывал в Шахрисабзе, Мираки, Китабе, в горных кишлаках Хисора, создавал множество пейзажей. Открывая в 1990 году в областном театре его выставка «Земля и небо» была созвучна его словам, сказанным на той свадьбе в Ташкенте. На выставке были представлены портреты людей, живущих на этой земле: Тожиддина Муродова, Зиеды-момо, Маматкула Раджабова. Образ Зиеды-момо, которая всю жизнь жила памятью о муже, не вернувшемся с войны, был увековечен в стихотворении Абдуллы Арипова «Женщина». Она одна воспитала троих сыновей. Рузы-ака познакомился и подружился с Комилом Амировым – сыном Зиеды-момо, посетил его дом. Увидев Зиеду-момо, он попросил разрешения написать ее портрет. Таким образом и в изобразительном искусстве был создан образ Зиеды-момо. Глаза старой женщины полны тоски. Но ее взгляд полон любви к жизни, чувства удовлетворения своими детьми. Этот портрет сейчас находится в доме ее сына К. Амирова.

Когда художник произносил тост на свадьбе, он одно слово – слово «человечность» – связал с целым космосом. На самом деле он стремился показать это на практике, в своих произведениях.

«БЕРУНИ-НАМЕ» ХУДОЖНИКА

Одно только слово, сказанное художником на свадьбе, напомнило мне множество случаев... Берег Амударьи. Звездное небо. Вся вселенная в тишине. Изображенный во весь рост Беруни стоит на берегу реки. Он как будто тихо шепчет те слова, которые произнес Рузы-ака на свадьбе: «Здравствуй, небо! Здравствуйте, звезды! Здравствуй, дерево! Здравствуй, человек!»

Картина «Беруни» занимает особое место в творчестве Рузы-ака. Это произведение хранится в Государственном музее искусств Узбекистана. Я наблюдал за процессом создания этой работы. Хочу рассказать случаи, связанные с процессом создания этой картины. В 1970 году я работал главным редактором по диафильмам в кинохронике

Узбекистана. Тогда в Узбекистане впервые начали выпускать на основе сказок на узбекском языке диафильмы на исторические темы. В те годы это было сенсацией. Эту мою идею поддержал директор киностудии, кинорежиссер Малик Каюмов. На основе ряда таких узбекских легенд, как «Ширак», «Томарис» и некоторых сказок были написаны сценарии и был начат выпуск диафильмов на узбекском языке. Я привлек к этому делу молодых художников, только что окончивших институт. А на диафильм «Беруни» пригласил Рузы-ака, как раз в то время работающего над образом Беруни. Мы долго беседовали с ним об этом великом человеке.

– Рузы-ака, как вы создаете этот образ? По описанию его современников или же его изображение осталось в миниатюрах?

– Сведений о Беруни очень мало. Я долго искал, расспрашивал. Но произведений с его изображением не нашел. Поэтому читаю его труды.

Рузы-ака рассказал о книгах Беруни «Индия», «Минералогия», «Сайдана», «Памятники, оставшиеся от древних народностей» (две из этих книг сохранились у меня).

– Рузы-ака, почему Вы изобразили Беруни без чалмы на голове? У всех восточных мыслителей и ученых на голове чалма. Ведь Беруни тоже был мусульманином? – спросил я.

– Я тоже над этим много раз ломал голову. Если бы я его представил таким же, как все, с чалмой на голове, то он бы был похож на одного из предводителей шариата. Но он и к другим религиям – христианству, зороастризму, иудаизму и буддизму относился толерантно, не ограничивался только исламскими убеждениями. Беруни был самоотверженным, преданным науке великим человеком. Правду жизни он понимал в широком смысле, как суфий. Поэтому я изобразил его с кулохом (конусообразная шапка дервишей) на голове, а на нем хирка (власяница – одежда дервишей) и джубба (верхняя одежда с широкими рукавами).

Чтобы создать этот образ, Рузы-ака сделал сотни эскизов. Но из них только два он считал законченными и демонстрировал их на выставках. На одном из полотен Беруни изображен во весь рост. На заднем плане находится Амударья, а издали виднеются руины старого Ургенча. На небе – полнолуние и множество звезд. На второй картине художник изобразил Беруни с прибором в руках, измеряющим земной шар.

В карманной книжке Рузы-ака, хранящейся у меня, записаны сотни афоризмов, изречений и мудрых слов Беруни. «Снова и снова повторял я эти изречения и мудрые слова, и только тогда появился перед моими глазами облик человека, высказывавшего это», – сказал мне художник.

Сотни эскизов, созданных Рузы-ака для картины «Беруни», не пропали даром. Мы использовали их для диафильма.

На основе образа Беруни, созданного Рузы-ака, скульптор Абдумин Бойматов создал скульптуру Беруни. А. Байматов – уроженец города Кува Ферганы. Он окончил факультет скульптуры Ленинградского института живописи и искусства. А. Байматов и Рузы-ака вместе пережили тяжелые и хорошие дни, все превратности судьбы. Долгие годы они были близкими друзьями. В семидесятые годы по рекомендации Рузы-ака я написал о Байматове статью, опубликованную в газете «Ўзбекистон маданияти». Впоследствии попросил его написать также статьи, посвященные проблемам искусства, для журнала «Ўзбекистон».

«БЫВАЮТ ЛИ ЧУДЕСА В ИСКУССТВЕ?»

В 1989 г. журнале «Ўзбекистон санъати» была опубликована статья Рузы Чарыева «Бывают ли чудеса в искусстве?», в которой речь шла о творчестве писателя Евгения Березикова, государственного и партийного деятеля того времени. Рузы-ака писал, что у этого художника свой стиль, не похожий на стиль других, хотя он и не получил никакого образования по изобразительному искусству. Подчеркивал, что рисует он как художник, но результаты еще покажет будущее.

Однажды на страницах журнала «Иностранная литература» Рузы-ака увидел произведения эскимоски Питсиолак из Канады, рисующей точно как Евгений Березиков. Тогда у Рузы-ака пропало настроение. «В искусстве, наверное, возможны случайные повторы», – как бы оправдывал он Березикова... Его приводило в восхищение и то, что Березиков всегда с определенным интересом относился к культуре и искусству Средней Азии, собирал редкие старинные предметы, рукописи, старинные книги. Когда Рузы-ака посетил дома Березикова в Шахрисабзе и Самарканде, он увидел множество антикварных предметов. Среди них была старинная дверь, прекрасная роспись которой вызывала восторг и восхищение человека, ее лицезревшего. «Вот чему надо учиться у него! – сказал тогда мне Рузы-ака. – Знаешь что, если сейчас я попрошу у него что-нибудь из этих вещей, он ни за что мне не даст!» «Попросите-ка, может, даст», – сказал я не очень уверенно. Рузы-ака попросил у хозяина одну книгу. «Ладно, потом дам», – сказал Березиков. Но вместо этой книги подарил ему другую, изданную в Москве.

Надо признать, что Березиков всегда старался оказать практическую помощь Рузы-ака. Он был поклонником его таланта. В то время среди партийных деятелей покровителей искусств было очень мало.

ДРУЗЬЯ И ПОКЛОННИКИ

Если бы Рузы-ака был сейчас жив, составить такой список было бы одновременно и легко, и трудно. Ведь Рузы-ака любого человека, который приходил к нему поговорить или просто полюбоваться его картинами, считал своим другом. Я знаю и тех, кто относился снисходительно к Рузы-ака. Во время материальных затруднений, когда он едва сводил концы с концами, ему предлагали незначительные суммы, забирая взамен бесценные произведения художника.

У Рузы-ака было много настоящих поклонников, стремившихся поддержать его во всем. В их числе – друзья Рузы-ака с 1966 года Аьло Махсумович Ходжаев, Тилла Менгилев, Комил Амиров, Нормумин Туропов и др.

Но у Рузы-ака друзья были не только в Узбекистане, но и везде, где он побывал.

ЧУДЕСНЫЕ КРАСКИ

“Образы, созданные художником, своей теплотой и яркостью изображений приводят в восторг человека, согревая его душу. Я помню, как один мой друг, искусствовед, сказал: «Перед произведениями Рузы Чарыева очень легко дышать». Любой человек, хоть один раз видевший «Сурхандарьинскую мадонну», обязательно согласится с ним.

Вот картина «Шелковое сюзана». С теплотой и нежностью отображен внутренний мир невестки, довольной своим созидательным трудом. Только что законченное сюзана служит художественным средством для отображения ее духовного мира.

Портретный жанр в творчестве Р. Чарыева занимает важное место. Близкое знакомство с портретами, принадлежащими кисти художника, такими, как «Алишер Навои», «Икрам Акбаров», «Кутлуг Башаров», «Батыр Закиров», «Галина Пугаченкова», «Таджиддин Мурадов», «Афганский генерал Казыхан», невольно очаровывает. Зритель видит людей с сильным характером, целеустремленных, с горячей душой, с чувствами, бьющими через край, людей с силой воли и стремлением к подвигу. Достоинны внимания портреты когда-то своим честным трудом прославивших Узбекистан, но сейчас почти забытых Абдусаттора Курбанова, Чиннихол Худоёровой, Адолат Вахобовой, Шоймардона Кудратова, Тура Кувватова.

Я бы поставил в ряд с классическими произведениями художника еще одну большую работу – «Портрет Адолат». Облик безвременно ушедшей из жизни художницы – талантливой ученицы Рузы Чарыева, его настоящей поклонницы Адолат Комиловой – вызывает горечь

утраты и навеивает печаль. Как бы вы ни старались, вы не сможете взглянуть в глаза Адолат. Печаль, горе и трагедия, отражающиеся в ее глазах, не дадут вам такой возможности. Это произведение – своего рода реквием, посвящение памяти художницы, так рано прерванными нитями ее жизненных уз. Отличительная черта этого портрета от других произведений в том, что жизнь простого, скромного человека приобрела в нем высокое звучание.

В последние годы произведения Рузы Чарыева успешно выставлялись в более чем двадцати странах мира. В их числе Румыния, Италия, Турция, Швеция, Греция, Кипр, Мальта, Маракеш, Египет, Сенегал, Вьетнам, а также Россия (Москва, Санкт-Петербург). Видный деятель современного западного изобразительного искусства, прогрессивный итальянский художник Ренато Гуттузо, посмотрев у себя на родине выставку узбекского художника, сказал: «Рузы Чарыев открыл для меня новый мир!»

Журналист Шерали СОКИН

ЕСЛИ ПОЖЕЛАНИЯ ОТ ДУШИ...

Детство Рузы-ака прошло в детских домах. Существовавшая в стране идеология атеизма не дала ему возможности быть посвященным религиозному учению. Хотя он не знал наизусть аяты и молитвы из Корана, но всегда чтил чистую душу наших великих предков, всегда посещал с большим почтением могилы святых.

Я помню, в 80-е годы в Ташкент приехала моя знакомая поэтесса Сирье Кийн Рутсоо из Эстонии. Она сказала мне, что хочет побеседовать с муфтием Исламского университета уважаемым Мухаммад Садык Мухаммад Юсуфом, находящимся в ведении религиозного управления Средней Азии, и пойти вместе с ней к нему. Мы пошли в институт. Господин муфтий Мухаммад Садык Мухаммад Юсуф спросил меня, откуда я родом. Когда я сказал, что из Шерабада, он сказал: «О-о, Вы, оказывается из святых мест. Считающийся в мире ислама великой личностью прах хадисоведа Исы ибн ат-Термези находится в Шерабаде». И уважаемый муфтий, показывая на стоящие рядами на полке книги ибн Исы ат-Термези, написанные на арабском языке, сказал: «Когда будете в Шерабаде, обязательно посетите могилу уважаемого».

Когда мы вместе с Рузы-ака поехали в Шерабад, я сказал об этом председателю исполнительного комитета Пайгамову. Он, подтвердив слова, сказанные муфтием, объяснил нам, что гробница находится в кишлаке на другом берегу реки. Мы поехали туда. Гробница, по-

строенная в XI веке, была со всех сторон окружена осыпавшимися стенами и могилами и находилась в ужасном состоянии. Рузы-ака был очень расстроен, увидев заброшенным этот редкий памятник старины. «Я в 50-е годы эти места обходил пешком. Почему я тогда не увидел эту гробницу? По-моему, местные жители, чтобы спасти от безбожников гробницу этого высокочтимого человека, обнесли ее глинобитным дувалом...». Подробности этой поездки я тогда опубликовал в газете «Ўзбекистон адабиёти ва санъати». Рузы-ака, чтобы отреставрировали это здание, многократно обращался в разные учреждения, организации, обивая их пороги. Благодаря стараниям художника это место было кое-как отреставрировано. После обретения Узбекистаном независимости эта святыня и гробница были заново отреставрированы, согласно международным стандартам, за счет средств государства и превратились в одно из самых благоустроенных почитаемых мест. Если Рузы-ака было сюда по пути, он обязательно бывал на этом святом месте. Он старался посещать и другие святыни и гробницы. В первые годы независимости мы с ним поехали в Кунградский район Каракалпакстана. Нам сказали, что вблизи Устюрта находится древнее кладбище и святилище. Художник сказал: «Поедем туда». И мы поехали. Рузы-ака очень удивился. Здепнее кладбище, по словам художника, напоминает некрополь – маленький макет итальянских городов. То, что мы увидели здесь, напоминало когда-то цветущий город. «Эти места надо благоустроить, организовать международные туристические маршруты», – сказал художник каракалпакским друзьям. Хотя Рузы-ака не был религиозным человеком, он стремился узнать историю религий, стараясь больше читать на эту тему. Если кто-то начинал хвалить только ту религию, в которую верил, а религию других народов начинал принижать, Рузы-ака был недоволен. С такими людьми он даже не спорил. Рузы-ака спорил только по вопросам искусства, творчества. Что касается других тем, он терпеливо выслушивал собеседника, не отрицая, не подтверждая сказанного. Всегда давал возможность собеседнику спокойно высказаться. Рузы-ака больше всего интересовала получаемая информация, образ мысли собеседника, он использовал это в своем творчестве.

«МЫ НЕ ХУДОЖНИКИ, А ЖИВОПИСЦЫ»

Как-то я попросил Рузы-ака сделать иллюстрации к моей новой повести, публикующейся в журнале «Ёшлик». Рузы-ака – не книжный график. Я сказал это, чтобы испытать его. «Ну, ладно, попытаюсь, – сказал он. – А сюжет, может, расскажешь сам? Когда я читаю книги на узбекском языке, некоторые моменты не очень хорошо понимаю.»

Рузы-ака хорошо знал разговорный узбекский язык, но когда дело касалось литературного, то ему было сложновато. Я рассказал один эпизод из моей повести и описал действия его героя. «На кого он похож из нашего кишлака?» – спросил Рузы-ака. Я сказал: «Он похож на вашего родственника Холмирзу, сирота». «Все, все, лишних слов не надо», – сказал он. Иллюстрация получилась отличной. Когда она была опубликована в журнале, у Рузы-ака увеличилось число заказов от писателей. «Скажи им, что я не книжный график», – сказал он.

Впоследствии Рузы-ака иллюстрировал рассказ Эркина Аъзамова, опубликованный в журнале «Гулистон». Из работ, выполненных им по книжной графике, были лишь эти две. Правда, иллюстрации напоминали не графике, а произведения живописи, картины. В те времена некоторые наши друзья-писатели обижались на Рузы-ака: неужели такой знаменитый художник не может нарисовать для книги картинку? Когда об этом услышал Рузы-ака, он долго смеялся. «Ты не сказал им, что я не талантливый?» – сказал Рузы-ака, никогда не обижающийся из-за пустяков. Он с сожалением говорил, что некоторая часть нашей интеллигенции не видит различий между художниками-графиками, книжными иллюстраторами, художниками-станковистами, монументалистами, миниатюристами, художниками-декораторами и т.д. «Ладно уж, если этого не знают дехкане или же люди профессий, далеких от искусства... Но то, что интеллигенция не знает – это непростительно», – говорил он.

Когда Рузы-ака приезжал в кишлаки, он любил проводить своего рода «ликбез». Он не ленился объяснять, чем же отличаются художник-оформитель и живописец. Для этого были причины. В некоторых местах оформителя тоже называли художником. Так, один из представителей высокого руководства Сурхандарьи назвал Рузы-ака оформителем. Видимо, Рузы-ака понял, что нелегко объяснить другим, что художники отличаются спецификой своего труда, поэтому в последнее время говорил: «Мы не художники, а живописцы». Рузы-ака до конца своей жизни с удовольствием рассказывал людям об изобразительном искусстве. В этом отношении он брал пример со своего учителя Абдулхака Абдуллаева.

ПО НАТУРЕ СВОБОДЕН, В ТВОРЧЕСТВЕ СЕРЬЕЗЕН....

Рузы-ака всегда стремился к свободе, не любил однообразный шаблонный образ жизни. Именно эти качества заметны в его творчестве. В творческом процессе художника были присущие только ему такие строгие порядки, которые он соблюдал, в том числе берег время и рисовал в любой ситуации. Даже перед смертью Рузы-ака нарисовал

фломастером какой-то черный объект, похожий на колодец. Знать и чувствовать искусство как образ жизни, везде и всегда искать красоту было его жизненным кредо, его убеждением, неизменным принципом жизни. Все остальное для него было второстепенным.

Когда Рузы-ака приходил в восторг, он всегда говорил: «Гениально!». Он любил повторять вот эти строки из одного стихотворения Улмаса Джамола: «Человек приходит в этот мир с болью и уходит с болью». «Великий святой суфий Руми сказал: «Если хочешь победить своего врага, не бей его, не брани, только хвали. Хвала убивает любого человека», – говорил он молодым художникам. «Эй, человек, будь сдержанным, спокойным, это и есть правда», – говорил он, если поучал кого-то или давал наставления. Когда у него спрашивали: «Как Ваше здоровье?», он отвечал: «Слава Богу, не умираю». Этими словами он как бы напоминал, что для человека жить в этом мире – ни с чем не сравнимое благо.

Он не любил любезничать с человеком, спрашивая его о житье-бытье, а сразу переходил к делу. Но его неординарные поступки в отношении традиционных обычаев и обрядов ему очень шли, он поднимал этим настроение людей, это оживляло любой круг. Как-то мы поехали в Сурхандарью, чтобы провести юбилейный вечер памяти поэтессы Раъно Узаковой и поэта Теша Сайдалиева. Появление Рузы-ака сразу оживило скучную официальную атмосферу. Он спокойно мог сказать большим чиновникам: «Не будьте такими серьезными и официальными, будьте прямодушными в кругу друзей». Или всегда находил какое-нибудь подходящее по теме слово. От этого любой руководитель, даже будучи мрачным и угрюмым, становился веселым. Поэтому некоторые говорили, что Рузы-ака не только художник, но и большой артист. «Если бы Рузы-ака не был художником, то обязательно был бы знаменитым певцом», – говорила знаменитая певица Муножат Юлчиева. Сам же Рузы-ака шутил, что если бы он не стал художником, то был бы боксером. Когда он жил в детском доме, то занимался боксом у Владимира Кадырова, который впоследствии стал известным государственным и партийным деятелем, первым секретарем обкома партии Самарканда. Об этом человеке Рузы-ака говорил много теплых слов. Когда бывал на кладбище Чигатой, то всегда посещал его могилу, считая его своим наставником. Говорят, что этот человек был очень справедливым, боролся с мафией и стал ее жертвой.

Однажды Рузы-ака радостно сообщил:

– Дуста увидел. Знаешь, он теперь возглавляет Дом кино.

– Знаю, – сказал я.

– Там, в «Доме кино», я как-то написал картину, где изображены все знаменитости. Так вот, эту работу надо отреставрировать. Мурод сказал, что дадут денег. Я ответил, что денег не надо, нужно только на краски. И еще я сказал Муроду, что хокимият Сурхандарьи во главе

с Мадартовым (в то время он был заместителем хокима), сказав, что будут организовывать галерею, забрал больше пятидесяти больших и маленьких работ бесплатно. А у меня один пейзаж стоит семьсот тысяч сум. Мурод засмеялся: «Пошли, заплатим задолженность за квартиру.» Я сказал, что из-за неуплаты телефон тоже отключен.

Следует сказать, что Мурод Мухаммад Дуст очень уважал Рузыака и сделал для него много доброго. Сразу после смерти Рузыака по инициативе Дуста был снят документальный фильм о нем. На презентации фильма Мухаммад Дуст сказал мне: «Только познакомившись с ним, все более приближался к нему. Только-только начали понимать друг друга. Мы хотели совершать большие дела, хотели вместе сотрудничать. Опоздали. Вообще, мы все время опаздываем».

Немного погодя Мурод Мухаммад Дуст посетил опустевший садик Рузыака и сказал: «Нодир, найди спонсоров, вместо этого садика хорошо было бы построить Дом-музей». Я надеюсь, что это предложение когда-нибудь будет воплощено в жизнь.

Когда Рузыака смотрел фильм «Коротышка и див», снятый по сценарию Мурода, он отметил: «Хороший фильм. Води меня почаще на такие фильмы». Вскоре я повел его на презентацию фильма «Любовь», снятого на основе сценария Усмона Азима. «Киногерой очень похож на меня», – сказал Рузыака. Он любил смотреть фильмы и рассказывал, как в молодости смотрел такие фильмы, как «Тарзан», «Фанфан Тюльпан» и др.

КРИТИК, КОТОРЫЙ ПРЕВРАТИЛСЯ В ДРУГА

В середине восьмидесятых годов искусствовед Абдулхай Умаров в отчетном собрании, посвященном 50-летию Союза художников, заявил: «Ряд портретов Рузы Чарыева с идейной и художественной стороны слабы».

Вскоре эти слова прозвучали и в статье, опубликованной в журнале «Ўзбекистон санъати». Следует отметить, до этого в газете «Правда» была напечатана статья о проходившей в Москве Всесоюзной выставке, где из числа художников Узбекистана особо выделен был только Рузы Чарыев и отдельно отмечено его произведение «Шелковое сюзане», что свидетельствовало о росте его авторитета в мире искусства, в правительственных кругах страны.

В работах каждого художника, в том числе и Рузыака, имелись недостатки, но в данном случае была не критика, а открытое нападение. Художник понял причины этого. Таким образом наносился удар старым руководителем творческому работнику, который мог стать кандидатом на место председателя Союза художников. Каждый художник должен был принимать сторону руководителя и следовать только его

указаниям. А Рузы-ака так не поступал, он хотел жить и творить свободно, в спокойной обстановке.

Рузы-ака написал портрет того искусствоведа, который критиковал его в прессе. На этом портрете был изображен человек, который чем-то недоволен, рассержен и раздражен. Таких людей Рузы-ака жалел, беседуя с ними, он стремился понять их внутренний мир. Критик познакомился ближе с творчеством Рузы-ака. Поняв суть произведений художника, он признался, что изменил свое мнение о его работах. Таким образом Рузы-ака превратил своего критика в друга, в человека, дающего объективную оценку. «Переход» искусствоведа на сторону Рузы-ака очень разозлил руководителя Союза художников, и отношения между ними испортились.

МОНОЛОГ

Когда Чарыеву исполнилось пятьдесят лет, я попросил писателя Шукура Холмирзаева написать о нем. «Я тоже думал об этом», – сказал он.

Однажды я пришел в мастерскую, а там Шукур-ака. А художник, как молодой актер, выступающий впервые со сцены, произносил речь: «Помню, как пришел в детский дом «Сурхан». Мне было одиннадцать лет. На мне – бязевая рубашка, длинная, до колен. Дети купались в озере. Крик, шум, гам, друг друга обливают водой. И еще, знаешь, на воде радуга... Как играет радуга! Как переливается! Это просто сказка! А я все шел и шел. И упал в озеро. Озеро глубокое. Стал тонуть. Двое взрослых парней меня вытащили...

В детдоме была воспитательница Елена, эвакуированная из России. Она организовала изостудию, где мы копировали знаменитые картины. Мне она предложила скопировать картину Васнецова «Три богатыря». Сначала я не справился, потом еще как скопировал! Елена похвалила меня, сказала: «Ты будешь художником». Я никогда не забуду Елену. Некоторые свои произведения, если в них изображаю красивую, искреннюю русскую женщину, называю «Еленой».

Директор детдома послал меня в Ташкент, в ФЗО (фабрично-заводское обучение), не послушался Елену, настоял на своем. Я убежал из Ташкента на товарном поезде, много страдал... Вернулся в Сурхандарью, сказал, что я беглец. Обрато меня в детдом не приняли.

Был один туркмен по имени Бобокул. Я называл его «ака». Я рассказал ему обо всем. Он спросил у меня: «А ты еще рисуешь?» – «Да. Я буду художником», – сказал я. Он повел меня на базар, купил еду. Там сидел один инвалид и тоже кушал. Это был Гриша, художник из Промкомбината. Хороший человек. Меня отдали ему в ученики. Он

писал лозунги, рисовал плакаты. Жили мы в Клубе железнодорожников. За месяц я научился всему, что он знал. В месяц он платил мне 7 рублей, но я голодал. Однажды он куда-то ушел, а я был ужасно голоден. Зашел в буфет. На столе лежал хлеб. Я тихонечко украл его и вышел на улицу. Потом раскрыл ладони – вот так. «Я стал вором! Стал вором!» – сказал сам себе. Вернулся в буфет, сказал: «Тетя Полина, я украл у Вас этот хлеб». Я подумал, что она меня побьет, а она заплакала. «Ну, что ты, сынок!» – и обняла меня. А потом, знаешь, она каждый день давала мне еду, хлеб. Потом пришел Гриша и устроил меня в Термезский детдом.

Когда я учился в школе, услышал, что в краеведческом музее есть изостудия. Ее руководителем была Попова Наталья Николаевна, а директором музея был Гавриил Васильевич Парфенов, археолог. Я ему понравился, и он меня взял в кружок краеведения. Нас повели в Зараутсай, прямо около Пашхурда. На скале были рисунки древних людей. Гавриил Васильевич сказал: «Вот колыбель искусства! Рузы, люби эту землю!» Я думаю, что именно этот человек заинтересовал меня историей нашего края. А потом я обошел пешком чуть ли не весь Узбекистан – Бухару, Самарканд, Хиву, Варахшу! Особенно Сурхандарью. Болалыктепа, Сапаллитепа, Халчаян, Айртам.... Ведь Сурхандарья – колыбель античного искусства! Я очень благодарен Парфенову. Большое влияние на меня оказал еще один человек, когда я учился в Ленинграде – учительница Галеркина. Она сказала: «Пойдемте, посмотрим Восток, Бехзода!» Посмотрел... У нас писать солнечный день, воздух очень трудно. Писать желтыми красками я научился у Бехзода. «Рузы, видишь – это твоя родина!» – сказала наша преподавательница. Эти слова очень подействовали на меня. Поверишь – я так люблю Узбекистан, но открыл его только в Ленинграде! Вообще, там я открыл для себя Запад и Восток.»

Шукур-ака использовал эту пламенную речь в своем эссе «Мой друг Рузы Чарыев, или беседа одного вечера».

В МАСТЕРСКОЙ РУЗЫ ЧАРЫЕВА

Однажды мастерскую художника посетил известный московский поэт, главный редактор журнала «Юность» Андрей Дементьев. Художник встретился с ним в 1969 году, они стали закадычными друзьями. Художник написал портрет поэта во весь рост.

Андрей Дементьев посвятил Рузы Чарыеву стихотворение, которое было напечатано в одном из его сборников.

В мастерской у художника был и журналист Анвар Джурабаев. Он взял у Андрея Дементьева для журнала «Санъат» следующее интервью:

– Значит, Вы с ним давно знакомы. И как часто посещаете его мастерскую?

– Когда приезжаю в Ташкент, каждый раз посещаю мастерскую Чарыева. Прежде всего, он меня очаровал поразительной работоспособностью. Рузы – очень талантливый художник. Вы, узбеки, должны гордиться, что у Вас есть такой творческий человека. Я изумился, увидев, как народ его любит! Талант должен быть правильно, соответствующим образом оценен! Вообще, Чарыев – удивительный человек и большой художник. Сколько бы теплых слов о нем ни говорить – все равно будет мало.

– В Вашем стихотворении есть строки: «звучит Моцарт... Очарован художник» – наверное, Вы восторгаетесь тем, что Чарыев неравнодушен к музыке, не так ли?

– Я не только пришел в восторг от этого, но был очень удивлен тем, что в мастерской Рузы есть 500 пластинок с классическими песнями и мелодиями! Чарыев знает творчество Бетховена, Листа, Моцарта, Чайковского. Если бы Вы только видели, как он, слушая классическую музыку, пишет свои картины!

В тот день поэт попросил писательницу Дину Рубину написать статью для журнала «Юность». Эта статья и иллюстрации произведений художника были опубликованы в одном из номеров журнала тех лет.

СВАДЬБА В ПАШХУРДЕ, СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ КИНО

В середине 80-х годов прошлого столетия по заказу «Узбектеелефильма» было решено снять фильм о художнике Рузы Чарыеве. Осень, ураза, а по сценарию художник должен был присутствовать на чьей-либо свадьбе в кишлаке. Поскольку во время уразы все свадьбы отменялись, у режиссера голова шла кругом, он не знал, что делать. Тогда подполковник милиции Эргаш Мадалов обратился к своему родственнику Темиру Одилу: «Ты же, вроде, хотел женить сына. Может, сыграешь свадьбу?» – «Если для Рузы-ака, то обязательно сыграем, – сказал Темир-ака. – Но только после вечернего ужина».

На свадьбе было много людей. Кто не поместился во дворе, оккупировали дувалы и деревья. Свадьба была пышной. Люди пели, танцевали, желали счастья молодоженам. Рузы-ака тоже сказал свои сердечные поздравления и пожелания. Режиссер фильма был доволен.

Когда свадьба закончилась, директор школы Мамараим Бойкулов сказал: «Сегодня все радостные – и мы, и Вы. Все, кроме двоих».

– Почему – кроме двоих? – удивился Рузы-ака.

– После свадьбы жених и невеста опять разойдутся по своим домам, – сказал директор школы.

– Почему разойдутся? – спросил Рузы-ака.

– Эта свадьба была сыграна не для них. Она была специально организована для Вас, – сказал Эргаш Мадалов. – Потому что они перед свадьбой не успели провести религиозный обряд бракосочетания – никах, согласно нашим обычаям. К тому же у них еще нет свидетельства о браке из ЗАГСа. Поэтому они и не могут быть вместе.

– Когда ураза закончится, мы заново сыграем свадьбу, – сказал отец жениха.

– После стольких расходов и затрат? – удивленно спросил режиссер фильма.

– Рузы-ака – наша гордость. Для этого человека нам не жалко никаких расходов, – сказал Эргаш Мадалов.

Народ Пашхурда любил Рузы-ака, и Рузы-ака не скрывал своей любви к нему.

РУЗЫ-АКА И ПРЕССА

Следует заметить, что когда художник начал входить в мир изобразительного искусства, его творчество всегда широко освещалось в прессе. Так, в 1949 году в газете «Знамя» была опубликована информация о том, как члены кружка молодых краеведов при Термезском областном краеведческом музее под руководством Гавриила Парфенова посетили пещеру Зараутсай. В 1958 году в «Правде Востока» была напечатана заметка, как Рузы Чарыев, учась в республиканском училище, защитил дипломную работу под названием «Скрипач» и, уже учась в Ленинграде (ныне Санкт-Петербург), в институте живописи, скульптуры и архитектуры им. Репина, защитил на «отлично» дипломную работу на тему «Падение Бухарского эмирата».

Таким образом, творческие поиски молодого художника всегда были в центре внимания журналистов. Разные этапы творчества художника с научной точки зрения проанализировали такие искусствоведы, как Лазарь Израилович Ремпель, Рафаэль Такташ, Олег Апухтин, Валентина Лаковская, Тилаб Махмудов, Хабиб Каримов, Наила Валиуллина, Абдулхай Умаров и другие. Духовные искания и жизненную позицию художника освещали такие писатели и журналисты, как Шукур Холмирзаев, Шавкат Абдусаломов, Нурали Кобул, Шерали Сокин, Машраб Бабаев, Абдулла Улугов, Болта Ёриев, Фолькин, Холмумин Худайкулов. Сохранившиеся в доме художника газеты и журналы, различные документы также являются источниками, освещающими его жизнь, поэтому я счел уместным привести некоторые отрывки из них.

АНКЕТА

В 80-е годы, работая в журнале «Ўзбекистон санъати», я обратился к художнику с рядом вопросов: 1) Вы когда-нибудь совершали ошибки? 2) Какие поступки Вы не можете себе простить? 3) Как Вы относитесь к лжи? 4) Что вы понимаете под словом истина? 5) О чем Вы мечтаете?

Его ответы:

«1. Да. И в жизни, и в творчестве совершал много ошибок. Правду говорят: кто ничего не делает, тот не совершает ошибок.

Один случай, произошедший в детстве, я до сих пор не могу забыть. Был 1945 год. Я интересовался искусством, рисованием. Кто-то посоветовал мне пойти в мастерскую художника, которого я недолюбливал. Этот человек дал мне в руки карандаш и картон и велел скопировать одно произведение. Я начал рисовать. Но работал творчески. А он сказал, что художника из меня не выйдет, и прогнал меня. Тогда у меня появилась ошибочная мысль, что художник должен копировать работу точь-в-точь. Впоследствии эта ошибка меня очень изводила. Наверное, поэтому, когда сейчас я работаю над этюдом, рисую, то добавляю кое-какие детали. Не все люди это понимают и упрекают меня, что работа не похожа на натуру.

Вообще же ошибки в жизни человека происходят естественным образом. Такие ошибки для человека всегда являются уроком.

2. Это было в то время, когда я служил в армии. Я познакомился с одной девушкой. Она меня очень любила, приносила книги писателей-классиков – Джека Лондона, Драйзера, рассказывала о них. Она тоже мне нравилась. Но я никак не решался сказать ей об этом. Один негодяй обманул ее, сказав, что женится на ней, но потом бросил ее. Почему я не смог ее уберечь от этого негодяя? Почему не сказал ей о своей любви? Сам этого не понимаю. Ни тогда я себя не смог простить, ни сейчас не прощаю.

3. Ложь бывает разной. Я не смогу простить лжи, особенно когда обманывают близкие друзья. Очень стараюсь не попасть в такое положение.

4. Всякая истина относительна. Под совершенной истиной я понимаю закон природы.

Недавно над рекой Амударья был построен мост Термез – Хайратон. По словам археологов, в древности под этой рекой проходила подземная дорога. Вот видите, через столько веков эта истина подтвердилась.

5. Я бы хотел, чтобы наука XXI века продвигалась вперед, а природа возвратилась к тому состоянию, в каком была в XV веке. Мечтаю о том, чтобы искусство стало еще реалистичнее, еще проще, чтобы было близко человечеству.»

В тот день, когда Чарыев заполнял эту анкету, он предоставил мне копию автобиографии, написанной для вступления в Союз художников Узбекистана.

АВТОБИОГРАФИЯ

Я, Чарыев Рузы Чарыевич, родился в 1931 г. в кишлаке Пашхурд Шерабадского р-на Сурхандарьинской обл. в семье бедняка.

В 1932 г. мои родители умерли. Наши родственники отдали меня с братом в Шерабадский детский дом № 4, где я находился до 1936 года. Потом был переведен в Термезский детдом № 15, откуда в начале войны, в 1941 году, наш детский дом перевели в совхоз «Сурхан», где я находился до 1945 г. После войны меня опять перевели в Термезский детдом № 14, оттуда нас как подростков в 1949 г. отчислили. После этого я пошел учиться в школу механизации, которую окончил в конце 1949 года. В 1950 году приехал в Ташкент учиться в художественном училище, с первого курса был призван в армию. В 1955 году после демобилизации я снова продолжил учебу в училище им. П.П. Бенькова, по окончании которого (в 1959 году) был направлен в институт им. И.Г. Репина г. Ленинграда. Во время учебы в институте неоднократно участвовал в республиканских художественных выставках в Ташкенте. В 1965 году, окончив институт, возвратился в Ташкент.

В настоящее время хочу вступить в Союз художников и влиться в ряды художников Узбекистана.

20 ноября 1965 года

«СИЯНИЕ РАДУГИ»

В определенном смысле эта статья художника определяет его творческое направление. Из размышлений художника видно, что на него не оказала влияние существовавшая в то время идеология:

«Быть учеником художника – нелегкая задача. Прежде всего, это не копирование увиденного мастером, не подражание ему, а возможность перенять его мастерство, его взгляды на жизнь. Надо сказать, что многие наши ученики идут по пути искусства своей дорогой, не похожей на нашу. Появилось талантливое, здоровое, новое поколение молодых художников, имеющих свой творческий почерк. И это очень отрадно.

Я посоветовал бы каждому молодому начинающему художнику найти свой путь в искусстве. А для этого нужно глубже изучать жизнь, анализировать ее глубинные пласты, быть всегда в тесной связи со своим временем. Объявить какой-нибудь стиль или направление единственно правильным и отрицать любые другие стили бессмысленно. Грани и цвета жизни очень разнообразны. Каждый может найти свой стиль и звучание, присущие лишь его душе, свою тему для творчества и развития таланта. Этот прекрасный мир художник должен заново возродить в своей душе, должен создать свой мир в искусстве. Если кому-то удастся это, он становится истинным художником. Если же художник пытается создавать работы ради своей выгоды или думает лишь о славе и деньгах, или пытается подражать «модному» стилю, то, по правде говоря, он очень далек от искусства. У истинного художника (равно как и у литератора, артиста, режиссера) должна быть определенная жизненная позиция, темы, близкие для его души. Он должен стремиться к идеалу. Только в такой борьбе он может полностью показать себя, достичь самовыражения.

К сожалению, на практике мы видим обратное. В последнее время в прессе появилось слово «репродукционизм». Черты репродукционизма встречаются в творчестве некоторых наших художников. Я хочу предостеречь молодых от этой опасности. Речь идет о тех случаях, когда некоторые художники, иногда уже зрелые мастера кисти, идут по легкому пути, стремятся открыто копировать чужие методы и стили, известные произведения. В результате некоторые авторы, претендующие на ультрасовременность, попадают в смешное положение, не замечая, что в своих работах они повторяют технику и стиль Сальвадора Дали, Модильяни и других художников с мировым именем. Было бы справедливо созданные таким методом работы демонстрировать не в музеях или выставочных залах, а в сборниках абстрактных диковинок – паноптикумах.

Для молодого художника есть еще и другая опасность. Обрадовав зрителя удачным, прекрасным произведением, некоторые талантливые художники больше не заботятся о своем творческом росте. Они постоянно применяют один и тот же метод, найденный однажды. Теперь они думают не о творчестве, а о славе. Это называется «авторепродукционизм» – то есть воспроизведение самого себя, а если говорить откровенно, это – начало творческого бесплодия. Остерегайтесь подражания и копирования, потому что это наносит большой ущерб жизненной правде.

Художник, если даже от случая к случаю вносит в свое произведение реалистические элементы, созданные другим, все равно изменяет правде жизни, потому что пользуется чужим трудом, обманывает зрителя. А где есть ложь, там никогда не будет искусства.

Искусство достигается только тогда, когда безостановочно ведутся поиски совершенства. А жизнь дает для этих поисков богатый мате-

риал, в котором есть переливы и сияние всех цветов радуги, образы, формы, богатый источник разнообразной тематики. Это сокровище неиссякаемо. Но каждый достигнет его только своим трудом. Другого пути нет».

Журнал «Ёшлик», 1982 г., № 1

ДУШЕВНОЕ СИЯНИЕ

Рузы Чарыев уделял особое внимание детской и молодежной прессе. Для него мир детей был бесценен. Это подтверждает интервью, данное им журналу «Гулхан»:

“Однажды пришел один корреспондент, – рассказывал художник, услышав о цели нашего прихода. – Я хотел из-за нехватки времени перенести нашу с ним беседу на следующий день. А он мне сказал, что фактов для него в моей мастерской имеется достаточно. Я промолчал. На следующий день в газете была опубликована статья со множеством фактов, не имеющих ко мне отношения. Я был возмущен. Предлагаю поговорить о жизни, о людях, о критериях произведений, поиск которых дает художнику счастье.

Во время войны в детском доме я видел детей, привезенных из Ленинграда. Я заплакал, увидев, как они едят. Одной рукой они держали хлеб, а другую подставляли под него, чтобы ни одна крошка не упала на пол. Они знали, что такое голод. Но самое страшное было вечерами. Как будто их только что привели с поля боя и, искупав, уложили в белоснежную постель. Их била дрожь. Засыпая, они задумчиво смотрели в потолок, а некоторые из них просыпались в полночь, плача. Однажды один из них, увидев, как я рисую, сказал мне, что пишет письмо отцу и в письме хочет отправить мамин портрет. Я нарисовал его дарящим маме цветы.

«Мама у меня не такая, – сказал он, обидевшись на меня, – у нее глаза были очень красивые. И волосы не получились как у нее. Нельзя отправлять этот рисунок отцу.»

Я не ожидал от него такого. Впоследствии узнал, что он был прав. Когда они ехали сюда из Ленинграда, мама этого мальчика погибла, а отец не знал об этой трагедии. После того случая каждый раз, когда рисую образ женщины, мне кажется, будто кто-то, стоя возле меня, возражает. Хочу сказать, что учили меня рисованию очень многие. Я хочу, чтобы каждый человек родился в душе художником и жил как художник, потому что художник должен не только рисовать, а еще и дерзать. В каждом человеке заложено искусство, то есть есть заряд красоты. Какое счастье, что я стал верным тружеником искусства!

Любовь матери к своему ребенку – это ее преданность обществу. Возьмем, к примеру мою картину «Колыбельная». И ребенка, который лежит в бешике (колыбели), и мать, качающую его, я написал в светлой гамме, передав посредством белого цвета искренность и чистоту чувств. Образ матери создан и в таких произведениях, как «Мелодии Сурхандарьи», «Девчонка», «Рождение дочери». Мне всегда казалось, что я не справлюсь с этим образом. Ни один художник не имел счастья отобразить его точно.

В картине «Свирель» из цикла «Одесские воспоминания» изображен мальчик, пронизанный светлыми утренними лучами солнца. На пастбище пасется пегая корова. Ишак, поворачивая шею, ревет во все горло. А на возвышенности мальчик, не обращая на них никакого внимания, играет на свирели. Он настолько занят этим, что не слышит и не видит происходящего вокруг него. Все его мысли заняты лицемерием красоты. Невольно задаешь себе вопрос: кто этот мальчик? Почему он с таким увлечением играет на свирели? Живы ли его родители? Или, соскучившись по ним, он отводит душу с помощью мелодии? Когда я создавал эту картину, у меня была цель передать внутренний мир ребенка. Такие же цели я преследовал, создавая произведения «Дружная семья», «Благородный»”.

Говорят, что художнику хорошо работается лишь в одиночестве. Может быть, у кого-то это и так, а вот у Рузы Чарыева – по-другому. Вот что сказал об этом он А. Закирову:

«ЖИВОПИСЬ И МУЗЫКА – СЧАСТЬЕ МОЕ»

Ляганы со свежими лепешками, вишней или персиками, крепко настоенный чай на неизменном столике в мастерской, а вокруг столика – как всегда, гости. Сегодня это товарищи по искусству, обсуждающие какие-то проблемы творческого союза, завтра – друзья, заглянувшие на пиалу чая, или мальчишки, которые глядят восторженными глазами на мастера, так легко работающего кистью. Сколько бы народу ни собиралось, это отнюдь не мешает художнику. Поистине редкая способность – работать у мольберта и участвовать в дискуссиях. А они, как правило, увлекательны:

«Часто ли мы заглядываем в подвалы и подворотни, где подростки увлекаются спиртным и пускают по кругу шприц с наркотиком? – говорит Чарыев. – Кто из нас сделал попытку приобщить этих ребят к чему-то другому, ну хотя бы к своему искусству? Знаю, это совсем не просто. Но давайте попробуем! Ведь есть и много других проблем, где наше искусство сыграло бы не последнюю роль.»

Как с этим не согласиться. Взять хотя бы доброе начинание в республиканском отделении Детского фонда. Его основные поступления – от предприятий и организаций. Но их, к сожалению, не хватает на программы спасения гибнущей природы, разоренной культуры, помощи инвалидам и сиротам. Рузы Чарыев одним из первых поддержал идею создания хозрасчетного культурного центра, который бы дал не только новый приток средств, но открыл бы еще один путь приобщения детей к искусству. Вместе с композитором М. Таджиевым Рузы намерен организовать цикл концертов-лекций «Живопись и музыка» для ребят из детских домов. Разумеется, безвозмездно.

К сиротам у Рузы Чарыева особое отношение. Наверное, потому, что он рано остался без родителей, воспитывался в детском доме «Сурхан», потом в одном из детдомов Ташкента, и знает, что значит внимание к тем, кто не ведал материнской ласки. Именно живопись и музыка определили круг творческих интересов Рузы. Еще в детдоме Наталья Николаевна Попова, художница местного краеведческого музея, увидев рисунки мальчишки, взяла его в свою студию. Рузы учился рисовать с натуры – пейзажи, людей, натюрморты, а когда решился ехать в Ташкент, насчитал 22 альбома: было что показать.

Рузы вспоминает, как провалился на первом же экзамене в Ташкентском художественном училище – тогда сначала сдавали не живопись и рисунок, а писали диктант. Однако директор училища С.Ф. Абдуллаев, известный живописец, сразу же распознавший талант юноши, вопреки всем правилам принял его. И здесь открылся еще один дар начинающего художника – вокальный. Чуть ли не на каждом концерте в училище можно было услышать звонкий тенор Рузы. И пел он не то, что было модным на эстраде тех лет, а классику: арии из «Пиковой дамы» Чайковского, из «Отелло» и «Риголетто» Верди, из «Паяцев» Леонкавалло. С тех пор музыка стала частью жизни художника. Без нее он не подходит к мольберту, а когда она звучит, то и работает лучше: мазки ложатся один за другим. Вот и сейчас в мастерской слышны звуки оркестра: это Третья симфония Бетховена. Надо ли удивляться, что цикл концертов-лекций для сирот «Живопись и музыка» так близок сердцу Чарыева.

– Скажите, Рузы, когда Вы поняли, что живопись – Ваше призвание?

– Мне было пятнадцать лет. На дороге встретил паренька с барашком на плечах. Сказал ему: «Стой!» и взялся за краски. «Паренек с барашком» – моя любимая акварель, теперь она в Термезском краеведческом музее.

– В жизни художника так много памятных событий!

– Конечно! Например, дипломная работа «Падение эмирата». Эмиры, которых я изобразил, совсем не слабаки, а сильные волевые люди. Уже тогда друзья мне говорили: «Ты – состоявшийся худож-

ник». Но мне хотелось учиться, я чувствовал постоянную неудовлетворенность. В те годы мне очень нравились Серов, Коровин, Малявин, даже хотелось подражать им. Но искусство и подражание несовместимы. В полной мере я это понял в Ленинграде, когда начал заниматься у Юрия Непринцева. Работал, как зверь. Спал не больше пяти часов, да еще находил время бывать в Русском музее и Эрмитаже. Здесь-то и познакомился со своей будущей женой. Она училась на историко-филологическом. Через месяц мы поженились. Сняли комнату в одном из старых кварталов, где жил когда-то Достоевский. Находил время и для выполнения заказов: надо было зарабатывать.

Годы в Ленинграде, этом чудесном городе, полном поэзии и очарования, во многом определили увлечения и вкусы Чарыева. Именно здесь он понял, что художник и оформитель заданной идеи – не одно и то же. Художник – лишь тот, для кого неразделимы идея и форма произведения. Творческое удовлетворение от первых самостоятельных шагов в искусстве проходило быстро, и Рузы с годами все более критично относился ко всему, что создавал. Учился смотреть на себя со стороны, видеть себя как художника.

Наверное, эта способность, определившая его творческий путь, помогла Рузы Чарыеву создать так много ярких произведений. Достаточно назвать работы «Женщина из Байсуна», «Маки», «Голос Востока», «Невестка», «Сурхандарьинская мелодия», «Пашхурдская девочка» и другие, многие из которых стали достоянием Государственного музея искусств Узбекистана, областных и других музеев. Но больше всего произведений Рузы Чарыева – в Байсунской галерее, которой он подарил около ста полотен. С них-то и началась первая сельская картинная галерея в родной художнику Сурхандарье.

Пожалуй, никто не видел Рузы Чарыева в плохом настроении, хотя, конечно, не бывает и без этого. Он улыбчив, остроумен, полон интереснейших планов. То собирается в родной кишлак Пашхурд, то на Байкал или на выставку в Швецию. Тот, кто хоть раз беседовал с этим веселым и сразу же располагающим к себе художником, запоминает его надолго. Так же прочно остаются в зрительной памяти работы этого мастера – портреты, пейзажи, натюрморты, графика и путевые зарисовки. Особая острота и свежесть восприятия, энергия мазка и линии и главное – интерес к человеку, – все это делает искусство Рузы Чарыева столь близким нам.

Художник несколько раз путешествовал по Арктике. Каждый раз, когда он возвращался из поездки, он показывал мне, как обычно, очень много этюдов и набросков и твердил: «Если бы ты видел эти места, то заново полюбили бы наши земли».

ПУТЕШЕСТВИЕ В АРКТИКУ

В Узбекистане для живописца существуют все цвета, почему же он пожелал путешествовать по Арктике? Чарыев так ответил мне, автору этой книги:

«Чтобы глубже понять, прочувствовать все краски природы Узбекистана, если будет позволено так сказать... Ты помнишь, как мы с тобой путешествовали в 1981 году летом по горам Заравшана, Туркестана, Фанским горам, видели вечную мерзлоту, снег. Познакомились с красотой Искандеркуля, Еттикуля, Зеравшанской долины. Теперь сам подумай: где же я мог увидеть еще столь резкое отличие от красок моей Родины? Только в Арктике! Это важно для творчества художника. В сущности, я однажды уже побывал на Севере. Несколько лет тому назад я был в творческой поездке по Байкалу, Братску, Ангарску. Я также первый художник-узбек, побывавший в творческой поездке по Арктике. Во время сорокавосемидневной поездки я прошел тысячи километров по суше и по морю, по городам – Усть-Каменогорску, Иркутску, Магадану, Анадырю, бухтам Эгвекино и Пророчество, проливу Беринга, острову Дежнева, порту Тикси... Дорогу от бухты Провидения до порта Тикси я проплыл на теплоходе «Тоболлес». Когда впервые увидел синие, могучие, вечно пенистые волны Охотского моря, то от такого величия просто задохнулся. Все это для меня было незнакомо. Вода... Вода... С левой стороны простирались совершенно безлюдные ледяные степи, протяженность их достигала 4000 метров. Небо, хмурое и пасмурное, постоянно довлеет над человеком. Уже потом, постепенно, в мире объятий царства льда можно увидеть временные пристанища оленеводов – урасы, нарты с собачьими повозками. Сначала Север показался мне недружелюбным, даже враждебным. Как подумаешь, что зимой холода достигают 88 градусов, а совершенно темная полярная ночь длится 170 суток, то мурашки бегут по телу.

Но через некоторое время я понял, что ошибся. Во время путешествий меня особенно поразило то, как, несмотря на тяжелые климатические условия, мужественно и самоотверженно трудились люди. Помоему, только патриоты и романтики, люди с сильной волей способны на такое. Это – влюбленные в Арктику моряки, докеры, геологи, геофизики, гляциологи, гидрометеорологи, бурильщики, в основном молодежь. Хотя природа Севера по-своему сурова и безжалостна, но, на мой взгляд, люди были сильнее природы. Каждый из них заботился не только о себе, хорошо понимая, что, думая лишь о своем благополучии, можно принести непоправимый вред общественной работе. Поэтому все работают единой командой. Хорошо бы и нам, служителям искусства, иметь такие достойные качества.

Чтобы подтвердить это мое мнение, далеко ходить не надо. Вот, например, экипаж «Тоболлес» теплохода, на котором я нахожусь. Я провел с ним сорок дней и сорок ночей. Этот теплоход перевозит древесину в Японию, во Вьетнам, в азиатские юго-восточные страны. Я ни разу не слышал, чтобы работающие в тяжелых условиях члены экипажа жаловались на жизнь. Наоборот, в течение всего сезона плавания они находились в приподнятом, хорошем настроении, несмотря на то, что теплоход каждую минуту мог попасть в тиски льдин.

О прошлогодней «ледяной эпопее» за полюсом все слышали по радио, смотрели по телевизору, об этом писали газеты. И наш экипаж благополучно провел теплоход через айсберги, через большие скопления торосов, несмотря на 8–10-балльные штормы. Мы в добром здравии прибыли в пункт назначения – в Тикси.

Конечно, я очень мучился на теплоходе. Море переливается серовато-красноватым оттенком. Ветер воет, как волк. Шторм. Теплоход сильно качает. Проснувшись, не чувствуешь, что отдохнул. Невозможно было не восхищаться силой воли капитана Александра Гричухи, помощника капитана Виктора Плочинта, всех матросов экипажа. Зима уже приближалась. Светлая часть суток все сокращалась. Лужи уже под толстым слоем льда. Последние птицы улетают на юг. Приближается время возвращения на материк. 19 августа из Тикси вылетели самолетом «Ил-18Д» в Москву.

Во время этого путешествия я создал десятки произведений. В вернисаже, открывшемся в Тикси, было продемонстрировано восемь моих произведений. Кстати, забыл сказать, что в городе работает великолепная картинная галерея. Для этой галереи я подарил свои произведения на тему Арктики. Тикси – это портовый город в море Лаптевых. Здесь также построен аэропорт на льду, где приземляются самолеты.

На Чукотке я познакомился с морем, с тундрой и живущим здесь северным народом, с жизнью чукчей, которые очень любят искусство. Представьте, в тундре есть приличный театр! Вот у кого надо учиться самоотверженно пропагандировать искусство. Кстати, я там познакомился со знаменитым охотником, Героем труда Петром Ивановичем Пенеуги. Несмотря на то, что у него давно уже поседели волосы, Пенеуги еще силен, с зоркими глазами, никто не может припомнить, чтобы его бригада возвращалась после охоты с пустыми руками. Он участвовал в ловле моржей. Морж дает прекрасную кожу, вкусное мясо, а из клыков моржа изготавливают разные предметы.

Пейзаж, который я видел на Чукотке, до сих пор стоит перед глазами: холодное солнце, будто обессилив, устало мерцает над морем. Кусочек его золотистого луча освещает еле-еле видный на горизонте охотничий домик. Я постарался изобразить этот пейзаж на холсте.

Чукчи, живущие у подножия гор, на берегах Берингова пролива, в период своей многовековой истории создали удивительную, неповто-

риму культуру, которую исследователи называют «Чудом Арктики». Большое впечатление оставил у меня Певек. Поразительно, что здесь в летнее время цветут ромашки. Вечная мерзлота и – улыбка природы – цветущие сады. Уму непостижимо... Да, немного отвлекся от темы. Во время путешествия я создал около пятидесяти произведений. В этом отношении мое путешествие было плодотворным. Я думаю, что в моем творчестве долгое время будут звучать отголоски темы Северного полюса. Там деревья трещат от холода, а металл разбивается, растрескивается, как стекло. Но местные художники, несмотря на тяжелые условия, работают очень продуктивно. В Анадыре я познакомился с художником В. Истоминым, который работает, показывая всем пример своим героизмом и мужеством. Творящий в городе Тикси В. Гвоздюк тоже входит в число таких самоотверженных художников. О художнике И.П. Рубане надо рассказать особо. Игорь Павлович Рубан – единственный художник и писатель в стране, удостоенный звания «Почетный полярник», живущий и творящий на Северном и Южном Полюсе. Он – автор знаменитого полотна «Семен Челюскин» и книги «Льдины. Люди. Встречи». Встречи с И.П. Рубаном я, наверное, буду помнить до конца своей жизни.

Знаете, я как-то читал у Пикассо: «Есть художники, которые превращают солнце в желтое пятно. Но еще есть и другие, которые своим мастерством и силой мышления превращают желтое пятно в солнце». Творившие в Арктике мастера кисти, как казалось мне, относятся ко второй группе художников. Очарованные Арктикой, мужественные, закаленные в борьбе с природой, эти художники считают себя очень счастливыми. Каждый художник, живущий на этой Земле, возвеличивающий его людей, имеет право считать себя счастливым.

Несмотря на экзотику, в бытовой жизни широт Севера, оказывается, очень сильны порядки, там нельзя неряшливо одеваться. Каждый человек, несмотря на должность, которую он занимает, должен подчиняться этому порядку – быть чисто одетым, хорошо выбритым, даже принарядившимся. Это очень важно для долгих экспедиций, потому что если у людей плохое настроение, то ослабевают дисциплина, появляются болезни, и в результате экспедиция может не достигнуть намеченных целей.

Я поехал в Арктику не сбрав бороду, и это несколько раз обсуждалось экипажем теплохода. Мне вежливо объяснили, что было бы хорошо, если бы я сбрил свою бороду. Я сказал, что дал обет, что не сбрею бороду, пока не стану действительным членом Академии художеств. Хорошо, что они мои слова приняли всерьез.

Пока я путешествовал, в Арктике лето уже подходило к концу. Лето Арктики... Это время года каждый человек должен увидеть собственными глазами. Солнце не садится. Постоянно день. Начинает таять снег, который скопился за зиму, над океаном – верхние пласты

льда, толщина их достигает четырех метров. В результате на ледяных полях образуются озера, глубина которых достигает полутора – двух метров. Что касается меня, я бы сказал, что эти озера – одни из незабываемых, это неповторимая красота природы. К сожалению, в представлении многих слова «Арктика» и «красота» не очень совместимы. Наверное, они считают, что раз уж здесь властвуют безжалостные холода, как же Полюс может претендовать на красоту?!

Что еще сказать? Разве можно забыть громкое щебетание птиц над минаретоподобными скалами острова Рудольф, любознательных пингинов, шагающих по-хозяйски, с важным достоинством, белесо-зеленые ледяные горы дрейфующих айсбергов? Плавая по великому Северному морскому пути, я однажды заметил, что на моем пальце слегка содрана кожа. Никакой боли не почувствовал. На следующий день место содранной кожи посинело. Увы, я, оказывается, отморозил палец. Вот вам и лето в Арктике!

Северный морской путь... Длина его достигает 5600 км и простирается от Карских Ворот до бухты Провидения. Основанное в двадцатые годы, движение на этой дороге продолжается всего 2–4 месяца. Иногда ледоколы в целях безопасного движения верениц теплоходов очищают путь ото льда. Анадырь. Эгвекинот, залив «Бухта Провидения», мыс Дежнева, Певек, Тикси, Диксон, Дудинка, Игарка. Северный морской путь проходит по этим местам, каждое из которых имеет важное значение для морских судов и жизни моряков. Благодаря этим местам Арктика превратилась из вечного ледяного царства в пространство, где живет и работает человек.

В самом деле, почему я обо всем этом рассказываю тебе? Об этом же могут рассказать этюды, пейзажи, картины, которые я нарисовал. Вот они – пейзажи, портреты, натюрморты, картины, внимательно посмотри на них. Почти невозможно было работать акварелью. Я работал только маслом. Тюбики масляных красок я всегда держал за пазухой, чтобы они не замерзли.

Откровенно говоря, творчески работая в незнакомых условиях, далеких от родных мест, я задумывался о будущем изобразительного искусства республики...

За свою сорокалетнюю творческую деятельность я понял одну горькую правду, что мы – художники – не понимаем критиков, а они не понимают нас. Художник художника понимает с полуслова. А выступление критиков только в редком случае доходит до души художника или любителя искусства.

Правда, иногда в прессе встречается хорошая критическая статья. Вот тогда посмотри, какая суматоха поднимается! Почему? Потому что наши художники стали слишком обидчивы, они не воспринимают никакой критики. В таких случаях мы, художники, тоже виноваты.

Мне нравится глубина и размах в творчестве молодых художников Сабира Рахметова, Рахмона Шадиева, Сувонкула Ахмедова, Бобониеза Курбанова, Аслиддина Исаева, Бахадыра Саломова и др. Но иногда у них не хватает смелости. А между тем эти художники, достигшие мастерства к 20–25 годам, прославились на всю страну.

Поскольку искусство – это шаг от конкретности и ясности к непостижимой тайне, пусть произведения, которые вы создали, будут правдой сегодняшнего и завтрашнего дней. Если хотите сказать что-то о жизни, то необязательно изображать ее такой, какая она есть. Нарисуйте то, что вы думаете о жизни. Было бы здорово, если бы как можно раньше наша молодежь поняла, что в искусстве «кустарщина равна лживости». Полирую, шлифую. Произведения, созданные мной во время путешествия в Арктику, я отбираю, сортирую краски, делаю что-то, работаю, работаю, работаю...»

ВСЕ ВРЕМЯ В ПОИСКЕ

Интервью с Рузы Чарыевым «Всегда в поиске», записанное И. Алимовым:

«Квартира Рузы Чарыева напоминает залы музея либо выставочного павильона. В коридорах и комнатах на стенах – многочисленные картины, наброски, этюды. Однако все это – лишь малая часть сделанного за многие годы творчества. Основные работы пока вне дома – они экспонировались на только что закончившейся персональной выставке художника.

Имя Рузы Чарыевича Чарыева широко известно и в нашей республике, и за ее пределами. Ему посвящено немало статей в республиканских и центральных изданиях, его работы неоднократно экспонировались на различных выставках. Он удостоен почетного звания заслуженного деятеля искусств Узбекистана, является лауреатом государственной премии республики, избран заместителем председателя правления Союза художников Узбекистана по работе с молодежью.

Сегодня Р.Ч. Чарыев отвечает на вопросы корреспондента «Вечернего Ташкента»:

– Вот мне уже и пятьдесят, а я, признаться, этого и не заметил, все чувствую себя молодым, – начал беседу Рузы Чарыев. Беспокойный, деятельный, он не может усидеть на месте даже во время разговора. – Знаете, это очень важно – сохранять целомудрие в искусстве, не гнаться за карьерой, хорошим заработком, разными благами. По-настоящему творческий человек, думается мне, не должен стремиться к почестям. Ему не следует спешить добиваться признания. Он про-

сто должен хорошо делать свое дело, отдаваясь ему всей душой, всем своим существом.

– Рузы Чарыевич! Поскольку вы сами завели об этом речь, ответьте, пожалуйста, на такой вопрос: как Вы определяете понятие «творчество»?

– Я отвечаю на этот вопрос применительно к художникам. Несколько лет тому назад в газете «Культура» в статье, посвященной моей работе, Батыр Закиров охарактеризовал ее так: «Каждый день – творчество». Что ж, по-моему, он достаточно точно уловил мое отношение к творчеству. Если художник работает ежедневно, не щадя себя, то в конце концов это станет первой и главной его потребностью.

Естественно, что художник в своем каждодневном труде должен постоянно опираться на правду жизни. Именно в ней сила художника, как, помните, сила Антея была в единстве с землей.

Непрерывный, напряженный труд мобилизует художника. В связи с этим, думается, правилом каждого из нас могут быть перефразированные слова Льва Толстого: «Ни дня без рисунка». Любой перерыв в работе может принести непоправимый вред, и чем перерыв больше, тем вред ощутимей.

Бесспорно, нелегко поступить в учебное заведение, готовящее работников искусств, трудно в нем учиться. Но еще труднее учиться после его окончания. А это необходимо, ибо творческий человек должен постоянно быть в поиске, непрерывно постигать еще непознанное им, неосвоенное.

Когда я занимался сначала в училище, а затем в институте, то был даже несколько не согласен с системой обучения. От нас требовали изучения природы. Это, конечно, правильно. Но педагоги не всегда добивались эстетического понимания этой самой природы. Можно тщательно зафиксировать ту или иную деталь, однако художник должен уметь отобрать главное. Ему необходимо тонко улавливать, в каких случаях эта деталь нужна во всех подробностях, а в каких ее можно даже выкинуть совсем.

Мучительный процесс творчества одновременно является большой радостью, приносит колоссальное духовное удовлетворение. Когда приходит такое вот состояние, тогда и совершается таинственный акт настоящего творчества. Помнится, писал я портрет каракалпакской актрисы. Я был настолько увлечен работой, что мне не мешало даже присутствие людей, которые ходили, что-то делали, о чем-то говорили. По оценкам специалистов, этот портрет у меня получился. И создан он был в процессе активного творчества. Я вообще не могу пассивно относиться к этому процессу, даже когда работа идет медленно и трудно.

– Незадолго до своей кончины известный писатель Аркадий Первенцев говорил о том, что книги в основном рождаются не за письменным столом в уютном кабинете, а в жизни. Как, по-вашему,

осуществляется процесс накопления материала для произведений художника?

– Что ж, и у писателей, и у художников примерно одни пути накопления материала и реализации замысла. Художник тоже должен хорошо знать жизнь, находить в ней свою правду. Он должен очень много ездить, но ездить не как турист, а познавая и глубоко изучая всевозможные явления, людей.

Вот уже более десяти лет я работаю над одной картиной на материале Сурхандарьинской области. Подвигается она медленно, но я не ропщу. Дело, очевидно, в том, что или собрано недостаточно материала, или он не вполне еще осмыслен. И это несмотря на то, что в процессе работы я объездил практически всю область, побывал в самых отдаленных ее уголках и собрал материал, который теперь уже может иметь самостоятельное значение, и использовать его я смогу в работе над другими произведениями. Следовательно, картина может рождаться несколько лет. Однако это не единственный путь. Картина «Тишина», например, родилась, что называется, в одночасье. Как-то утром вышел я во двор, смотрю: выпал снег, а на снегу — черные вороны. Увиденное затронуло меня, и я тут же изобразил его на холсте. А бывает, сюжет картины складывается в течение нескольких недель. Особенно это относится к портретам. Познакомишься, например, с какой-нибудь яркой личностью, оригинальным и самобытным характером. И возникает непреодолимое желание написать портрет. Кстати, общение с другими людьми заряжает художника, обогащает его. Иногда объясняют творческие простои тем, что художник-де ушел в себя и что-то там напряженно ищет. И это называют творческим поиском. Не представляю себе такого состояния. Твердо уверен, что жить в обществе и не чувствовать себя постоянно его частью — это своего рода аномалия. Конечно же, бывает, что с окружающими складываются сложные отношения. Наступают и кризисы. Однако настоящий художник должен перебороть все невзгоды. Это трудно, но в искусстве необходимо. Вспомним: у всех великих художников были внутренние силы, духовное богатство, что позволяло им выстоять в самых сложных обстоятельствах. Чему и как, с вашей точки зрения, надо учить творческую молодежь? Прежде всего надо учить видеть и понимать жизнь, правдиво ее изображать. История живописи знает многие направления. Я глубоко убежден, что самое верное направление то, которое родилось при изучении природы, жизненных явлений. Тот находит правильный путь, кто по-настоящему ищет. Гении изобразительного искусства нашли не только себя в жизни, но и свою философию в ней. Как правило, их философия, взгляды на жизнь — беззаветное, преданное служение искусству. Очень важно следовать этому правилу и каждому из нас. Не надо бояться определенных лишений — почести и достаток со временем придут, если искусство остается главным в жизни. Вспоминаю первые после

окончания института годы. Знаете, мы жили тогда материально даже хуже, чем в студенческие годы. Однако, как мне кажется, я поступил правильно, отвергнув несколько выгодных предложений по выполнению, прямо скажем, ремесленных, нетворческих работ. А ведь иные мои сокурсники позарились на легкие заработки и потеряли себя для искусства навсегда, хотя и были талантливы. И все потому, что боролись они не за искусство, а за хорошую, «красивую» жизнь. Я не хочу этим сказать, что молодых надо учить жить. Просто их следует подводить к мысли о том, что опыт старших чему-нибудь да учит. А вообще — пусть молодые не боятся дерзать, ошибаться. Если рядом умный и чуткий старший наставник, он поможет им понять и исправить ошибки.

— Многие посетители Вашей персональной выставки, а также читатели нашей газеты интересуются, как Вы начинали путь в искусстве.

— Должен сразу сказать, что мне повезло в жизни на хороших людей. Еще в детском доме совхоза «Сурхан» Сурхандарьинской области, где я воспитывался, любовь к изобразительному искусству нам прививали на уроках рисования, которые вели превосходные учителя. Здесь среди прочих учеников меня выделил директор Термезского краевого музея Гавриил Васильевич Парфенов. Он привел меня в действовавший при музее кружок рисования, который вела Наталья Николаевна Попова. Там я и приобрелся к изобразительному искусству.

Потом меня призвали в ряды Армии. Служба проходила во Львове. Там я занимался в изостудии и отдавал живописи все свое время, писал по 10—15 этюдов в день. Сейчас даже сам не верю, что удавалось так много работать. Затем приехал в Ташкент и поступил в художественное училище имени П.П. Бенькова, куда меня приняли сразу на второй курс. Здесь большую помощь мне оказал великолепный художник Самиг Абдуллаев. Занимаясь в училище, я много ездил по республикам Средней Азии, была даже в Сибири. В училище подобралась довольно сильная компания начинающих, которые сейчас стали отличными художниками. В их числе — Юра Зоркин, Юра Галдыкин, Шавкат Абдусалымов, Володя Трифонов, Женя Кравченко и другие. Мы конкурировали между собой, и эта конкуренция сослужила отличную службу.

Честно говоря, по окончании училища я было посчитал себя законченным художником, но интуитивно чувствовал, что мне еще нужно продолжать учиться рисовать. И я поступил в Ленинградский художественный институт имени И.Е. Репина при Академии художеств. Еще во Львове я копировал картину Юрия Михайловича Непринцева «Василий Тёркин». И надо же было так случиться, что в Ленинграде я попал в класс Ю.М. Непринцева! Здесь моими педагогами были также большие художники, великолепные педагоги Алексей Дмитриевич Романович, Олег Аркадьевич Еремеев.

И все-таки учиться было невероятно трудно. Иногда казалось, что все уже до тебя сделали великие, лучше их не нарисуешь, и вообще все это никому не нужно. Но, к счастью, я не пал духом, Ленинград на многое открыл мне глаза. Я изучал хранящиеся в его музеях картины Серова, Врубеля, Васнецова, Сурикова, Ренуара, Гогена, Пикассо, Ван Гога, Тициана, Рафаэля. И с той поры рекомендую всем хотя бы один раз в жизни побывать в Ленинграде. Замечательный все-таки это город!

– Как, с Вашей точки зрения, взаимодействуют различные виды искусства?

– Считаю, что все виды искусства тесно связаны между собой. История знает много случаев, когда человек был одновременно и отличным художником, и большим поэтом, умел хорошо петь, играть на различных инструментах, имел другие таланты. Видимо, человек искусства должен вообще быть разносторонне образованным и эстетически развитым. Я счастлив, что у меня завязались хорошие, дружеские связи с писателями, музыкантами, поэтами, артистами, деятелями кино, журналистами. Портреты многих из них я писал с особым удовольствием.

– Ну и, конечно, большое влияние на мастеров кисти оказывают соратники по искусству, другие художники. Я, например, считаю, что на мое творчество повлияли произведения таких крупных художников, как Рахим Ахмедов, Абдулхак Абдуллаев и других.

– Какие свои произведения Вы считаете удачными, а какие относите к неудачным?

– Это очень сложный вопрос. Мнение художника о собственных произведениях может оказаться весьма субъективным. Вместе с тем не всегда лучшими являются те картины, которые охотно закупают музеи. Короче говоря, вопрос о том, что хорошо, а что неудачно, может решить только время. У меня несколько работ, которые мне не нравятся, и я их даже уничтожил. Но меня убеждают, что я поступил неправильно, поторопился.

– Ваши ближайшие планы?

– Завершить картину «Люди земли Сурхандарьи», над которой я работаю много лет, написать несколько портретов, продолжить работу над жанровыми картинами, натюрмортами, этюдами. Иными словами, каждый день — творчество...

Вот мне уже пятьдесят лет. Но я этого даже не заметил. И сейчас чувствую себя молодым, в полном расцвете сил. Оставаться в мире искусства непорочным очень тяжело. Я думаю, что все годы я оберегал себя от всяких напастей: высоких постов и должностей, от приличных денег и райской жизни. Настоящий творческий человек, который посвятил себя искусству, не должен спешить к наградам и славе, а должен посвятить всего себя любимому делу. Как мать-земля дает

Антею энергию, так постоянный и неустанный труд умножает силу художника. Один знаменитый поэт сказал: «Не должно быть ни дня без написанной строки». Это касается и художника. Он не должен проводить ни одного дня не рисуя. Всякая пауза в творчестве приводит к непоправимым последствиям. Не каждый, закончивший художественное училище, становится художником. И после окончания училища или института надо постоянно учиться, все время быть в поиске. Надо стараться познать то, чего не знаешь, не видел и не слышал. По правде говоря, я тоже думал, когда окончил художественное училище, что стал настоящим художником. Но у меня было большое желание продолжать учиться, чтобы полностью овладеть тайнами живописи. Когда я учился в училище, а после в институте, я был недоволен системой преподавания. От нас требовали подробно, до мельчайших деталей изображать человеческое тело. Конечно, это, с одной стороны, хорошо. При этом студенты досконально изучают анатомию человека. Но преподаватели не всегда обращают внимание на поиск в человеческом теле эстетического.»

ЗАПЕЧАТЛЕТЬ ВДОХНОВЕННОЙ КИСТЬЮ

«В октябре прошлого года в Швеции проходили Дни культуры и искусства Узбекистана. Выставки, которые привезли с собой гости, а также концерты мастеров искусств, лекции, беседы, демонстрация документальных кинолент позволили шведской общественности лучше познакомиться с жизнью и культурой узбекского народа.

В составе делегации Узбекского общества дружбы и культурной связи с зарубежными странами побывал в Швеции и ташкентский живописец, заслуженный деятель искусств Узбекистана Рузы Чарыев.

Пользуясь разнообразными, но сугубо «походными» средствами – такими, как уголь, цветные карандаши, фломастер, акварель, – художник неустанно переносил на лист свои впечатления. Рисовал на улице, в поезде, на теплоходе, во время встреч с коллегами, с простыми зрителями.

Своеобразным творческим отчетом художника стал показ его работ в Стокгольме на конференции, куда он снова был приглашен уже в декабре. Показ был успешным. И вот теперь с путевыми зарисовками Рузы Чарыева смогли познакомиться его земляки в выставочном зале Союза художников Узбекистана.

Мимолетные наброски – портреты, городские пейзажи, – конечно же, не могут дать полного представления о тех местах (речь идет о столице и трех крупных городах Швеции – Мальме, Хельсинборге, Карлстаде), где вместе с делегацией довелось побывать художнику.

Цель их иная – уловить и выразить в рисунках характеры людей, особенности и своеобразие северного края. Это своего рода записная книжка или, может быть, копилка, откуда будет он черпать изобразительную информацию.

Художник намерен продолжить работу над «шведской» темой. И, очевидно, впечатления от посещения памятных мест выльются в самостоятельную серию (или альбом).

Рузы Чарыев признается, что ему особенно дороги несколько рисунков, которые он успел сделать, путешествуя по архитектурным местам. Они представлены и на нынешней выставке. Живой интерес посетителей вызывают портреты – рабочих, студентов, ученых, художников, активистов общества дружбы. Автор не называет их имен, а как бы изучает и анализирует одно социальное лицо, лицо современного поколения шведов.

Недавно в Союзе художников Узбекистана состоялся творческий отчет Рузы Чарыева о его поездке к целинникам Джизакской степи. Зарисовки в альбоме, картины положили начало новой серии портретов вполне конкретных героев – таких, как знатный хлопкороб А. Валиев, строители нового Газли (и здесь художник успел побывать) или земледельцы Сурхандарьи, с которыми Рузы Чарыева связывает давнишняя дружба и к которым лежит его новый творческий маршрут.

Запечатлеть, изобразить вдохновенной кистью пульс нашего времени – такую большую и благородную задачу ставит перед собой художник.»

В. Белоплотов, 1976 г.

«ХУДОЖНИК, НЕ УМЕЮЩИЙ ВОДИТЬ МАШИНУ»

Газету, в которой была опубликована эта статья, после смерти художника кто-то, видимо, оставил в мастерской, и мой взор случайно упал на нее. Взглянув на заглавие, я вспомнил, что у Рузы-ака была своя машина. В восьмидесятые годы с группой художников мы поехали в район Пенджикента на его москвиче-0412, в Фанские горы, горы Анзоба и Зеравшана, на легендарное горное озеро Еттикул (*Семь озер*) и, установив там палатку, целый месяц жили в горах и степях. Видимо, автор статьи Бахтиер Расулов об этом не был осведомлен, хотя в его статье есть и некоторые правдивые сведения.

В своих воспоминаниях он пишет:

«С детства имел представление о жизненном пути Рузы Чарыева, потому что на телевидении часто организовывали постоянные встречи, беседы с ним. Прошли годы, я слышал от художников, что выставки Рузы-ака демонстрировались то в одной, то в другой стране. Этот че-

ловек в моем представлении был намного богаче, чем на самом деле. На телеэкране он всегда был в белом костюме, с белоснежной бородой и длинными седыми волосами.

– Вот она, вот она, моя жизнь! Ведь во всем этом отражена вся моя жизнь. Если хотите узнать про мою жизнь, посмотрите на мои картины, – говорил Рузы-ака, волнуясь.

Я не мог даже подумать, что такие известные, талантливые люди живут настолько просто. Тогда я обратил внимание на картину, где был изображен человек, похожий на чародея или мага. Было похоже, что произведение не завершено. Я спросил у Рузы-ака об этой работе.

– Этот, да? – взволнованно спросил он. – Это экстрасенс (речь шла о Кашпировском). Я нарисовал его за несколько минут на одном из его сеансов, когда он приезжал в Ташкент. Тогда он с удивлением сказал: «Я думал, что только я такой необычный, а на самом деле чародей, оказывается, Вы». Поэтому эта картина осталась такой, какой и была нарисована.

Рузы-ака всегда говорил о творческих людях воодушевленно, а иногда и со слезами на глазах, особенно когда рассказывал, какие проблемы и трудности они испытывают.

Как-то, вернувшись с работы, я вдруг по телевизору в передаче «Ахборот» услышал слова диктора, от которых сердце сильно забилося: «Сегодня безвременно ушел из жизни талантливый живописец, народный художник Узбекистана Рузы Чарыев...»

Рузы Чарыев был достойным представителем своего народа, великим человеком, который своими картинами о жизни узбекского народа прославлял свою страну на весь мир. Его не интересовали ни деньги, ни высокие должности. Он всю свою жизнь посвятил живописи.

Наша цель заключается в том, чтобы, рассказав о жизни великого художника, который всегда работал для искусства, для будущего своего народа, беречь как зеницу ока то богатое духовное наследие, которое он оставил нам, сохранить его и передать в музеи – центры искусств, чтобы новое поколение тоже знало о них.»

Газета «Даракчи», 17 июня 2004 г.

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ХУДОЖНИКА

Выставка «Показывают молодые» (Выставочный зал СХ Узбекистана) – 700 произведений.

1. Оптимистические впечатления.

2. Выставка дает представление о состоянии изобразительного искусства Узбекистана в целом, это очень верно!

3. Разные уровни мастерства, различные творческие направления. Представлены почти все города и области республики и художники почти все, от зрелых мастеров (Б. Джалалов, М. Тохтаев) до художников, впервые заявивших о себе. Еще 10 лет тому назад такого широкого показа произведений не было.

Ж. Умарбеков. «Человек разумный» 1979–1980 гг. Здесь хорошо то, что объединены величайшие историки, ученые, художники и поэты Востока и Запада. «Алжир. Женщины» (сцена почти бытовая); «Сахара»; портрет легендарного Ш. Миршарапова.

А. Мирзаев. «Мосты» (неплохо); «Стихи читает»; «Джизакский триптих» – сырой, пестрый. У него очень живые «Фаришские зарисовки» («Стихи», «Бахмальские девушки», «Чабаны»).

А. Никонов. «Хамза» (неплохой портрет), его же «Портрет археолога» (М. Исхакова).

Очень хорошие портреты и автопортреты М. Шуваловой «Южанин», «Девочка с одуванчиком», «Портрет Алишера». Очень точно передает душевное состояние.

А. Маматова. «Портрет Лиды» (очень хороший). «Портрет Петра Васюкова». Хороший. Все портреты Азиза привезла из Ленинграда, где она стажировалась 2 года. Портреты у Маматовой глубокие по смыслу и профессиональные.

Б. Джалалов. «Свет во тьме» (Авиценна); «Портрет Ислама Шагуламова»; «Осенняя мелодия» (семейный портрет); «Светлое утро» (памяти Ш. Абдурашидова).

Фахреддинов З. (Ташкент). «В начале века» – дехкане, бедняки чего-то гневно требуют. Для сравнения с сегодняшним днем – хорошо. «Урюк цветет» – красиво по колориту.»

1980 год, август

«Мои размышления о работах, занявших места на выставке «Показывают молодые», организованной в 1980 году Союзом художников Узбекистана. Такие художники, как Б. Джалалов, Дж. Умарбеков, М. Тохтаев действительно показывают себя.

Пейзаж Ж. Умарбекова «Старый город» очень приятный.

С. Хегай (из Коканда). «Апрель. Зеркало» – поднимает человеку настроение.

А. Бабаджанов, «Ветерок». (Занавеска. Ваза. За окном темная ночь.) Похоже на Матисса и на японское искусство. Хорошо.

З. Фахреддинов. «Зацвел урюк». Хороший колорит.

Барно Шодиева. Скульптура «Колыбельная». Очень хорошо.

Т. Эсанов. «Портрет Р. Тимурова». Великолепно!

1986 год, ноябрь

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ АВТОРА

По заметкам, написанных художником, чувствуется, что он относился к каждой выставке с большим вниманием. «Выставка – это как издание книги», – говорил художник.

* * *

В этот день на встрече с поклонниками изобразительного искусства Рузы-ака прямо выразил свое мнение об изобразительном искусстве Узбекистана, о происходящих изменениях в своем творчестве. Он обобщенно проанализировал реалистический метод в изобразительном искусстве и пришел к выводу о его однообразии и о том, что молодежь наша копирует произведения зарубежных художников:

«...Я присоединяюсь к разным «измам» – течениям, если они не приводят человека в тупик. Также приветствую возрождение миниатюры. Последний представитель Бухарской школы миниатюры Садриддин Поччаев создал интересные композиции на современные темы. Но большинство художников, работающих в стиле миниатюры, не могут идти вперед, постоянно повторяя старые темы и сюжеты. Как понимать это? Скажу спасибо Чингизу Ахмарову за то, что он, плодотворно используя миниатюру, создал серию настенных росписей. Но некоторые его образы, как мне кажется, повторяются. Мы должны изображать не только тело человека, но и его душу, работать над поиском форм. Как разнообразна сама жизнь, так и искусство живописи тоже должно быть разнообразным. Преклоняясь перед мастерством наших учителей – я имею в виду произведения Тансыкбаева, Бенькова, Волкова, – хочу подчеркнуть, что в семидесятые годы преобладало однообразие реалистического изобразительного искусства...»

Рузы-ака особо остановился на произведениях А. Волкова:

«Его работы, поиски мне нравятся. Но мне не нравится, как он несколько грубовато изображает узбекских женщин и девушек. Это противоречит истине. Никто не имеет права искажать жизненную правду. Красота и изящество не меняются от множества форм и их поисков».

Дом знаний. 1979 год, октябрь

* * *

Рузы-ака очень интересовался историей Афганистана. Вероятно, потому, что эта страна граничит с Сурхандарьей, или потому, что там жили и творили такие великие люди, как Алишер Навои, К. Бехзод, Хусейн Байкара. Художник часто вспоминал встречи с государственными руководителями тех лет на мосту Хайратон, связывающем Узбекистан с Афганистаном. В картине Р. Чарыева «Закат над Амударьей» изображена афганская земля.

* * *

Американка Мина Агинс, побывав в мастерской Р. Чарыева, так отзывалась о творчестве художника в журнале «Узбекистан сегодня» (1975 г.): «Его произведения страстные, бурлящие. По красочности, разнообразию тематики его невозможно сравнить ни с кем. Он – настоящий сын своей родины, с чудной натурой, художник, которому можно только завидовать. Я абсолютно уверена, что в скором будущем он прославится не только у себя на родине, но и за ее пределами».

* * *

Рузы-ака как-то похвалил рассказ Эркина Агзамова «Порог». «Прочитали рассказ?» – спросил я. – «Нет, ты же знаешь, я не очень-то понимаю язык книги. Просто мне пересказали один эпизод из этого рассказа», – ответил он. – «Рузы-ака, этот рассказ невозможно объяснить. Это психологический рассказ», – сказал я. – «Тогда зачем я нарисовал иллюстрации к нему? – сказал он задумчиво. – Ах, да, я наверное, всем нутром почувствовал, что рассказ был великолепным».

* * *

В последнее время Рузы-ака совсем не выходил за пределы своего дворика. С приходом весны он подходил к своему любимому дереву – старой урючине – и начинал поправлять, чинить стол и скамейки после снега и дождя. Потом собирал всех своих друзей, объявлял сезон

открытым, а в адрес урюка говорил добрые пожелания. «Эге-гей, посмотрите на это дерево, посмотрите, как оно цветет!» – говорил он, любуясь деревом. И действительно, в то время как в других местах цветы деревьев погибали от морозов, это дерево всегда зацветало ранней весной. Рузы-ака кушал зеленый недозревший урюк, поспевающий, а осенью рисовал это дерево. Потом собирал курагу, упавшую с верхних веток дерева. Как будто зная это, урючина всегда дарила ему свои плоды.

Дерево было безмолвным свидетелем радостных и горестных дней художника. Почему Рузы-ака в последнее время так привязался к своему садику? Этому были причины. Прежде всего – садик для него превратился в маленькую частичку Сурхандарьи. Временами он устраивал здесь выставку, вынося из дома и из мастерской часть произведений, написанных в Сурхандарье. Он также выносил мольберт, масляные краски и начинал дописывать по памяти отдельные детали.

«Теперь в Сурхандарью не поедем», – говорил он печально. А когда я спрашивал, почему, он отвечал: «Меня не пригласили на юбилей (2500-летие) Термеза и на юбилей Алпамыша. А заместитель хокима Мадартов сказал, что за мной пошлет машину, но не выполнил своего обещания. Я подарил Сурхандарье 50 самых значительных картин. Хотя бы ради уважения пригласили. Они, кроме денег, ни о чем больше не думают».

Я пытался объяснить ему, что народ Сурхандарьи не виноват в этом. Я никогда не видел художника таким печальным... Тогда он указал на урючину и сказал: «Вот мой друг! Он хороший! Без упреков и корысти, ничего не требуя, дает мне свои плоды, не обманывает меня!»

И действительно, выросшее посреди сада огромное урюковое дерево, вечно несущее и хранящее дух искусства, было похоже на самого близкого друга, на нежную мать, ласкающую своего обиженного ребенка. Калитка этого сада всегда была открыта для друзей художника.

Чайхана, например, у нас всегда считалась приютом и кровом для путников, путешественников, для тех, кто приходил отдохнуть и побеседовать с друзьями. Садик Рузы-ака для многих был именно таким местом. Здесь ночевали приезжие абитуриенты, которым негде было остановиться, студенты, ученики, друзья, приезжающие из других городов и областей. Даже если Рузы-ака уезжал куда-нибудь, они все равно оставались ночевать здесь. «Я вырос в этом садике. Когда Рузы-ака переехал сюда, здесь не было этого сада, эти места были неухоженными и заброшенными. Здесь росла всего лишь одна урючина и одна сосна», – рассказывал Курбан-олакуз Хурсандов, вспоминая те дни.

* * *

Летом 1981 года, накануне своего 50-летия, Рузы-ака в Ленинграде в большом выставочном зале Союза художников провел персональную выставку. На это мероприятие Рузы-ака пригласил талантливого скрипача, известного как «узбекского Паганини» – Шухрата Юлдашева. Ныне покойный Ш. Юлдашев виртуозно исполнял на скрипке произведения всемирно знаменитых композиторов, выполняя работу целого оркестра. Зрители восхищались его игрой и высоко ценили его мастерство.

* * *

Однажды, когда я только что перешел на работу в одно учреждение, Рузы-ака пришел ко мне с одним художником. Когда я сел за свой рабочий стол, он сказал этому художнику: «Посмотри! Нодир – чиновник! А когда становишься чиновником, ты становишься другим. Кресло меняет человека!» – и расхохотался. – «А быть чиновником разве плохо? Кто-то ведь должен выполнять такую работу», – сказал я. – Рузы-ака задумался. «Если чиновник делает другим добро, то это хорошо. Но мне кажется, что высокая должность, пост иногда плохо влияют на человека. И еще. Если человек становится чиновником, у него не хватает времени на творчество. А каждая творческая натура должна творить», – сказал он. – «Но невозможно существовать, работая только творчески», – ответил я. – «Вот Шукур (Ш. Холмирзаев, писатель) живет же только творчеством», – сказал он.

ПОСЛЕДНЕЕ ЗАВЕЩАНИЕ РУЗЫ ЧАРЬЕВА

Когда Рузы Чарьев тяжело заболел и попал в больницу, я был в Сурхандарье. Мы вместе с искусствоведом Акбаром Хакимовым и литературоведом Абдуллой Улуговым заехали его навестить. Возле художника сидел скульптор Янис Шапиро.

Когда я с ним прощался, Рузы-ака выдвинул ящик тумбочки возле своей кровати, взял оттуда листок и сказал: «Вчера я видел сон. В темноте я провалился в глубокий колодец. Вот это я и нарисовал». Я взял листок и посмотрел. На нем было нарисовано черным фломастером что-то непонятное, похожее на квадрат. «Но это же знаменитый «Черный квадрат» Малевича», – сказал я. – «Не знаю, но я нарисовал то, что видел во сне», – сказал он.

Это был последний рисунок художника...

На следующий день у меня на работе, ближе к обеду, зазвонил телефон. По голосу я узнал керамиста Ашурмухаммада, живущего в

маленькой каморке в мастерской Рузы-ака. Он тоже в те дни часто навещал Рузы-ака. «Нодир-ака, Рузы-ака больше с нами нет», – сказал он. Я не поверил своим ушам. Тут же пошел к председателю Академии художеств Т. Кузиеву. «Может, нам неверно сообщили?» – сказал он.

Когда привезли Рузы-ака, казалось, будто он спит. Согласно его завещанию, гроб с его телом вынесли из мастерской. Возле садика собралось очень много народа. Провели траурный митинг. Близко знавший Рузы-ака с 1949 года Раим Махмудов, которому было 90 лет, произнес взволнованную речь. Поэт Усмон Азим прочел стихотворение о Рузы-ака. Впоследствии это стихотворение и статья были опубликованы в газете «Ўзбекистон адабиети ва санъати». Стихотворение было столь драматично, что невозможно было сдержать слезы.

В похоронной процессии на Чигатайском кладбище участвовали представители правительства, представители общественности, известные художники, писатели, поэты, люди различных профессий. Чтобы проводить великого художника в последний путь, с его родины, из кишлака Пашхурд, приехало очень много людей, в их числе Мамарайим Бойкулов, Зиедулла Алимарданов, Муродилла Норматов и др.

Чуть раньше мне передали старый платочек. Когда я развязал его, там лежал высохший кусочек глины, размером чуть больше монетки. Это была щепоть земли из кишлака Пашхурд, где родился художник. Рузы-ака все время носил ее с собой... Перед смертью художник сказал: «Отдайте это Нодиру, когда я умру, пусть бросит в мою могилу». Я выполнил его последнее завещание.

Когда снимали с подрамника написанную на большом холсте незаконченную картину художника «Земля Сурхандарьи и ее люди», на мои глаза навернулись слезы. Я хорошо знал, что художник писал эту работу почти тринадцать лет. Когда он ее начинал, я сидел рядом. Я только что окончил университет. Рузы-ака тогда запечатлел меня сидящим в кругу сурхандарьинцев – таков был замысел композиции произведения. «Это будет моя последняя работа, поэтому я не хочу ее так быстро заканчивать», – говорил он всякий раз. У меня сохранился небольшой эскиз этой композиции. Если бы он писал картину согласно этому эскизу, то работа давно бы была завершена. Но почему-то Рузы-ака не торопился ее закончить. Он умер, так и не закончив ее.

Рузы-ака был очень энергичным. Любое произведение, которое он начинал, мог быстро завершить. За год до смерти он написал автопортрет. Рузы-ака почти каждый год писал автопортреты. Если собрать их вместе, то получилась бы хорошая выставка. Как-то Рузы-ака, может быть, предчувствуя, сказал: «Это мой последний автопортрет.» На этом портрете он изображен с белоснежной бородой и седыми волосами, в белом костюме, грустно смотрящий на мир, в котором он уже завершил все свои дела.

Когда я выходил из мастерской, где жил и творил художник, мне почудился его голос: «Подожди, не уходи! Пстой! Я хочу что-то тебе сказать!» Он всегда мне так говорил, когда мы прощались.

ВСПОМИНАЯ ХУДОЖНИКА

В Академии художеств один из знакомых художника – Станислав Петрович Мансуров-Ковриенко – организовал вечер его памяти, на котором впервые прозвучала музыка в исполнении самого автора, композитора Рустама Абдуллаева, посвященная Рузы Чарыеву. Многонациональные народные ансамбли Республиканского интернационального центра исполняли песни, посвященные памяти Рузы-ака. Заслуженный артист Узбекистана Махмуд Намозов во дворце Дружбы народов (ныне Дворец искусств «Истиклол») исполнил песню (стихи автора настоящей книги) «Песня о художника». Режиссер Собир Назармухамедов по сценарию Усмона Азимова (автор книги был главным консультантом) создал фильм «Радуга души, или вспоминая Рузы Чарыева...».

По узбекскому телевидению несколько раз состоялись телепередачи Фархода Бабаджанова «Рузы Чарыев» и Эшкобила Шукура «Книга жизни». В журнале «Санъат» и в газете «Ўзбекистон санъати ва адабиёти» были опубликованы статья народного артиста Узбекистана Батыра Закирова «Чудесный человек» и переписка художника со своим наставником Абдулхаком Абдуллаевым. Каждый год в день памяти и почестей и на Неделе изобразительного искусства в Центральном выставочном зале демонстрируются произведения Рузы Чарыева и фильм о нем. В кафе «Дўстлар», находящемся в центре столицы, висит больше тридцати произведений художника. Здесь каждый год 28 августа отмечается его день рождения. В средней школе № 66 Шерабадского района Сурхандарьинской области под руководством Мамарайима Бойкулова каждый год проводятся конкурсы молодых художников, памятные вечера, посвященные Рузы Чарыеву.

Но нас беспокоят некоторые проблемы, и самая важная из них – это судьба тех произведений, которые находятся в галереях, организованных самим Рузы-ака в Сурхандарье. До сих пор официально не зарегистрирована Галерея изобразительного искусства в Термезе имени Рузы Чарыева. Хочется верить, что все произведения художника, разбросанные по разным уголкам области, будут собраны в одной галерее и будут приняты меры по их сохранению, согласно международным стандартам. В 2006 году об этом в газете «Ўзбекистон адабиёти ва санъати» была опубликована статья Хусайнбека Нодира «Где находятся произведения Рузы Чарыева?»

Эта проблема до сих пор остается нерешенной. По этому поводу я обратился с письмом к хокимам Сурхандарьинской области, но ответа не получил. В 2008 году, 1 апреля, я повторно обратился к хокиму области Т. Джураеву и получил положительный ответ, подписанный заместителем хокима Т. Тангриевым. Надеемся, что в скором времени эта проблема будет решена.

Иногда люди спрашивают: «А где еще, кроме музеев, хранятся произведения Рузы Чарыева? Какова их судьба?». Если судить по документам, которые находятся у меня, очень многие произведения художника выкуплены Дирекцией художественных выставок в Москве, подведомственной бывшему Министерству по делам культуры. Кроме того, его работы хранятся в Государственном музее искусств Узбекистана, в фонде Дирекции художественных выставок при Академии художеств Узбекистана, в музее Ангрена, в Самаркандском музее, в Сырдарьинском краеведческом музее, в музеях США, Голландии, Германии, Италии, Турции, Японии, в частных коллекциях как республики, так и за рубежом. А работы, которые находились в мастерской, хранятся у его вдовы – Марины Разумовской-Чарыевой.

Писатель Мурод Мухаммад Дуст договорился об организации в садике Рузы Чарыева Дома-музея художника.

Когда была проведена выставка произведений Рузы Чарыева, организованная фондом «Форум культуры и искусства Узбекистана», Марина Чарыева выступила с речью, в которой прозвучали такие слова: «Дом, в котором жил художник, надо превратить в Дом-музей». Как было бы хорошо, если бы это предложение воплотилось в жизнь...

Накануне, когда работа над рукописью была почти завершена, нашлась старая тетрадь с заметками, записанными мною в 1988 году со слов Рузы Чарыева. Он мечтал опубликовать этот текст. Отдельные фрагменты его были использованы в моей книге «Дом, в котором живет радуга», посвященной жизни и творчеству Рузы Чарыева.

«Я ИДУ К ВАМ, КЛАССИКИ!»

«... Каждый день после занятий живописью я ходил в Эрмитаж и смотрел одну работу. Каждый день. Есть такая картина у Ренуара – «Девушка, освещенная солнцем». Есть там и просто тихая девушка, великолепная такая головка, я сейчас названия не помню. И я копировал в полном смысле глазами. А когда приходил домой, все вспоминал. Это была для меня хорошая школа. Все это было на первом курсе, во втором семестре. А в первые полгода я учился сам. Мне было очень трудно, потому что пришлось бросить свою первую

школу, где я рисовал такими мазками, таким цветом, думая, что в этом – художественная правда. С большим трудом отходил я от этой школы, осваивая ту, которая была не чисто академической, а содержала в себе что-то от импрессионистов. Я не могу объяснить, что мне нравилось у импрессионистов. Какое-то легкое прикосновение, необыкновенная артистичность, какая-то удивительная правдивость. Это мое ощущение. Хотя я очень любил и Коровина, и Серова. В дальнейшем живопись Серова – одного из выдающихся русских художников – давала мне пищу для размышлений. В свое время мы много внимания уделяли изучению работ передвижников. А Эрмитаж мне преподавал мировую культуру, я здесь посмотрел произведения всех классиков. Сначала я думал: «Почему и у Рембрандта, и у Тициана все черное? Итальянское, испанское искусство для меня тогда было черным – в отношении цвета и света. И я невольно стал прислушиваться к своему внутреннему голосу, который утверждал, что я любыми путями должен понять, почему мне все кажется черным. Может, я не прав? Но потом я посмотрел «Мадонну Литгу» Леонардо да Винчи, «Мадонну» Бенуа, «Мадонну с младенцем» Рафаэля. А они не были «черными». Они изнутри излучали свет. В них была тайна, в них было что-то божественное. Но со временем художник, который учится серьезно, я думаю, в каждом из залов открывает для себя школу течений всех периодов. И потом я вполне стал уже воспринимать Кранаха, художников раннего Возрождения. Это уже позже.

После первого курса мы познакомились с рукописным архивом института Салтыкова-Щедрина, с миниатюрами гератской, мервской, других школ. В книгах Галеркиной, которая великолепно учила нас, я встретил работы Бехзода. Мне очень повезло, что в конце первого курса я познакомился с произведениями великих художников-миниатюристов. И тогда я стал задумываться: почему у Бехзода нет ничего холодного? Вот вода течет, и вода написана теплыми цветами. Вот так я сделал для себя открытие – все относительно, теплые цвета могут быть холодными относительно других теплых цветов. Это было нелегкое открытие. Это, как ни странно, я увидел у Бехзода. Он мне дал цветоощущение нашей земли. Благодаря ему я стал очень тщательно, методично изучать Восток. Я жил в Средней Азии, узнал фрески, Афрасиаб... Педжикент очень мне понравился. Педжикентская роспись дала мне нечто, что подтверждало то, что делал Бехзод. Понятия «Азия» и «Россия» – это небо и земля. Вот тогда я начал изучать фрески, начал изучать восточный колорит, скульптуру. Постоянно рисовал керамический обжиг, пластичный такой. Я был благодарен Эрмитажу. Тогда я писал другу, что открыли мне глаза на большое искусство не академия, а Эрмитаж, Ленинград, сам город, сами люди, вся атмосфера, такая чистая, благородная, которую я ощутил, когда учился. Хотя нам было очень трудно, мы жили впроголодь...

Кроме Эрмитажа я посещал Русский музей. Музей уникальный, он тоже имеет большую притягательную силу. Там – история развития русского народа. Я сожалею, что у нас нет среднеазиатского музея, хотелось бы, чтобы мы лучше знали свою культуру, искусство.

* * *

Я изучал Ренуара, смотрел Рембрандта (Рембрандт был тяжеловат для меня), Веласкес меня поразил, я учился на его работах. Потом я изучал Гольбейна, Веласкеса и других художников, например, Рибера, Мурильо.

Мне нравился великолепный испанский художник Эль Греко. Я написал портрет с его «Моисея». Образы Эль Греко недостижимы для меня. Они живут во мне. Это нечто высокое, недоступное. И все равно художник должен стремиться постичь это искусство. Очень хороший портретист Гойя. Я о нем могу говорить много. Я видел подлинные его работы на выставке в Эрмитаже, несколько раз – в Москве. Из русской школы портретистов на меня особое впечатление произвел Корин. Корин, можно сказать, указал мне путь – идти в свой народ. Выставка художника Корина дала мне огромную духовную силу. Невольно у меня возникла потребность идти и писать представителей своего народа.

Прогресс идет, приходит что-то новое, которое уничтожает старое. И мне, как одному из художников 60-х годов, повезло, что я запечатлел в своих работах целое поколение своих современников, ныне ушедших из жизни. Придет время, молодые художники будут искать эти образы, будут картины писать, труды. Если обратить внимание, например, на «Портрет старика из Сайроба», придешь к выводу: здесь и Эль Греко, и Веласкес, и Гойя, и Гольбейн. Здесь есть что-то от великих художников, у которых я учился. Перуджино мне страшно импонирует. Я учился и на образах Боттичелли. И вот настало время, когда я должен говорить с ними на одном языке, по большому счету. Сказать: «Я иду к вам, к вашему делу. Примете меня или нет, но я иду к вам, классики!»

Честно говоря, натюрморт я не понимаю и не признаю его как великое искусство. Хотя история говорит о том, что двумя-тремя натюрмортами в искусстве зарождалась новая эпоха. Это, например, натюрморт «Селедка с хлебом» Петрова-Водкина. Он о многом говорит. Но через 100–300 лет все это объяснять нужно будет. Или старые русские натюрморты, например, Хруцкого. Он очень интересно писал цветы. Я в свое время учился у него в 50-е годы. «Сирень» Кончаловского очень много значила для меня. Но я считаю, что натюрморт – это просто тренировка глаза, руки. Сезанн – единственный классик по большому натюрморту. Сезанн, Бран... Великолепные натюрморты писал Гоген. Я не отрицаю жанр натюрморта. Я, например, написал «Зимний натюр-

морт», который находится в музее. Зима, снег, цветок растет, а кругом лимоны. Я за натюрморт философский, но не украшательский. Идет разноразной какой-то в натюрморте. Дыни, арбузы постоянно люди пишут... В музее находятся мои натюрморты: «Черная Африка», «Лимоны», есть натюрморт, где присутствуют жизнь и смерть – «Коварство и любовь»: желтый цветок растет, а черный, увядший, лежит. Какая-то мысль имеется. Есть у меня натюрморт «Белые лилии». Сейчас взяли в музей мой натюрморт «В ожидании»: висит гранат, за гранатом – рыба соленая, висят тапочки детские, фотографии моя и жены. Тоже какое-то размышление. Но самое главное, что должно быть в картине, по-моему, – это земля, которую ты пишешь...

Пейзаж – это целый мир. Это прежде всего земля, на которой мы живем. Люди нуждаются не только в красоте пейзажа. Земля, которая кормит человека, должна быть действительно земная, реальная.

Мне импонируют пейзажи Коро, Сезанна, Альбера Маркса, Клода Моне. Великолепный пейзажист Сарьян. Удивительно интересный художник Тансыкбаев. И очень жаль, что он не оставил учеников. А ведь большой художник не то чтобы обязан оставить после себя учеников, продолжателей, – он должен не жалеть своей энергии, дать им все, чтобы они смогли сделать то, что он не успел. Леонардо да Винчи, когда умирал, пригласил нотариуса и все свои рукописи завещал ученикам. Это я считаю гениальным.

Самый интересный пейзаж в моей жизни, самый первый пейзаж, который я увидел – это «Оттепель» Васильева. Детское воспоминание. Эта работа дает мне какое-то умиротворение. Я учился у Васильева пейзажу. Это был первый мой учитель. Ему было 23 года, когда он умер. А мне было 23 года, когда я учился у него. Я копировал его в картинной галерее. Учился у Куинджи, Левитана (это вообще интересный художник). Шишкина, Поленова, Васнецова, Коровина, Серова копировал. Копировал Репина. Пейзаж, я считаю, это в то же время и портрет самого художника.

Очень интересен русский пейзажист Грабарь. Великолепные пейзажи писали Крымов, Рерих.

Есть в пейзаже мотивы, колорит, гармония, документализм. Одним из таких документалистов был Шишкин, но он давал возвышенное понимание природы.

Пройдут года, и останется пейзаж в картинах Карахана, Тансыкбаева, Волкова, Кашиной, Бенькова, в работах современных пейзажистов Мирсоатова, Тахирова. Так или иначе, художник не может обойтись в своем творчестве без пейзажа.

Пейзажи Ван-Гога интересны не только с технической стороны, но и с философской точки зрения.

В 1965 году на Республиканской выставке я представил картину «Хумсан». Апухтин выступил, сказал: «Новое видение наших гор у

художника Чарыева» и, сравнивая, противопоставил работам Тансыкбаева. Я написал оранжевые горы, темно-красно-фиолетовый закат, в общем, – другой подход. По-моему, каждый художник должен находить свое решение.

* * *

... Я все спешу. Хочется успеть еще что-то сделать.

Каждый раз я открываю что-то новое, только для себя, не для мира...

Я никогда не отрицал влияния различных течений. В разные периоды мне импонировали разные художники. А сейчас мне кажется, что самый главный художник – природа. Пока я учусь. И, может быть, я вечно буду учиться.»

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«В ОБЪЯТИЯХ КРАСОТЫ»

Данная статья была написана мною еще при жизни художника к его очередному альбому или каталогу. К сожалению, увидеть альбом, о котором мечтал Рузы Чарыев, ему не довелось. Наконец мне представилась возможность издать настоящий альбом. Я решил включить в роман эту статью, которую читал сам художник.

Народный художник Узбекистана, обладатель ряда государственных премий Рузы Чарыев занимает достойное место среди мастеров кисти. Без малого сорокалетняя деятельность корифея живописи вбирает в себя различные этапы его творческой деятельности. Его первыми учителями были Г. Авакян, В. Петров и другие маститые мастера, преподававшие в старейшем Ташкентском художественном училище им. Бенькова. Продолжил свое образование Рузы Чарыев в Институте живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Репина. Воспитанный в традициях академической школы, Р. Чарыев на раннем этапе своего творчества выступал как художник-реалист. Академический метод помог ему отточить мастерство владения кистью, постичь умение писать с натуры, совершенствовать зрительную память, чувство композиции, цвета, света и тени, построение перспективы.

Знакомство в Эрмитаже с произведениями Ренуара, Сезанна, Гогена, Пикассо способствовало пониманию молодым художником того, что выразительные возможности языка живописи гораздо шире достоверной передачи натуры, провозглашаемой реализмом. Поэтому уже в его студенческих работах «Госпитальный рынок», «Тополя Маргилана» (1963), «Беседа», «Бухара. Мири-Араб», «Бухара. Двор», «Медресе Улугбека» (1964), он отходит от академического стиля. В этих картинах основное внимание уделяется гармонии цвета и линии, передаче душевных переживаний.

Интересна работа Р. Чарыева «Свадьба в Шурчи» (1971), где отсутствует изображение реальных людей, видны лишь смутные очертания фигур пришедших на свадьбу женщин и детей. Изобразительный эффект строится на колористических контрастах преимущественно теплых тонов с темными силуэтами, что придает полотну необычный вид.

Картина «Мать-героиня» (1981) написана в теплых тонах, вобравших в себя краски степных пейзажей Сурхандарьи. Перед нами — женщина в национальной одежде, напоминающая женщин с картин

Поля Гогена; ярко-красные цветы, окружающие ее, помогают передать эмоциональное состояние созданного образа. В гордом, строгом взгляде чувствуется дух человека, закаленного в борьбе с жизненными перипетиями.

Картины Р. Чарыева в основном написаны по памяти, и лишь в отдельных случаях – с натуры. В портретах художник передает душевное состояние человека различными методами, в частности, используя игру цвета и линий («Портрет Р. Такташа»), («Портрет Батыра Закирова»). Ему свойственно достижение подлинной глубины в раскрытии психологического состояния своих героев. Он тонко подмечает их характерные черты.

Р. Чарыеву важно передать отношение людей друг к другу, к природе, к труду.

Художник обладает даром очаровываться благородством и красотой, удивляться им и привносить их в свое творчество. Для него не важна фотографическая достоверность изображаемого на картине. Об этом он сказал как-то в одной из бесед: «...даже работая над этюдом, я пишу, вкладывая свою фантазию. Иные люди, не понимая этого, винят меня в том, что написанное мной не похоже на натуру». Однако, отходя от академического стиля, художник никогда полностью не отрицает его. Это особенно чувствуется в таких его жанровых полотнах и портретах, как триптихи «Реквием», «Первые», «Рождение девочки».

Р. Чарыев увлеченно пишет стариков и пожилых женщин. Эти многое пережившие люди дороги его сердцу. Встречи и беседы с ними оказали большое влияние на художника. В портретах этих людей художник смог выразить широту их души, степенность, свободу и непосредственность, доброту, чистосердечность и безмерную любовь к жизни.

«Портрет друга моего отца» (1970), на котором изображен старик, живущий в одном из кишлаков Сурхандарьи, можно назвать одним из лучших произведений, созданных художником в начале 70-х годов. Портрет построен на контрастах. Загоревшее дочерна под южным солнцем лицо, длинная с проседью борода, снежно-белая чалма, рубаха в красно-желтую полоску с узкой тесьмой, желтое марево жаркого лета, зелень деревьев – все это свидетельствует о том, сколь мастерски живописец владеет цветом. Печален пристальный взгляд старца, отражающий и далекие воспоминания, и мысли, навеянные нынешним днем. Однако контрастные тона портрета не являются самоцелью, они способствуют передаче гармонии духовного мира героя полотна с его образом жизни.

В некоторых произведениях Р. Чарыева присутствуют черты монументализма, свидетельствующие об интересе художника к настенным росписям Афрасиаба, Варахши, о его стремлении к новому интерпретированию этого направления («Яблоки Кумкургана», «Рождение

девочки»). Но, как писал художник-академик Р. Ахмедов, «невзирая на то, что творческие поиски Рузы Чарыева широкомасштабны, композиционные решения многообразны, техника и метод исполнения порою различны, произведения его можно узнать сразу».

Р. Чарыев от природы человек жизнерадостный, энергичный, беспокойный. Все эти качества его характера благотворно влияют на его творчество, которое питают солнечная, богатая теплыми красками Сурхандарья и люди родного края.

Осенью 2000 года состоялась персональная выставка художника в Стамбуле. Там же был написан ряд пейзажей – «Залив», «К морю», «На берегу». По словам художника, он не раздумывает над тем, как и о чем ему писать, работает по велению сердца. Он утверждает, что сердце художника всегда должно быть молодым. Возможно, поэтому трудно поверить, что Р. Чарыеву, работающему с такой энергией и с таким пылом, уже исполнилось 70 лет. Его творчество – это молодость, весна, задорные песни. Думается, что это настоящее счастье для художника.

* * *

В процессе работы над этой книгой я еще раз убедился в том, что когда пишешь о Рузы-ака, то ничего от себя невозможно добавить или сочинить.

Я нашел в его архиве этот листок:

*«Самый великий грех – это трусость.
Самый великий отдых – это труд.
Самое великое несчастье – это отчаяние.
Самое великое мужество – это терпение.
Самый великий учитель – это опыт.
Самая великая тайна – это смерть.
Самая великая гордость – это честь.
Самое великое добро – это хороший ребенок.
Самый великий дар – это умение прощать.
Самый великий капитал – это умение перебороть алчность в себе.
Самая великая измена – это измена родине.
Самая великая щедрость – это кормить бедных.
Самая великая личность – это служитель народа.
Самое великое здание – это здание науки.
Самое великое счастье – это солидарность.»*

Я думаю, что надо искать понимание личности художника в потаенном смысле этих слов. Правда и то, что все рассказать о Рузы-ака очень трудно. Но если Вам кажется, что рассказ о нем получился недостаточным, то мы – его должники. Дорогой читатель, может быть, мы вместе восполним этот пробел?!

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА

1931 г. – родился в кишлаке Пашхурд Шерабадского тумана Сурхандарьинского вилоята.

1959 г. – окончил Республиканское художественное училище имени П.П. Бенькова в Ташкенте.

1965 г. – окончил институт живописи, скульптуры и архитектуры Академии художеств имени И.Е. Репина.

1966 г. – поездка в Марокко, Алжир, Стамбул, Кипр.

1966–1973 гг. – преподает на художественном отделении Узбекского государственного педагогического института имени Низами.

1967 г. – присуждена премия молодежи комитета Узбекистана.

1969 г. – персональная выставка в Ташкенте.

1971 г. – персональная выставка в Термезе.

1975 г. – присвоено звание Заслуженного деятеля искусств Узбекистана.

1963–2004 гг. – участвует во всех республиканских и международных художественных выставках.

1975 г. – поездка по Швеции и Бельгии.

1979г. – групповая выставка художников В. Бурмакина, Е. Мельникова, Ю. Талдыкина, Р. Чарыева, Г. Улько.

1982 г. – поездка по Сибири.

1982 г. – поездка в Афганистан.

1982 г. – персональная выставка в Ташкенте и по вилоятам республики.

1983 г. – присуждение государственной премии имени Хамзы за создание серии «Люди земли Сурхандарь» и «Чарвакская долина».

1984 г. – поездка в Арктику.

1987 г. – присвоено звание Народного художника Узбекистана.

1990 г. – художественный руководитель Республиканского центра детского творчества.

1997 г. – почетный академик Академии художеств Узбекистана.

1998 г. – награждение орденом «Эл-юрт хурмати».

1999 г. – поездка в Голландию.

2002 г. – поездка в Турцию.

18 февраля 2004 г. умер в Ташкенте.

СОДЕРЖАНИЕ

«Память дает знать времени о его бесправии...»	3
Памяти Рузы Чарыева	7

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

КРАСОЧНЫЕ ДВЕРИ ВПЕЧАТЛЕНИЯ	11
Воспоминания детства	14
Устремленность к мечте	18
Разговор возле Эрмитажа	22
Встреча одноклассников	25
Возвращение в кишлак	26
Рождение произведения	31
Этюд	35
Картина	39
Вторая жизнь человека	41
Пейзаж	47
Из дневника автора	53
«Не стремитесь к легкой победе»	61
По инициативе Чарыева	68
Заботы Рузы Чарыева	69

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ХУДОЖНИКА

Одиночество	73
Дни, проведенные в Ходжикенте	82
Мастерская	84
Знакомая и незнакомая Италия	85
В Байсуне	90
Во Вьетнаме	94
В Швеции	95
В Союзе художников	96
В Шерабаде	100
В Детском творческом центре	102
Сад Рузы	103
Люди искусства. «Каждый день – день творчества»	105

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ПОСЛЕДНЕЕ ЗАВЕЩАНИЕ РУЗЫ ЧАРЫЕВА	109
Художник и время	109
Встречи с руководителями	110
Ученики	111
Рузы-ака и старый мир	112
В Газли	114
Рузы-ака и хлеб	116
Среди людей	117
«Здравствуй, небо, здравствуй, звезда, здравствуй, человек!»	118
«Беруни-наме» художника	119

Автор данного романа-эссе Нодир Норматов известен и как искусствовед, и как писатель. Вышедшие из-под его пера книги – романы «Баригал» («Иди ко мне»), «Кўзгудаги икковлон» («Двое в зеркале»), «Бисот» («Сокровище» – Избранное), повести «Голубые орехи», «Птицы над оврагом», «Кўхитанг ҳикоялари» («Рассказы Кухитанга»), «Камалак яшайдиган уй», («Дом, где живет радуга»), «Ранглар юртига йўл

(«Дорога в мир цвета») – уже получили высокую оценку читателей.

Данный роман-эссе собран из личных наблюдений Нодира Норматова, бесед автора с Рузы Чарыевым, дневниковых записей художника. Простым и доступным языком книга повествует о детстве и юности Рузы Чарыева, значительных событиях его жизни и даже пытается проникнуть в «святая святых» любого художника – показать процесс создания полотен. В книге читатель найдет также фотографии из архивов Рузы Чарыева и его друзей, относящиеся к разным периодам его жизни, и репродукции картин художника.

«УЗБЕКИСТАН»

ISBN 978-9943-28-508-8

9 789943 285088